

3.X. KAPP

THE RUSSIAN REVOLUTION

FROM LENIN TO STALIN
(1917-1929)

Edward Hallett Carr

*Sometime Fellow of Trinity College
Cambridge*

M
PAPERMAC

Э.Х. КАРР

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ОТ ЛЕНИНА ДО СТАЛИНА

1917-1929

Советско-британское издательство
"Интер - Версо"
Москва
1990

Совместное издание:

"Интер – Версо" – издательство "Международные отношения"

Карр Э. Х.

К 21 Русская революция от Ленина до Сталина. 1917– 1929:
Пер. с англ. Л. А. Черняховской. – М., "Интер – Версо",
1990. – 208 с.

ISBN 5-85217-005-4 ("Интер – Версо")

ISBN 5-7133-0359-4 (ИМО)

Книга, посвященная первым двенадцати годам существования революционной России и СССР, знакомит читателя со взглядами на отечественную историю известного английского историка Э. Х. Карра. Основанный на многочисленных источниках, анализ Карра отличается объективным подходом к событиям того времени. Книга впервые издается на русском языке. Издательство сопровождало текст уникальными иллюстрациями из фондов Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР.

Для широкого круга читателей.

К 0503020000–005 Без объявл.

ББК 63.3(2)7

К Интер – Версо – 90

ISBN 5-85217-005-4

("Интер – Версо")

ISBN 5-7133-0359-4

(ИМО)

ISBN 0-333-20036-4

(Великобритания)

© Edward Hallett Carr, 1979

© Пер. с англ. Л. А. Черняховской, 1990

© Иллюстрации ЦГАКФД СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
1. Октябрь 1917 года	8
2. Два мира	17
3. Военный коммунизм	28
4. Нэп как период передышки	38
5. Новый советский строй	46
6. Кризис "ножниц" цен	58
7. Последние дни Ленина	69
8. Возвышение Сталина	77
9. СССР и Запад (1923— 1927)	94
10. СССР и Восток (1923— 1927)	105
11. Начало планирования	117
12. Поражение оппозиции	126
13. Сельское хозяйство: перед выбором	134
14. Растущие проблемы индустриализации	142
15. Первый пятилетний план	153
16. Коллективизация крестьянства	166
17. Модели диктатуры	176
18. СССР и страны мира (1927— 1929)	186
19. Революция в перспективе	199
Именной указатель	206

ПРЕДИСЛОВИЕ

”История Советской России”, над которой я работал последние тридцать лет и которая состоит из четырех частей: ”Революция большевиков. 1917–1923”, ”Междоусобица. 1923–1924”, ”Социализм в одной стране. 1924–1926” и ”Основы плановой экономики. 1926–1929 г.”, – написана на основе подробных исследований и предназначена для специалистов. Я подумал, что было бы весьма полезно переработать этот труд и написать небольшую книгу совсем иного рода, без научной атрибутики – ссылок и примечаний, для широкого круга читателей и тех, кто впервые приступает к изучению данного предмета. В результате и получился этот краткий исторический очерк. И объем книги, и цель, которую я преследовал, говорят о том, что это совершенно новое произведение. Думаю, что в него не перекочевала неизменной ни одна строка из ”Истории Советской России”.

”Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929” охватывает тот же период. Это период, по которому, в отличие от последующих, имеется довольно много советских документов. Это период, в котором, как в зародыше, содержалось многое из того, что впоследствии определило развитие советской истории; объяснение последующих событий в значительной степени кроется в понимании происходившего именно тогда. Несомненно, было бы явным упрощением описывать 20-е годы только как переход от революции Ленина к революции Сталина. Но такой подход позволил бы показать

роль личности в историческом процессе, завершение которого лежит где-то в необозримом будущем.

Моим многочисленным друзьям и коллегам, чьи имена указаны в предисловии к "Истории Советской России", я выражаю свою признательность за их косвенный вклад в написание данной книги. Я особенно благодарен профессору Р. В. Дэвису, который помогал мне в написании части "Основы плановой экономики. 1926—1929", за его тонкие критические замечания относительно глав, посвященных индустриализации и планированию; и для меня очень полезно было ознакомиться с небольшой книгой профессора Алека Ноува "Экономическая история СССР". Я также выражаю самую горячую признательность Тамаре Дойчер за ее постоянную помощь в подготовке этой книги.

7 ноября 1977 г.

Э. Х. Карр

Октябрь 1917 года

Русская революция 1917 года была поворотным пунктом в истории человечества, и, вполне вероятно, историки будущего назовут ее величайшим событием XX века. Историки еще очень долго будут спорить и резко расходиться в своих оценках ее, как это было в свое время с Великой французской революцией. Одни будут прославлять русскую революцию как историческую веху в освобождении человечества от гнета, другие — проклинать как преступление и катастрофу. Русская революция была первым открытым вызовом капиталистической системе, которая в Европе к концу XIX столетия достигла своего апогея. То, что революция разразилась в разгар первой мировой войны и частично была ее результатом, вряд ли случайное совпадение. Война нанесла сокрушительный удар по международной капиталистической системе, сложившейся к 1914 году, и обнажила ее внутреннюю нестабильность. Революцию можно рассматривать одновременно и как следствие, и как причину упадка капитализма.

Хотя революция 1917 года имела широкое международное значение, она коренилась в специфических русских условиях. За внушительным фасадом царского самодержавия скрывались застойная аграрная экономика, которой со времени освобождения крепостных удалось достичь лишь весьма незначительных успехов, и недовольство голодного крестьянства. С 60-х годов XIX столетия в России действовали террористические группы, происходили периодические всплески насилия и репрессий. Тогда же началось движение народников, преемницей которых стала социал-революционная* партия (эсеры), защищавшая интересы крестьян. После 1890 года в

* Так у автора. Имеется в виду партия социалистов-революционеров.

патриархальном хозяйстве России начали происходить серьезные сдвиги в сторону индустриализации; в стране появляется приобретающий все большее влияние и значение, богатейший класс промышленников и финансистов, в значительной степени зависимый от иностранного капитала; это способствовало проникновению в страну либеральных идей Запада, что наиболее полно проявилось в платформе партии кадетов (конституционно-демократической партии). Этот процесс сопровождался ростом промышленного пролетариата, а также первыми проявлениями будущего пролетарского движения; в начале 90-х годов XIX столетия начались первые забастовки. Создание в 1898 году марксистской Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) – партии Ленина, Мартова и Плеханова – отразило все эти явления. Накопившееся напряжение выплеснулось в результате неудач и унижений русско-японской войны.

В первую русскую революцию 1905 года были вовлечены различные слои общества. Это было восстание буржуазных либералов и конституционалистов против произвола обветшавшего самодержавия. Это было и восстание рабочих, которое вспыхнуло после ужасов Кровавого воскресенья и привело к созданию первого Совета рабочих депутатов в Петербурге. Это были и массовые выступления крестьян, стихийные и неуправляемые, часто крайне жестокие и разрушительные. Эти три потока так и не слились, и революцию удалось легко подавить, пообещав народу большей частью невыполнимые конституционные уступки. Февральскую революцию вызвали те же причины, что и революцию 1905 года, однако теперь они усугубились усталостью от войны и всеобщим разочарованием. Волну восстания могло остановить лишь отречение царя от престола. Провозглашение демократического Временного правительства, опирающегося на авторитет Думы, положило конец монархии. Но опять и еще более явно проявился "гибридный" характер революции. Бок о бок с Временным правительством в Петрограде – в 1914 году столица была переименована – появился Петроградский Совет, созданный по модели 1905 года.

Февральская революция вернула в Петроград из Сибири и из зарубежного изгнания множество объявленных самодержавием вне закона революционеров. Многие из них принадлежали к одному из двух крыльев – большевистскому или меньшевистскому – РСДРП или к партии эсеров; к тому

времени в Петроградском Совете была уже разработана своя платформа. Петроградский Совет был в каком-то смысле соперником Временного правительства, учрежденного партиями традиционных конституционалистов старой Думы; эта двусмысленная ситуация нашла отражение в появившемся тогда понятии "двоевластие". Однако первоначальная оценка этой ситуации Советом менее ясна.

В историческом учении Маркса постулировалось существование двух различных типов революций, последовательно сменяющих друг друга, — сначала буржуазной, затем социалистической. Члены Совета, за небольшим исключением, рассматривали февральские события как русскую буржуазную революцию, которая установит буржуазно-демократический режим по западному образцу, и считали, что социалистическая революция — вопрос отдаленного и неопределенного будущего. Сотрудничество с Временным правительством было естественным следствием этой точки зрения, которую разделяли два лидера большевиков, вернувшиеся в Петроград, — Каменев и Сталин.

Сенсационное прибытие Ленина в Петроград в начале апреля разрушило этот непрочный компромисс. Ленин, который вначале не имел единомышленников даже среди большевиков, обрушился на идею о том, что российский переворот — всего лишь буржуазная революция. Дальнейшее развитие событий подтвердило правоту Ленина, что Февральская революция выходит за рамки буржуазной революции. То, что последовало за крахом самодержавия, было не столько раздвоением власти (двоевластием), сколько полным ее расщеплением. И рабочие, и крестьяне, и вообще большая часть населения, скинув чудовищное бремя, испытывали чувство огромного облегчения, всем страстно хотелось только одного — иметь возможность заниматься своими собственными делами так, как им того хочется, считая это самым главным и осуществимым. Это было массовое движение, вдохновленное утопическими мечтами об освобождении человечества от оков высшей деспотической силы и невероятным энтузиазмом. Западные принципы парламентской демократии и конституционного правления, провозглашенные Временным правительством, были не нужны. Идея централизованной власти молчаливо отвергалась. По всей России создавались местные советы рабочих и крестьян. Некоторые города и районы объявлялись Советскими республиками. Фабричные

комитеты рабочих провозглашали себя единственными хозяевами предприятий. Крестьяне захватывали землю и делили ее между собой. А все остальное заслонялось всеобщим желанием мира, прекращения бессмысленной, кровавой, ужасной войны. В военных подразделениях, крупных и мелких — от дивизий до рот, создавались солдатские комитеты, которые зачастую требовали ввести выборность офицеров и оспаривали их власть. На передовой солдаты переставали подчиняться жесткой военной дисциплине, началось разложение армии. Этот всеобщий протест против власти казался большевикам прелюдией к осуществлению их мечты о новом общественном строе; они не хотели да и не могли сдержать недовольство народа.

Поэтому диагноз, поставленный Лениным в его знаменитой статье "Апрельские тезисы", в которой он дает новое определение характера революции, был проницательным и провидческим. "Своеобразие текущего момента, — писал Ленин, — состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии..., ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства". Временное правительство и Советы — не союзники, а противники, представляющие интересы разных классов. Конечная цель революции — "не парламентская республика..., а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху... Не введение социализма... наша непосредственная задача, а переход тотчас к контролю со стороны Р. С. Д. за общественным производством и распределением продуктов". Постепенно в течение лета 1917 года Ленин обеспечил своей программе поддержку соратников по партии. Добиться такого же успеха в Советах не удалось. На июньском Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 1917 года — это была первая попытка формирования высшего органа государственной власти с постоянно действующим исполнительным комитетом — из 800 с лишним делегатов было 285 эсеров, 248 меньшевиков и всего 105 большевиков. Именно тогда Ленин в пылу полемики произнес знаменитую фразу, вызвавшую столько насмешек, о том, что в Совете есть партия, готовая взять государственную власть, — партия большевиков. Престиж и авторитет Временного правительства таяли, и в то же время быстро росло влияние большевиков на заводах и в армии; в июле Временное правительство

решило возбудить против них дело по обвинению в подрывной деятельности в армии, а также в том, что они являются немецкими агентами. Было арестовано несколько большевистских лидеров. Ленин бежал в Финляндию и вел оттуда переписку с Центральным Комитетом, который перешел в Петрограде на нелегальное положение.

Именно тогда, когда Ленин вынужден был уйти с арены действий, он написал одну из своих самых знаменитых и самых утопических работ — "Государство и революция" — исследование теории государства Маркса. Маркс не только проповедовал уничтожение буржуазного государства пролетарской революцией, но и заглядывал дальше — в то время, когда после победы революции и переходного периода диктатуры пролетариата будет происходить отмирание государства до полной его ликвидации. "Пролетариату, — писал Ленин, — нужно лишь отмирающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать". Государство, по Марксу, есть "орган господства, орган угнетения одного класса другим...". Существование государства и бесклассового коммунистического общества несовместимы. Ленин делает афористичный вывод: "Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства". Ленин не только глубоко вникал в учение Маркса, но внимательно прислушивался к революционным настроениям рабочих и крестьян, воодушевленных перспективой освобождения от оков могущественного и вездесущего государства. "Государство и революция" — это уникальный синтез учения Маркса и выражения наивных устремлений необразованных масс. Партия на страницах этой работы почти не упоминалась.

К сентябрю после неудачной попытки генерала Корнилова, представителя правых сил, захватить власть большевики завоевали большинство в Петроградском и Московском Советах. Ленин после некоторого колебания снова выдвинул лозунг "Вся власть Советам!" — это был прямой вызов Временному правительству. В октябре он переодетым вернулся в Петроград, чтобы принять участие в заседании ЦК партии. Он убедил комитет — с ним не согласились лишь Зиновьев и Каменев — принять решение о подготовке к немедленному захвату власти. Подготовка проводилась главным образом Революционным военным Советом, организованным при Исполнительном комитете Петроградского Со-

вета, находившемся в руках большевиков. Троцкий, который присоединился к большевикам после того, как летом вернулся в Петроград, играл главную роль в разработке этой операции. 25 октября (по старому стилю, по западному календарю, введенному несколько месяцев спустя, — 7 ноября) Красная гвардия, состоящая в основном из заводских рабочих, захватила ключевые позиции города и заняла Зимний дворец. Это был бескровный переворот. Временное правительство пало без сопротивления. Несколько министров были арестованы. Премьер-министр Керенский бежал за границу.

Вечером 25 октября (7 ноября) начался II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. У большевиков было теперь большинство — 399 из 649 делегатов, и они направляли работу съезда. Съезд объявил о роспуске Временного правительства, передаче власти на местах Советам и единогласно принял три основных декрета, два из которых представил съезду Ленин. Первый от имени рабоче-крестьянского правительства предлагал всем воюющим народам и правительствам вступить в переговоры о "справедливом демократическом мире" без аннексий и контрибуций, обращаясь, в частности, к "особо сознательным трудящимся трех наиболее развитых государств земного шара" — Великобритании, Франции и Германии — с призывом способствовать прекращению войны. Вторым был Декрет о земле, куда вошел текст, составленный эсерами и больше отвечавший мелкобуржуазным настроениям крестьянства, нежели устремленным в будущее большевистским теориям создания обобществленного сельского хозяйства. Собственность помещиков на землю отменялась без всяких компенсаций; только земля "простых крестьян и рядовых казаков" не подлежала конфискации. Частная собственность на землю отменялась навсегда. Право пользования землей предоставлялось "всем гражданам (без различия полов) России, которые захотят обрабатывать ее собственным трудом". Право на использование полезных ископаемых перешло к государству. Запрещались покупка, продажа земли, сдача ее в аренду, а также использование наемного труда. Это был программный документ, выражающий интересы мелких независимых крестьян, обрабатывающих свои участки земли собственным трудом и трудом своих семей для удовлетворения своих потребностей. Окончательно решить земельный вопрос должно было предстоящее Учредительное собрание. Третьим декретом,

предложенным председательствующим Каменевым, утверждался Совет Народных Комиссаров (Совнарком) как временное правительство рабочих и крестьян, которое должно было управлять страной под руководством Всероссийского съезда Советов и его Исполнительного комитета до созыва Учредительного собрания.

Эти декреты имели несколько характерных особенностей. На заседании Петроградского Совета за несколько часов до их принятия Ленин завершил свою речь следующим смелым высказыванием: "В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства". Однако в официальных декретах съезда понятия "социализм" и "государство" остались в тени. В упоении победой, когда старое государство с присущим ему злом было сметено, никто не хотел задумываться над тем, как строить новое государство. Революция — явление международное, ей не было дела до государственных границ. Правительство рабочих и крестьян не могло быть ограничено какой-либо определенной территорией, невозможно было предвидеть, куда распространится его власть. Социализм был идеалом будущего. Предлагая Декрет о мире, Ленин отметил, что рабочее движение "возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму". Но ни в одном из декретов построение социализма не провозглашается как цель или результат революции; его суть, так же как и его границы, должно было определить будущее.

В конце концов без возражений была отдана дань уважения полновластью Учредительного собрания, что задним числом выглядит до странности нелогично. В промежуток между Февралем и Октябрем и Временное правительство, и Советы требовали проведения Учредительного собрания, чтобы традиционно демократическим путем выработать проект новой конституции. Для выборов был назначен день — 12 ноября. Ленин или не захотел их отменить, или же не чувствовал себя для этого достаточно сильным. В преимущественно крестьянской стране, как и следовало ожидать, абсолютное большинство голосов получили эсеры — из 520 депутатских мест им было отдано 267, большевики получили 161 место, остальные места распределились между множеством мелких группировок.

В январе 1918 года в Петрограде собрались депутаты Учредительного собрания, в городе к тому времени уже твердо установилась власть рабоче-крестьянского правительства,

и оно не собиралось отказываться от власти в пользу органа, который, когда его избирали двумя месяцами раньше, представлял интересы запутавшейся деревни. Бухарин говорил о водоразделе, который расколол собрание на два непримиримых лагеря, два принципиальных лагеря — за социализм или против социализма. Было произнесено множество неубедительных речей. Поздно вечером заседание закрылось, а затем правительство своей властью прекратило работу Учредительного собрания. Это был решающий момент. Революция отвернулась от норм буржуазной демократии.

Первым последствием революции, потрясшим западный мир и вызвавшим его негодование, был выход из войны России, которая бросила своих союзников в трагический момент борьбы с Германией. Когда за этим непростительным предательством сразу же последовали отказ выплачивать долги бывшего русского правительства, экспроприация земельной собственности и промышленности, а также провозглашение революции в России первым этапом революции, которая должна охватить Европу и весь мир, стало ясно, что это — серьезная угроза всему западному капиталистическому обществу. Но к этой угрозе отнеслись довольно легкомысленно. Некоторые на Западе вначале считали, что революционный режим в России вряд ли продержится больше нескольких дней или недель. Лидеры большевиков сами не верили, что смогут удержаться у власти, если рабочие капиталистических стран не придут им на помощь и не поднимут восстания против своих правительств.

Для такой неуверенности были основания. Власть рабоче-крестьянского правительства почти не простиралась за пределы Петрограда и нескольких крупных городов. Большевики даже в Советах не получили пока единодушной поддержки; было совершенно непонятно, как добиться, чтобы Всероссийский съезд Советов как единственный высший орган государственной власти был признан местными Советами, которые появились по всей стране, фабрично-заводскими комитетами, осуществляющими рабочий контроль на заводах, и миллионами крестьян, хлынувших домой с фронта. Чиновники, управляющие, технические специалисты всех уровней бастовали, отказываясь служить новому самозванному правительству. Ядро вооруженных сил, которыми располагала новая власть, составляли несколько тысяч красногвардейцев и несколько батальонов преданных латышских стрелков,

уцелевших при развале царских армий, сражавшихся на фронтах. Через несколько недель после начала революции на Дону, Кубани и Урале начали собираться армии казаков, поклявшихся свергнуть новую власть. Большевикам легко удалось сбросить хилое Временное правительство. Занять же его место, осуществлять действенный контроль над хаосом, царящим по всей громадной территории бывшей Российской империи, установить новый общественный строй, который отвечал бы устремлениям рабочих и крестьян, видевших в большевиках своих спасителей и освободителей, было куда более грандиозной и сложной задачей.

Два мира

Первым конституционным актом, в котором рабоче-крестьянское правительство объявило о новом названии государства, была Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая в январе 1918 года на III Всероссийском съезде Советов, — большевистский вариант Декларации прав человека и гражданина Великой французской революции. Декларация провозгласила Россию Республикой Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в ней также заявлялось, что "Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик". Эта формулировка выражала интернациональный дух революционного режима. Революция была интернациональной по самой своей сути; она заключала в себе идею замены войны между соперничающими державами войной классов.

Развитие мировой революции было для советского режима, борющегося за свое существование, вопросом первейшей важности, единственным оружием большевиков, оказавшихся один на один с вооруженными империалистическими державами; если революции не вспыхнут по крайней мере в крупнейших из воюющих держав, новый режим едва ли мог надеяться, что ему удастся выжить. Между противниками — ведущими странами капиталистического строя, который революция стремилась уничтожить, не было особых различий. Поэтому концепция внешней политики подразумевала вначале лишь пропаганду революции, иное ее понимание было на первых порах чуждым большевистскому мышлению. Троцкий, первый народный комиссар по иностранным делам, лаконично заметил: "Я выпущу несколько революционных прокламаций, обращенных к народам мира, а потом закрою лавочку".

Однако реальность развеяла эти иллюзии, борющейся Советской республике пришлось играть роль национального государства в мире других национальных государств. Обращение к воюющим государствам с предложением о мирных переговорах не получило отклика. Нужно было как-то улаживать взаимоотношения с Германией, чьи армии проникли далеко в глубь российской территории и все еще продолжали вести военные действия. Новому правительству прежде всего было необходимо заключить военное перемирие с империалистическим правительством Германии и затем добиваться мира. В феврале 1918 года в Брест-Литовске начались мирные переговоры. Троцкий, который руководил советской делегацией, демонстративно отказался от традиционной дипломатической практики, обратился к воюющим народам через голову их правительств и открыто проводил среди германских войск антивоенную пропаганду; он ошеломил делегацию Германии, настойчиво требуя "мира без аннексий и контрибуций", то есть именно без того, что было целью переговоров Германии с западными союзниками — державами Антанты.

Но непримиримая позиция Германии и подавляющее превосходство германских войск поставили советскую делегацию перед неизбежной дилеммой. Революционные принципы Троцкого не позволяли ему подписать унижительный договор с империалистической державой. Ленину же к тому времени стало ясно, что это неизбежно. С другой стороны, чувство реальности не позволяло Троцкому поддержать Бухарина и других левых коммунистов в их требовании возобновить "революционную войну". Он придумал формулировку "ни мира, ни войны". Однако, когда немцы, на которых его недипломатичные выходы не произвели впечатления, продолжили свое наступление, та же самая дилемма встала перед ним еще более остро. С большой неохотой Троцкий согласился с Лениным, что подписать "постыдный мир", по которому пришлось отдать Украину и значительную часть территории России, необходимо, и ушел с поста народного комиссара по иностранным делам. Договор был подписан 3 марта 1918 г., и германское наступление прекратилось. Одновременно с переговорами в Брест-Литовске предпринимались неофициальные попытки, причем бесплодные, вести переговоры с представителями Великобритании, Франции и США об оказании ими помощи в борьбе с Германией. Довольно значительная группа в Центральном Комитете партии, возглавляемая Бухариным,

с негодованием восприняла попытки заигрывания с капиталистическими правительствами и подписание договора в Брест-Литовске, расценив это как отход от интернациональных принципов революции. Лишь благодаря влиянию Ленина эти действия были одобрены.

Уроки военного бессилия не прошли для большевиков даром. 23 февраля 1918 г., еще до подписания Брестского мира, была создана Красная Армия, которая вначале называлась Рабоче-Крестьянская Красная Армия; с тех пор 23 февраля празднуется как день рождения Красной Армии. Это название должно было указывать на ее интернациональный характер и цели. Однако официальное сообщение о ее образовании вышло под заголовком "Социалистическое отечество в опасности!", так что рождение Красной Армии было вызвано одновременно и интернациональными, и национальными соображениями. Для организации армии Троцкий был назначен народным комиссаром по военным и морским делам. Слишком большой реалист, он не мог не понимать, что армию нельзя составить из необученных рекрутов. Он начал решать эту срочную задачу с того, что набрал профессиональных военных из бывших царских офицеров — так называемых военспецов, чтобы они обучили солдат. Результаты оказались блестящими. К началу 1919 года в армии числилось 30 тысяч военспецов. Красная гвардия 1917 года едва насчитывала в своих рядах 10 тысяч подготовленных солдат, но уже в разгар гражданской войны в Красной Армии сражалось 5 миллионов. Сам Троцкий проявил выдающийся военный талант. Но он прославился безжалостностью в требованиях безоговорочной дисциплины и наказании провинившихся — ему пришлось отстаивать те самые преимущества военной дисциплины, которые революция намеревалась уничтожить. Крайняя ситуация требует крайних мер.

Эти целесообразные меры не смогли устранить опасностей, подстерегающих Советскую республику, руководители которой к этому времени переехали из Петрограда в новую столицу — Москву. В разных областях страны начали формироваться враждебные режиму войска белых. По соглашению, подписанному марионеточным правительством Украины с Германией, немецкие войска продолжали оккупацию Украины. Правительства западных стран в ярости от революции и от того, что русские бросили союзников в минуту отчаянной нужды, решили действовать. В марте 1918 года английские,

а за ними французские и американские войска заняли северный порт Мурманск — под предлогом необходимости защитить военные склады, расположенные здесь на случай дальнейшего продвижения германских войск. Между тем тысячи находящихся в плену в России чехов и словаков, в основном дезертиров из австро-венгерской армии, сформировали чехословацкий корпус и с согласия советского правительства направились во Владивосток, чтобы оттуда отплыть на Запад. В Сибири корпус, состоящий из хорошо обученных солдат, вошел в конфликт с рассредоточенными и беспомощными советскими властями и — вначале, возможно, произвольно — стал оплотом антибольшевистских сил. В апреле 1918 года правительство Японии, не желая оставаться в стороне от событий, высадило войска во Владивостоке, а два месяца спустя за ними последовали войска англичан и американцев. В июле английские, французские и американские войска оккупировали Архангельск. Тот факт, что рабоче-крестьянское правительство в Москве уцелело в течение лета и осени 1918 года, объясняется, по-видимому, не столько его силой, сколько тем, что воюющие государства были поглощены смертельной борьбой на западном фронте и им мало было дела до происходящего в других местах.

Падение Германии и заключение перемирия 11 ноября 1918 г. по-новому повернули события. Назревающая революционная ситуация в Берлине через два месяца после заключения перемирия, успешные революционные перевороты в Баварии и Венгрии, происшедшие несколько месяцев спустя, вспышки беспорядков в Великобритании, Франции и Италии — все это укрепляло веру лидеров большевиков в то, что долгожданная европейская революция разгорается. Однако события, за которыми с радостью и надеждой следили в Москве, усилили страх и ненависть западных правительств к революционной власти и подхлестнули их решимость покончить с ней. Пришлось отказаться от предлога, будто военные действия в России являются частью войны с Германией, и открыто поддержать русские армии, выступающие против большевиков в Архангельске, в Сибири и на Юге России. Однако возникло новое осложнение. Союзные войска отчасти из-за того, что им надоело воевать, отчасти из-за более или менее очевидных симпатий к московскому правительству рабочих явно не хотели продолжать воевать. В апреле 1919 года вспыхнуло восстание французских моряков на военных кораблях,

стоящих в Одесском порту, и корабли были эвакуированы из порта. Постепенный вывод союзных войск предвосхитил подобное развитие событий в Архангельске и Мурманске. К осени 1919 года на земле России не осталось союзных войск, кроме японских и американских подразделений во Владивостоке.

Но это отступление никоим образом не изменило враждебных намерений западных союзников, которые, чтобы компенсировать уход своих войск, увеличивали поставки боеприпасов, отправляли все больше военных миссий и делали словесные заверения многочисленным "правительствам" России, сплотившимся против большевиков и претендующим на захват власти. Самое многообещающее из таких правительств было сформировано под руководством Колчака, бывшего царского адмирала, который завоевал довольно прочные позиции в значительной части Сибири и начал продвигаться к европейской части России. Летом 1919 года в Париже на мирной конференции представителей правительств союзных стран начались переговоры о признании режима Колчака единственным законным правительством России, окончившиеся, впрочем, ничем. Деникин, царский генерал, который пользовался сильной поддержкой союзных стран, контролировал Юг России, прошел по Украине и осенью 1919 года находился в 300 километрах от Москвы; другой генерал — Юденич — сформировал белую армию в Прибалтике для нападения на Петроград. Однако Красная Армия, несмотря на плохое вооружение, к тому времени уже превратилась в действенную боевую силу. Белые армии не смогли согласовать свои действия и завоевать поддержку населения в районах своих военных операций. К концу года все они стремительно отступали. В январе 1920 года большевики взяли Колчака в плен и казнили. Весной того же года силы белых по всей территории России были разбиты и уничтожены, осталось лишь несколько очагов сопротивления.

Гражданская война закрепила стереотип, который складывался в западном и советском мышлении с октября 1917 года, о существовании двух миров, непримиримо противостоящих друг другу, — мира капитала и мира революции, предназначенного его уничтожить. В ноябре 1918 года, после падения Германии, Центральная Европа на какое-то время стала яблоком раздора двух миров. Забрезжившая революция в Берлине

в январе 1919 года подкрепила и без того твердую уверенность большевиков в том, что смертный час капитализма пробил и революционная волна вот-вот покатится от Москвы на Запад. Именно в этой обстановке Ленин приступил к осуществлению мечты, которую лелеял еще с осени 1914 года, — заменить бездействующий Второй, социал-демократический, Интернационал, который распался и прекратил свое существование накануне войны из-за отказа от принципов марксизма и интернационализма, подлинно революционным Третьим, или Коммунистическим Интернационалом. Это было логическим продолжением решения, принятого на съезде РСДРП в марте 1918 года, — изменить название партии (Российская социал-демократическая рабочая партия), вызывавшее ассоциации с запятнавшими себя меньшевиками и немецкими социал-демократами, на новое — Российская коммунистическая партия (большевиков), РКП(б).

В начале марта 1919 года в Москве собралось более 50 коммунистов и сочувствующих, из которых 35 имели мандаты от коммунистических и прокоммунистических партий и организаций 19 стран. Многие из них представляли небольшие государства, ранее входящие в состав Российской империи, а сейчас получившие статус Советских республик (например, Украина, Белоруссия, Прибалтийские республики, Армения и Грузия). Только что созданная Коммунистическая партия Германии направила в Москву своего делегата, получившего инструкции не затевать принципиальных споров, но стремиться отложить создание III Интернационала до более благоприятного момента. Приехать в Москву с Запада было практически невозможно. Партии Соединенных Штатов, Франции, Швейцарии, Нидерландов, Швеции и Венгрии вручили мандаты своим представителям, которые постоянно проживали в Москве. Единственный представитель Великобритании вообще не имел мандата. Предостережение немецкого делегата потонуло во всеобщем воодушевлении. Прибытие революционно настроенного австрийского делегата, по-видимому, окончательно перевесило чашу весов. Конференция, провозгласив себя I конгрессом Коммунистического Интернационала (Коминтерна), голосованием одобрила манифест, подготовленный Троцким; в нем говорилось об упадке капитализма и о победном шествии коммунизма со времени появления "Манифеста Коммунистической партии" 1848 года. В тезисах, подготовленных Лениным, давалась отрицательная характеристика бур-

жуазной демократии, провозглашалась диктатура пролетариата и осуждались попытки возродить дискредитировавший себя II Интернационал; и, наконец, в них содержался призыв к рабочим всего мира оказать давление на свои правительства, чтобы они прекратили военную интервенцию в Россию и признали советскую власть. Был создан руководящий орган вновь созданного Коминтерна — Исполнительный Комитет (ИККИ). Его председателем избрали Зиновьева, а секретарем — Радека, в то время находившегося в берлинской тюрьме. Через несколько дней после завершения I конгресса в Будапеште была провозглашена Венгерская Советская республика, которая просуществовала очень недолго.

Самым значительным достижением I конгресса явилось создание Коммунистического Интернационала. Тем самым раскол между двумя мирами, и в частности раскол международного рабочего движения, был признан бесповоротно. Основатели Коминтерна твердо верили, что рабочие западных стран, пережившие братоубийственную военную бойню, и особенно немецкие рабочие, хорошо знакомые с идеями марксизма, должны тут же выйти из состава партий своих стран — социал-демократических и рабочих, которые втянули их в эту мясорубку, и объединиться ради создания международного союза рабочих всех стран — цели, провозглашенной Коминтерном. Когда этого не произошло и когда II Интернационал начал даже проявлять признаки возрождения, это стали объяснять продажностью и коварством партийных лидеров, предавших интересы своих введенных в заблуждение последователей. Но в западных странах постепенно углублялся раскол между небольшой группой убежденных коммунистов и рабочими массами, которые оставались верными "реформистским" лидерам.

Пропасть расширялась и из-за непредвиденных осложнений внутри самого Коминтерна. Мировоззрение его основателей было подлинно интернационалистским; они с нетерпением ожидали, когда наконец их штаб переместится в Берлин или Париж. Но то, что произошло в Москве в марте 1919 года, было не слиянием коммунистических партий разных стран в единую международную организацию, а попыткой загнать целый ряд слабых, находящихся в зачаточном состоянии партий в российскую по своей сути организацию, средства и цели которой неизбежно определяли бы РКП(б) и советское правительство. Пожалуй, это было логично. Развитие

международной революции имело два взаимосвязанных аспекта. С одной стороны, эта была святая обязанность всех марксистов, но в то же время — важное средство защиты советской власти, которой приходилось нелегко. Коль скоро повсеместное избавление от гнета капитализма рассматривалось как условие выживания революционной власти в России, эти два аспекта как две стороны единой цели были неделимы. Но это означало также, что обязательства коммунистов других стран перед Коминтерном менее серьезны и гораздо меньше их связывают, чем это представлялось в Москве.

В конце 1919 года продолжались гражданская война и интервенция союзных стран, росла изоляция Советов. Зимой 1919/20 года после разгрома белой армии наступила короткая передышка, и именно тогда, в апреле 1920 года, во время подготовки ко II конгрессу Коминтерна, Ленин написал свой знаменитый и ставший таким популярным памфлет «Детская болезнь "левизны" в коммунизме». Объектом его нападок была так называемая левая оппозиция в коммунистических партиях, которая во имя принципов не желала идти на компромиссы. Ленин, в частности, вспоминал о том сопротивлении, с которым был встречен Брест-Литовский мир. Коммунисты западных стран должны принимать активное участие в работе своих парламентов и профсоюзов и не уклоняться от неизбежных при этом компромиссов. Помня об интервенции Великобритании во время гражданской войны, Ленин призывал английских коммунистов заключать "предвыборные соглашения" с лейбористской партией, чтобы "помочь Гендерсонам и Сноуденам победить объединенных Ллойд Джорджа и Черчилля". Ленин давал этот совет, когда был еще уверен в быстром развитии революции. Тактические рекомендации памфлета сводились к необходимости объяснять рядовым членам рабочих партий подлинную сущность их лидеров, чтобы обратить партии против них. Гендерсона следовало поддерживать "голосованием точно так же, как веревка поддерживает повешенного". Ленин не рассматривал вероятности того, что тактика компромисса и маневра из-за неудачи мировой революции может длиться годами и даже десятилетиями.

В конце апреля 1920 года войска Пилсудского вступили на Украину и в начале мая захватили Киев; Советская Россия вновь оказалась ввергнутой в кризис такой же тяжелой, как и во время гражданской войны. Но на этот раз сопротив-

ление было более гибким и сильным. В июне началось контрнаступление Красной Армии. Растянутым на большие расстояния польским войскам пришлось отступать, и в начале августа Красная Армия вступила на территорию Польши. В это напряженное время начал работу II конгресс Коминтерна, который открылся в Петрограде 19 июля 1920 г. и на котором присутствовало более 200 делегатов. Среди них помимо делегатов от незначительной по численности Коммунистической партии Германии (КПГ) были также делегаты от Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ), отколовшейся во время войны от Социал-демократической партии Германии (СДПГ), а также представители французской и итальянской социалистических партий; внутри этих партий имелись разногласия по вопросу о том, войти ли им в состав Коминтерна, и их представители прибыли на конгресс, чтобы окончательно разобраться в этом вопросе. На конгрессе присутствовали также делегаты от нескольких крайне левых группировок Великобритании, которые решили присоединиться к Коммунистической партии Великобритании. Тон официального доклада, открывшего конгресс, на фоне побед Красной Армии был уверенным и воодушевленным. Рекомендации ленинского памфлета не были забыты. Принимались резолюции, призывающие коммунистов работать в профсоюзах и буржуазных парламентах; Коммунистической партии Великобритании большинством голосов было рекомендовано примкнуть к лейбористской партии. Но теперь господствовало совершенно иное настроение. Конгресс обратился к трудящимся всего мира с призывом не допустить "никакой помощи белогвардейской Польше.., никакого вмешательства в дела Советской России". Мировая революция не сходила с повестки дня. "Дело Советской России Коммунистический Интернационал объявил своим делом. Международный пролетариат не вложит меч в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерации Советских республик всего мира".

На конгрессе было принято "21 условие", необходимое для вступления в Коминтерн; это было сделано для того, чтобы удалить колеблющихся, а также сделать Коминтерн, в отличие от II Интернационала, не союзом партий, придерживающихся весьма различных взглядов, но единой, однородной, подчиняющейся строгой дисциплине партией международного пролетариата. Никогда еще перспектива мировой революции не казалась столь близкой и столь желанной.

Пока на конгрессе шли дебаты, советским руководителям необходимо было принять жизненно важное решение. Следует ли Красной Армии остановиться на польской границе и предложить Пилсудскому условия мира? Или же продолжать почти ничем не сдерживаемое продвижение к Варшаве и другим промышленным центрам Польши? Ленин настаивал на дальнейшем наступлении, ослепленный надеждой, что польские рабочие будут приветствовать солдат Красной Армии как своих освободителей от капиталистического ярма и что революция в Польше откроет широкие ворота в Германию и Западную Европу. Против намерений Ленина выступили Троцкий и Радек. Сталин, по-видимому, разделял их сомнения, но в критический момент принятия решения находился на фронте. Тухачевский, блестящий военачальник, командующий фронтом, решительно выступал за дальнейшее наступление; он хотел превратить Красную Армию в армию Коминтерна. Победили смелость и энтузиазм. К середине августа Красная Армия уже развернулась под Варшавой. Однако тут сразу обнаружился основной просчет всех этих планов. Польские рабочие не пошевелили и пальцем, а призыв Пилсудского к народу оказать сопротивление советским захватчикам был горячо подхвачен поляками. Несколько недель спустя Красная Армия испытала унижение стремительного отступления, которое еще совсем недавно пережил ее противник. Наконец войска остановились восточнее так называемой "линии Керзона", которую и все союзники, и советское правительство признавали восточной границей Польши. Здесь 12 октября 1920 г. было подписано перемирие. Советская республика дорого заплатила за свой революционный оптимизм.

Престиж Красной Армии частично был восстановлен благодаря той легкости, с которой осенью 1920 года она отразила на Юге России нападение Врангеля, последнего белого генерала. Но поражение в Польше еще долго сказывалось на отношениях Советов с западным миром. Военная кампания строилась на убеждении, что польские рабочие поднимутся против своих правителей и вместе с советскими войсками установят в Варшаве революционную власть. Крах этих расчетов показал, что и у польских рабочих, как и у рабочих Западной Европы, слишком сильны национальные чувства, чтобы принять цели мировой пролетарской революции. Рабочие Европы, симпатизируя русской революции и горячо ее поддерживая, не испытывали ни малейшего желания под-

нять знамя революции в своих странах. Когда в октябре НСДПГ незначительным большинством голосов приняла резолюцию о слиянии с КППГ, многие члены НСДПГ и крупнейшей партии немецких трудящихся СДПГ испытали чувство горечи, были возмущены деятельностью КППГ и Коминтерна. Некоторое время спустя Социалистическая партия Франции преобразовалась в коммунистическую, хотя многие также были несогласны с этим решением. Раскол в Итальянской социалистической партии привел к образованию небольшой по численности Коммунистической партии Италии (КПИ). В Москве пополнение рядов Коминтерна было встречено с энтузиазмом, но недоверие к Коминтерну внутри рабочего движения на Западе усилилось.

Попытка революционного переворота в Германии в марте 1921 года (см. с. 53) с треском провалилась. Послевоенная революционная волна в Европе явно шла на убыль.

Из военного поражения в Польше можно было извлечь еще один урок. Русские крестьяне, из которых в основном состояла Красная Армия, мужественно защищали революцию у себя на родине, но не хотели сражаться во имя революции в других странах. Крестьяне, измученные опустошениями и бедствиями гражданской войны, упорно не желали взваливать на себя новые тяготы ради мировой революции. Крестьянские беспорядки, которые прокатились тяжелой зимой 1920/21 года по Центральной России, вызвали тревогу правительства и заставили его заняться внутренними проблемами, пересмотреть представления о западном мире. Иллюзия мировой революции вдохновлялась, отчасти даже навязывалась разрушительным опытом гражданской войны. Когда же война окончилась, идея мировой революции, хотя от нее никто и не отказывался, исподволь отступила в отдаленное будущее. Главными целями текущего момента были безопасность и стабильность. При такой переоценке взглядов наряду с введением нэпа предпринимались попытки урегулировать отношения Советов с миром несоветским.

Военный коммунизм

Враждебность внешнего мира была лишь одной из опасностей, подстерегавших большевиков после того, как они захватили власть. Революция в Петрограде была бескровной, но в Москве шли ожесточенные сражения между революционными отрядами и юнкерами, верными Временному правительству. Выведенные из игры политические партии начали объединяться против власти Советов. Прервалась железнодорожная связь из-за забастовки железнодорожных рабочих, профсоюзом которых руководили меньшевики. Административные службы не работали; ситуацией анархии воспользовались бандиты и хулиганы, начались беспорядки и грабежи. Через полтора месяца после свершения революции специальным постановлением Совета Народных Комиссаров была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (ВЧК). Местным Советам следовало учредить аналогичные комиссии. Еще через несколько дней были учреждены рабоче-крестьянские трибуналы "для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц". Свой первый смертный приговор революционный трибунал вынес в июле 1918 года. Во многих районах страны без разбору убивали и большевиков, и их сторонников. ВЧК мобилизовала все свои силы, выискивая активных врагов советской власти. В апреле 1918 года в Москве было арестовано несколько сотен монархистов; в июле ВЧК подавила контрреволюционный мятеж, поднятый левыми эсерами, которые убили немецкого посла в знак протеста против Брест-Литовского договора.

Летом 1918 года в Петрограде были убиты два крупных деятеля большевиков, в Москве стреляли в Ленина. Напряжение усиливалось и тем, с какой жестокостью велась гражданская война. Обе стороны совершали чудовищные зверства. Политический словарь пополнился выражениями "красный террор" и "белый террор".

Эти тяжелейшие условия привели к полному упадку экономики. Необходимость военных поставок, отсутствие рабочих рук в сельском хозяйстве и промышленности (многие рабочие и крестьяне сражались на фронте) — все это привело к тому, что производство приняло уродливые формы. И сама революция, и опустошения гражданской войны завершили картину экономического, социального и финансового краха. Население страдало от голода и холода. Вначале попытки большевиков лечить больную экономику не шли дальше провозглашения общих принципов равного распределения, национализации промышленности и земельной собственности, рабочего контроля. В первые месяцы революции было экспроприровано множество промышленных предприятий, иногда государственными органами, подчиненными Высшему Совету Народного Хозяйства (ВСХН), иногда — самими рабочими. Аграрная политика большевиков, которые в деревне пользовались поддержкой, была основана на программе эсеров: они провозгласили "обобществление" земли и ввели уравнительное землепользование. Фактически же крестьяне захватили и разделили между собой крупные и мелкие дворянские поместья, а также земли преуспевающих крестьян — так называемых кулаков, которые приобрели землю после столыпинских реформ. Ни одна из этих мер не могла помешать упадку производства. Были национализированы банки. Государство отказалось выплатить долги своим зарубежным кредиторам. Регулярно собирать налоги или сформировать государственный бюджет было невозможно. Текущие финансовые проблемы решались печатным станком.

В течение полугода советская власть кое-как сводила концы с концами. Но затем, летом 1918 года, надвигающиеся бури гражданской войны и экономическая разруха вынудили правительство прибегнуть к более суровым мерам, известным под двусмысленным названием *военный коммунизм*. Продукты питания были первой необходимостью. Рабочие в городах и на заводах голодали. В мае было решено организовать *продовольственные отряды*, которые должны были ехать

в сельскую местность и отбирать зерно у сельской буржуазии — кулаков и хлеботорговцев, которые, как считалось, прячут свои запасы. Декретом от 11 июня 1918 г. в деревне были созданы *комитеты деревенской бедноты*, общее руководство ими осуществлял Народный комиссариат по продовольствию (Наркомпрод). В круг обязанностей комбедов входили "распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий; оказание содействия местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев". Ленин приветствовал создание этих комитетов как "Октябрьскую пролетарскую революцию" в деревне, видя в этом подтверждение перехода буржуазной революции к социалистической. Но эксперименту не суждена была долгая жизнь. Декрет, как и прочие декреты того времени, легче было опубликовать, чем провести в жизнь. В результате стихийных действий крестьянства в течение первого года революции земля была поделена между множеством крестьянских семей, живущих на грани нищеты; количество земельных участков возросло, а их площади уменьшились. Это не смогло повысить эффективность сельского хозяйства и улучшить снабжение продовольствием городов — мелкие собственники предпочитали сами потреблять то, что они производили для собственных нужд. Бедное крестьянство с трудом поддавалось организации; между комбедами и сельскими Советами началось соперничество. В деревне было совершенно очевидным классовое расслоение. Но критерий разделения крестьянства на кулаков, середняков и бедняков был неопределенным и неустойчивым, зачастую диктовавшимся политическими требованиями момента. Слово "кулак", в частности, стало оскорбительным, им партийная пропаганда называла крестьян, навлекших на себя гнев властей тем, что они не исполняли требования о поставке зерна. Нельзя было положиться и на бедняков как союзников в борьбе с кулаками, на что рассчитывало партийное руководство в Москве. Бедные крестьяне понимали, конечно, что кулаки угнетают их. Но гораздо больше они боялись государства и его приспешников и предпочитали знакомое зло тем неизвестным бедам, которые грозили им со стороны властей, находящихся где-то далеко.

В декабре 1918 года комитеты деревенской бедноты были распущены, и власти стали искать опору в так называемых

середняках — крестьянах, уровень жизни которых был выше, чем у бедняков, и к которым не подходил ярлык кулака, или богатого крестьянина. Но в хаосе гражданской войны никакие уловки не могли стимулировать производство сельскохозяйственной продукции. Время от времени власти пытались осуществить заветную цель социализма — коллективную обработку земли. Идеалисты-коммунисты (среди них было много иностранцев) основали ряд сельскохозяйственных коммун, или *коллективных хозяйств (колхозов)*, где намеревались вместе жить и вместе работать. Но они мало чем могли помочь в решении проблемы поставки продовольствия в города. Для того чтобы накормить голодающих городских рабочих, советское правительство, областные и районные Советы, а также некоторые промышленные предприятия под контролем ВСНХ стали создавать *советские хозяйства (совхозы)* — иногда их называли “социалистическими фабриками зерна”, — где люди получали зарплату. Но и здесь успехи были невелики, потому что крестьяне встретили создание совхозов в штыки, видя в них угрозу возрождения крупных поместий, уничтоженных революцией, особенно, как это часто случалось, когда совхозы организовывали на конфискованных землях бывших поместий и для работы привлекались управляющие. Ленин как-то привел высказывание, которое, как говорили, часто можно было слышать от крестьян, его суть сводилась к следующему: “Мы за большевиков, но не за коммунистов, большевики прогнали помещиков, а коммунисты против частной собственности”.

В промышленности военный коммунизм, можно сказать, начался с декрета от 28 июня 1918 г., по которому были национализированы все важнейшие отрасли промышленности. Причиной этих действий, по-видимому, отчасти послужила растущая угроза гражданской войны, а частично — намерение опередить стихийный захват фабрик и заводов рабочими без согласования с ВСНХ и без его санкций, то, что один писатель того времени назвал “примитивно-стихийной пролетарской национализацией снизу”. Но дело было не в формальной стороне национализации, а в том, чтобы наладить организацию производства и управление тем, что было захвачено, — этого рабочий контроль, как показало время, сделать не мог. ВСНХ для решения этой задачи учредил целый ряд главных отраслевых управлений, или главных комитетов (главков), дабы они управляли различными отраслями промышленности;

отдельные предприятия находились в ведении местных властей. Ситуация всеобщего распада требовала немедленной организации централизованного контроля, который иногда лишь усугублял хаос. Промышленное производство требовало специалистов, а их у новой власти было немного. Практически в промышленности на всех уровнях продолжали работать те, кто работал там и до революции, они же теперь входили в состав главков. Часто на руководящие должности назначались члены партии, но пользы от них из-за недостаточного опыта было мало. Директоров, управляющих и инженеров, без которых невозможно было обойтись, называли *специалистами*; они получали высокую зарплату и обладали различными привилегиями. Однако промышленность в основном работала на нужды гражданской войны. Снабжение необходимым Красной Армией было первостепенной задачей. Следовало сосредоточить силы на основных, самых важных отраслях промышленности за счет остальных. Мелкие предприятия, на которых было занято незначительное число рабочих, а также городские и сельские ремесленники не подлежали государственному контролю, но из-за недостатка материалов они не могли работать в полную силу. Рабочих мобилизовали на фронт. Транспорт стал. Поставки сырья сокращались, взять его было неоткуда. Из статистических данных, которые показывают катастрофический упадок промышленности в тот период, наиболее, пожалуй, впечатляют цифры сокращения населения в крупных городах. За три послереволюционных года население Москвы сократилось на 44,5%, Петрограда, города с самой высокой концентрацией промышленных предприятий, — на 57,5%. Красная Армия забрала физически здоровых мужчин, массы людей перебирались в сельские местности, где по крайней мере все еще можно было приобрести продукты питания.

Не удавалось решить проблему распределения. Провозглашенная партийной программой задача планирования распределения благ в общегосударственном масштабе была лишь отдаленным идеалом. Принятый в апреле 1918 года декрет, по которому Наркомпрод был уполномочен приобретать товары широкого потребления, чтобы выдавать их в обмен на крестьянское зерно, оставался пустой буквой. Попытки установить нормы питания и твердые цены в городах рухнули из-за недостатка продовольствия и неумелого управления. Если торговля существовала, так лишь на "черном

рынке". Многочисленные торговцы, которых окрестили *мешочниками*, разъезжали по всей стране с набором незатейливых потребительских товаров, обменивали их у крестьян на продовольствие, которое затем продавали в городе по вздутым ценам. Власти клеймили мешочников, угрожали им тюрьмой и расстрелом, но они продолжали преуспевать. Была сделана робкая попытка задействовать уже существующий механизм кооперативов, и над центральными кооперативными органами, не без некоторого трения, был установлен контроль. Поскольку деньги быстро падали в цене, вынашивались планы наладить натуральный обмен между городом и деревней, но товаров, в которых нуждались крестьяне, также остро не хватало. В критический год гражданской войны, когда существование советской власти, казалось, висело на волоске, а территория, которая даже чисто формально находилась под ее контролем, постоянно сокращалась из-за наступления белых армий, основные нужды Красной Армии, заводов и фабрик, работающих на фронт, и городского населения удовлетворялись грубым методом реквизиции, продиктованным и оправдываемым военной необходимостью. Главной задачей экономической политики было снабжение Красной Армии. Нуждам гражданского населения и больным местам тыла уделялось мало внимания. Повсеместно у крестьян изымали запасы зерна, и это привело к тому, что, как только угроза со стороны белых миновала, они взбунтовались против жестокостей военного коммунизма.

Военный коммунизм имел важнейшие последствия для организации труда. Очень скоро рухнули надежды на то, что принуждение будет применяться только к помещикам и буржуазии и труд рабочих будет регулироваться добровольной самодисциплиной. Рабочий контроль над производством, осуществляемый на каждой фабрике специально созданным фабричным комитетом, — тот самый контроль, который так насаждался в самом начале революции и который сыграл значительную роль в захвате власти, — вскоре превратился в рычаг анархии. В январе 1918 года, в атмосфере быстро сгущающегося кризиса, Ленин цитировал знаменитую фразу "кто не работает, тот пусть не ест" как "практическую заповедь социализма", а народный комиссар по труду говорил о саботаже и необходимости введения мер принуждения. У Ленина нашлись добрые слова и в адрес сдельщины и "тейлоризма" — излюбленной американцами системы повышения

производительности труда. Позднее он поддержал кампанию за введение в промышленности принципа единоначалия, прямо противоположного идее рабочего контроля. На партийном съезде в марте 1918 года, который проголосовал за ратификацию Брест-Литовского договора, говорилось также о признании "безусловно необходимыми и неотложными самых беспощадных мер борьбы с хаосом, беспорядком и бездельем, самых решительных и драконовских мер поднятия дисциплины и самодисциплины рабочих и крестьян". Эти предложения, так же как и сам Брест-Литовский договор, вызвали резкое негодование левой оппозиции, лидерами которой были Бухарин и Радек.

Революция высветила двусмысленную роль профсоюзов в рабочем государстве. Отношения между Советами рабочих депутатов и профсоюзами, которые одинаково претендовали на то, что они представляют интересы рабочих, складывались в высшей степени противоречиво с первых дней революции, поскольку в самых крупных профсоюзах преобладали меньшевики. Когда в январе 1918 года собрался I Всероссийский съезд профсоюзов, большевики обеспечили себе на нем большинство голосов, хотя там было достаточно много меньшевиков и представителей других партий. Съезду не составляло труда призвать фабрично-заводские комитеты к порядку на основании того, что частные интересы небольшой группировки рабочих необходимо подчинить общим интересам всего пролетариата. Решение превратить эти комитеты в органы профсоюзов опротестовало только несколько делегатов-анархистов. И здесь уже вступил в действие принцип централизации власти, разрушенной революцией.

Вопрос об отношениях профсоюзов и государства вызвал гораздо более ожесточенные споры. Должны ли профсоюзы, подобно другим советским организациям, стать неотъемлемой частью аппарата рабочего государства? Или же они должны сохранить функции защиты интересов рабочего класса независимо от других органов рабочего государства? Меньшевики и некоторые большевики стояли за полную независимость профсоюзов от государства, аргументируя это тем, что, поскольку революция еще не переросла буржуазно-демократическую стадию, профсоюзы должны играть свою традиционную роль. Но Зиновьев, председательствующий на съезде, без труда обеспечил нужное большинство голосов официальной линии большевиков, согласно которой в процессе революции

профсоюзы должны неизбежно превратиться в органы социалистического государства и в этом качестве "взять на себя основную нагрузку организации производства". Резкий спад производства и в целом кризисная ситуация жизненно требовали этого. Поднимать производительность труда, крепить трудовую дисциплину, регулировать зарплату и предотвращать забастовки — все это были обязанности, которые должны были взять на себя профсоюзы совместно с ВСНХ и другими государственными органами. Различия функций профсоюзов и Народного комиссариата по труду (Наркомтруда) стали чисто формальными, и с этого времени в основном профсоюзы стали выдвигать чиновников на крупные посты Наркомтруда.

Гражданская война воскресила и поддерживала энтузиазм, порожденный самой революцией, и поэтому в чрезвычайных условиях войны строгие дисциплинарные меры казались приемлемыми. В апреле 1919 года, в разгар гражданской войны, была введена всеобщая воинская повинность; и вскоре вошло в практику использование труда военных на самых необходимых работах. Примерно в то же время начали функционировать трудовые лагеря для нарушителей закона, приговоренных к этому виду наказания ВЧК или судами и обязанных выполнять работы по требованию советских организаций. В самых жестоких из этих лагерей, известных под названием концентрационных, содержались приговоренные к особо тяжелым работам за контрреволюционную деятельность во время войны. Но также стал делаться упор на добровольную самодисциплину. В мае 1919 года Ленин призвал трудящихся принять участие в так называемых коммунистических субботниках, когда несколько тысяч рабочих в Москве и Петрограде добровольно вызвались работать сверхурочно и без оплаты, чтобы ускорить отправку на фронт солдат и боеприпасов; через год снова прошел коммунистический субботник. Именно в это время появились ударники, которые быстро, с большой производительностью выполняли особо важную работу. Без сочетания жесткого принуждения и стихийного энтузиазма вряд ли была бы выиграна гражданская война.

В самом начале 1920 года, когда были разбиты Деникин и Колчак, с чрезвычайной военной ситуацией было покончено. И тут же на передний план выдвинулась не менее тяжелая реальность — почти тотальная экономическая разруха; казалось вполне логичным, что для решения этой проблемы необ-

ходимо использовать те же формы дисциплины, которые принесли победу на фронте. Народный комиссар по военным и морским делам Троцкий стал ярким приверженцем трудовой повинности и милитаризации труда, что, по его мнению, должно было привести к возрождению экономики. В течение периода военного коммунизма профсоюзы не играли никакой роли. Для работы в тылу была введена трудовая повинность, а после окончания войны воинские части были преобразованы в *трудовые батальоны*, им предстояло восстанавливать народное хозяйство. В январе 1920 года на Урале была сформирована первая *революционная трудовая армия*. Однако теперь, когда гражданская война закончилась, настроения изменились. Те, кто с самого начала не одобрял мер принуждения по отношению к рабочим, те, кто выступал за независимость профсоюзов, а также те, кто по каким-либо другим причинам выступал против возвышения Троцкого и его ведущей роли в партии, объединились в нападениях на его жесткую, авторитарную линию в этом вопросе. В марте 1920 года на IX съезде РКП(б) он защищал свою политику перед растущей оппозицией и был поддержан Лениным. Начало войны с Польшей заглушило голоса недовольства. Но когда осенью 1920 года война закончилась, а на Юге были погашены последние очаги гражданской войны, в партии возникло яростное сопротивление сохранению трудовой повинности и пренебрежению профсоюзами. Троцкий, столкнувшись с гигантскими насущными проблемами восстановления экономики, к тому же весьма раздраженный противодействием профсоюзов его планам, подлил масла в огонь, потребовав "перетряски" всей профсоюзной системы. Ленин был согласен с Троцким в этом вопросе; в течение всей зимы шли жесточайшие дебаты небывалого размаха, и когда в марте 1921 года X съезд партии отменил политику военного коммунизма, они разгорелись с новой силой.

Отношение партии к военному коммунизму было неоднозначным. Комплекс практических мер, известных в целом под этим названием, подавляющее большинство членов партии, за исключением небольшой группы, одобряло и считало необходимым. Но все вкладывали разный смысл в это понятие, со временем разногласия усилились и стали острее, чем непосредственно в период проведения политики военного коммунизма. В течение первых восьми месяцев существования советской власти была уничтожена власть помещиков

и буржуазии, за это время социалистический способ ведения хозяйства не утвердился. В мае 1918 года Ленин все еще говорил о "намерении... осуществить переход к социализму". Неожиданное введение летом 1918 года военного коммунизма, который многим большевикам казался преддверием социалистической экономики будущего, более трезвые члены партии воспринимали как вынужденную реакцию на чрезвычайную ситуацию, как отказ от запланированного ранее постепенного продвижения вперед, бросок в неизвестность — конечно, необходимый, но слишком резкий и чреватый всяческими неожиданностями. Когда гражданская война закончилась, эта точка зрения приобретала все большую популярность, поскольку тяготы военного коммунизма стали казаться уже невыносимыми; она получила признание и отразилась в официальной линии после того, как крестьянские бунты вынудили правительство отказаться от идеи военного коммунизма в пользу нэпа.

Некоторые коммунисты, однако, приветствовали достижения военного коммунизма как экономическую победу, как шаг к социализму и коммунизму, причем более значительный, чем можно было предполагать раньше, но от этого не менее впечатляющий. Промышленность в основном была национализирована, и если промышленное производство все еще было в упадке, то Бухарин мог безмятежно писать о "революционном распаде промышленности" как об исторически неизбежном шаге. Постепенную девальвацию рубля можно было характеризовать как удар по капиталистической буржуазии и ступеньку к безденежному коммунистическому обществу будущего, когда все будут получать по потребностям. Утверждалось, что рынок как рычаг распределения уже в значительной степени уничтожен. У крестьян были реквизированы запасы зерна, основные продукты питания главным образом распределялись среди населения городов в виде пайков. Промышленность в основном выполняла государственные заказы. Где и как использовать рабочую силу, решали не законы рынка, а диктовали социальные и военные нужды. После окончания гражданской войны действительность отчаянного положения в экономике слишком явно пришла в несоответствие с нарисованной утопической картиной, чтобы ее можно было воспринимать всерьез. Но такое отступление от принципов бредило совесть многих партийцев, и споры о том, что такое военный коммунизм, перешли в не менее яростные дебаты о природе нэпа и о том, как долго он просуществует.

Нэп как период передышки

Военный коммунизм имел две основные черты: с одной стороны, все возрастающая роль государства в руководстве экономикой, включая централизованный контроль и управление, замена мелких промышленных предприятий крупными, меры по введению единого планирования; с другой стороны, отход от коммерческих и денежных форм распределения в пользу снабжения основными товарами и услугами либо бесплатно, либо по твердым ценам, введение карточной системы, оплата труда товарами и производство не для гипотетического рынка, а для непосредственного потребления. Однако между этими чертами было довольно явное различие. Процессы концентрации и централизации, стремительно развивавшиеся в искусственных условиях военного коммунизма, были следствием процессов, вызванных первым периодом революции и даже войной в Европе. Военный коммунизм возводил здание на фундаменте прошлого, и многие из его достижений выдержали испытание; и только впоследствии практическая реализация этой политики стала подвергаться отрицанию и пересмотру. Вторая черта военного коммунизма — замена рыночной экономики *натуральной* — подобного фундамента не имела. Вместо того чтобы логически продолжить политику начального периода революции, ее просто отвергли, совершив неподготовленный прыжок в неизвестность. Нэп решительно отверг эти завоевания военного коммунизма, которые прежде всего и дискредитировали его в глазах критиков.

Более того, между этими двумя чертами было еще одно различие. Политика концентрации и централизации действовала почти исключительно в промышленности; попытки применить ее в сельском хозяйстве успеха не имели. Именно деревня оказалась той социальной базой, на которую опира-

лась революция, именно в аграрной сфере российской экономики проявлялись некоторые черты развитого капитализма. Политика отказа от денег и перехода на натуральное хозяйство сложилась не в результате заранее обдуманного плана, а из-за невозможности решить проблемы отсталого крестьянского хозяйства, в котором было занято более 80% населения. С самого начала было трудно впрячь в одну упряжку антифеодальную революцию крестьянства с его мелкобуржуазными устремлениями и антибуржуазную, антикапиталистическую революцию фабрично-заводского пролетариата, а также сгладить противоречия между городом и деревней, и эта политика отразила главнейшие трудности. Именно попытки совместить несовместимое в конце концов и вызвали всеобщее недовольство и привели к краху политики военного коммунизма.

К осени 1920 года, когда война закончилась, хозяйство страны пришло в состояние полного упадка. Ни теория, ни практика военного коммунизма не могли указать, как запустить механизм производства и обмена, который совсем не работал. Основным, как всегда в истории русской экономики, был хлебный вопрос. Политика реквизиций, которая приносила какие-то плоды во время гражданской войны, сейчас оказалась несостоятельной. Крестьяне стали производить лишь необходимое для своего существования и не хотели производить излишки, которые отбирало бы государство. Зимой 1920/21 года по Центральной России прокатилась волна крестьянских беспорядков. В сельской местности в поисках пропитания рыскали банды демобилизованных солдат, грабившие крестьян.

Чтобы накормить страну, было жизненно необходимо дать крестьянину стимул, которого его лишила система реквизиций. В самой партии тоже не все было в порядке. В ее недрах сформировалась оппозиционная группа, назвавшая себя *рабочей оппозицией*. Ее возглавили Шляпников, в прошлом рабочий-металлист, народный комиссар по труду первого советского правительства, и Александра Коллонтай, имевшая в начале революции довольно значительный авторитет. Программа рабочей оппозиции была в основном направлена против распространения централизованного экономического и политического контроля, против растущей власти партийной и государственной машины; она провозглашала своим лозунгом борьбу за сохранение чистоты первоначальных

идеалов революции и была созвучна идеям оппозиции 1918 года, сложившейся в связи с заключением Брест-Литовского мира. В руководстве этой группировки не было ведущих партийных деятелей, но ее поддерживали многие члены партии.

Необходимо было срочно перестроиться. Крестьянину разрешили, после того как он сдаст твердо установленный процент урожая государственным органам (*натуральный налог*), продавать излишки на рынке — это было сутью новой политики, выработанной зимой 1920/21 года. Чтобы она заработала, нужно было поощрять промышленность и особенно мелких кустарей выпускать товары, которые захотел бы купить крестьянин, — по сравнению с военным коммунизмом, делавшим ставку на крупные предприятия тяжелой промышленности, это был сдвиг в противоположную сторону. Необходимо было разрешить частную торговлю; множество надежд возлагалось на кооперативы — одну из немногих отчасти уцелевших и распространенных дореволюционных структур. В конечном счете все эти меры были направлены — хотя это не сразу поняли — на прекращение безудержного падения курса рубля и превращение его в стабильную валюту. Программа, известная как *новая экономическая политика* (нэп), в которой особый упор был сделан на уступки крестьянству, была одобрена Центральным Комитетом партии, и Ленину предстояло огласить ее на историческом X съезде партии в марте 1921 года.

Канун съезда был омрачен неприятным, зловещим событием. Краснофлотцы, базирующиеся в Кронштадтской крепости, подняли мятеж, требуя больших прав для крестьян и рабочих и проведения свободных выборов в Советы. Кронштадтцы не были напрямую связаны с рабочей оппозицией, но их мятеж отражал то же глубокое недовольство политикой партии. Руководили этим бунтом, по-видимому, анархисты; утверждения большевиков, что он был задуман или спровоцирован белыми эмигрантами, безосновательны, хотя впоследствии они нажили на этом значительный политический капитал. Переговоры и призывы сдаться в плен ни к чему не привели. 17 марта, пока на съезде обсуждались предложения Ленина, отряды Красной Армии двинулись по льду в сторону крепости. После кровавой битвы, которую обе стороны вели с одинаковым ожесточением, восстание было подавлено и крепость взята. Но массовое выступление людей,

еще вчера почитаемых как герои революции, нанесло сокрушительный удар по авторитету партии и подорвало к ней доверие. Вполне возможно, что именно это событие ускорило готовность участников съезда принять новую экономическую политику, признать необходимым укрепление партийной дисциплины, чтобы предотвратить инакомыслие как внутри партии, так и вне ее.

Обсуждение резолюции о нэпе, которую Ленин представил на утверждение съезду, было поверхностным. Разочарование военным коммунизмом охватило всех; кризис вырос до таких масштабов, что затягивать дело было нельзя. Сомневающимся успокоили заверения Ленина, что государство не выпустит из своих рук "командных высот" в промышленности и что монополию на внешнюю торговлю это никак не затронет. Съезд принял резолюцию если не с энтузиазмом, то благосклонно и формально единогласно. Сильнее всего разногласия на съезде проявились в жаркой полемике по поводу профсоюзов, бушевавшей всю зиму накануне съезда. Троцкий, воодушевленный удачами гражданской войны и поддержанный после некоторых колебаний Бухариным, еще раз изложил свой план преобразования профсоюзов в производственные союзы и превращения их в часть аппарата государства трудящихся. Рабочая оппозиция, которая придерживалась прямо противоположной точки зрения, предлагала отдать организацию и контроль за производством в руки рабочих через их представителей в профсоюзах — это была квазисиндикалистская точка зрения. Маневрируя между двумя противоборствующими сторонами, Ленин в конце концов сплотил ядро партии вокруг своей резолюции, в которой, впрочем, лишь затрагивались, но не решались эти принципиальные вопросы. Налета *милитаризации* удалось избежать. За профсоюзами был признан статус "массовых беспартийных организаций", которые нужно склонить на сторону партии. Делать их частью государственной машины было признано ошибочным. Оружием партии должно стать убеждение, а не сила, хотя "пролетарское принуждение" не исключалось. Профсоюзы всегда заявляли о своей заинтересованности в росте производства. Еще в 1920 году Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов (ВЦСПС) основал институт для изучения и овладения методами повышения производительности труда. В резолюции уделялось особое внимание этой стороне деятельности профсоюзов. В их функ-

ции входили поддержание трудовой дисциплины и борьба с прогулами; но это должно было осуществляться не через государственные органы, а через *товарищеские дисциплинарные суды*. Резолюцию приняли большинством голосов, но все же сторонники были и у двух альтернативных проектов.

Горечь разногласий раздирала партию и сказалась на всей работе съезда. Ленин говорил о "лихорадке", которая сотрясает партию, о "роскоши дискуссий и споров", которую партия не может себе позволить. Съезд принял специальную резолюцию под названием "О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии", в которой говорилось, что распространение программы рабочей оппозиции несовместимо с членством в партии, а также генеральную "Резолюцию о единстве партии". Она требовала "полного уничтожения всякой фракционности", за всеми членами партии сохранялось право обсуждать спорные вопросы, но образование группировок с собственной платформой было запрещено. Коль скоро решение принято, безоговорочное подчинение стало обязательным. Нарушение этого принципа наказывалось исключением из партии. В последнем параграфе, который держался в секрете и был опубликован лишь три года спустя, говорилось о том, что за такую провинность из партии могут быть исключены даже члены Центрального Комитета, если за их исключение проголосует не менее двух третей его состава. В то время подобные меры предосторожности, направленные на обеспечение верности партии и единства мнений, казались необходимыми и оправданными. По выражению Ленина, "когда армия отступает, то тут нужна дисциплина во сто раз большая, чем при наступлении...", но наделение центральной партийной организации полномочиями, которые фактически означали монополию власти, имело далеко идущие последствия. В разгар гражданской войны Ленин провозгласил "диктатуру партии" и утверждал, что "диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую партию". Итогом X съезда была концентрация власти в центральных органах партии. Съезд дал профсоюзам некоторую автономию по отношению к органам рабочего государства. Но роль, которую им было суждено играть, определялась монополией власти партии.

Строгий запрет на оппозицию внутри партии явился результатом кризиса, которым сопровождалось введение нэпа.

Аналогичная судьба постигла две партии левой оппозиции, пережившие революцию, — партию эсеров и партию меньшевиков. Распуском Учредительного собрания в январе 1918 года большевики заявили о своем намерении осуществлять высшую власть и заложили основание однопартийного государства. Но за последующие годы — пока шла гражданская война — взаимоотношения между советским правительством и двумя левыми партиями были двусмысленными и неустойчивыми, а меры, принимаемые по отношению к ним, — недостаточно решительными. Через несколько недель после революции от основной партии откололась группа левых эсеров, она вошла в коалицию с большевиками; три члена партии левых эсеров были назначены народными комиссарами. После подписания Брест-Литовского договора в марте 1918 года, что вызвало резкий протест и эсеров, и меньшевиков, им пришлось уйти в отставку. Правые эсеры открыто выступали против советской власти, и их считали виновными в московских беспорядках лета 1918 года, в убийстве немецкого посла и двух крупных большевиков в Петрограде, а также в покушении на жизнь Ленина (см. с. 29). 14 июня 1918 г. партии эсеров и меньшевиков, которым инкриминировали связь с "известными контрреволюционерами", были запрещены. Время от времени власти закрывали их газеты, но они часто начинали выходить вновь, правда, под другим названием; в течение нескольких месяцев после революции выходила даже газета кадетов. Тот факт, что эти газеты периодически подвергались преследованию, но до полного запрещения дело не доходило, отражал неуверенность и колебание властей.

В ситуации гражданской войны, усугубившей тяжелое положение режима, положение этих двух партий вначале несколько улучшилось. Меньшевики решительно, а эсеры достаточно сдержанно выразили свое отрицательное отношение к действиям белых и к тому, что союзные государства помогали им и поощряли их; этим они косвенно поддержали советскую власть, в то же время продолжая нападки на ее внутреннюю политику. В ноябре 1918 года был отменен запрет на партию меньшевиков, в феврале 1919 года — на партию эсеров; в 1919 и 1920 годах делегаты меньшевиков и эсеров выступали на Всероссийских съездах Советов, хотя права голоса у них, конечно, не было. Во время гражданской войны некоторые меньшевики и эсеры (их меньше) вступили в партию большевиков, многие из них пошли на службу к советской власти и стали работать в советских учреждениях. Многие приверженцы обеих партий, которые испытывали со стороны властей постоянное давление, постепенно отошли в

сторону. После окончания гражданской войны оснований для коалиций и компромисса уже не оставалось. Говорили, что накануне введения нэпа были арестованы 2 тысячи меньшевиков, включая весь их Центральный Комитет; уничтожение меньшевистской оппозиции совпало с подавлением инакомыслящих внутри правящей большевистской партии. Многие из тех, кого арестовали, впоследствии были освобождены, а руководителям меньшевиков разрешили уехать за границу. Но лидеры эсеров, твердо стоящие на своих позициях, в 1922 году были преданы суду за контрреволюционную деятельность и приговорены к смерти (эти приговоры не были приведены в исполнение) или к длительному тюремному заключению.

Нэп предоставлял крестьянину выгодные условия, но эти меры слишком запоздали, чтобы как-то повлиять на урожай 1921 года, к тому же дело затормозилось из-за стихийного бедствия: жестокая засуха уничтожила урожай на больших территориях, особенно в Центральной России и в районе бассейна Волги. Этот голод имел более широкие масштабы и принес гораздо больше бедствий уже и без того усталому и измученному населению России, чем предыдущий печально знаменитый голод 1891 года. Миллионы людей голодали, хотя тяготы надвигающейся зимы немного облегчались поставками зарубежных благотворительных миссий, особенно Американской организации помощи. В 1922 году посевные площади увеличились. В этом и следующем годах были собраны богатые урожаи, что предвещало возрождение советского сельского хозяйства. Зерно в небольшом количестве даже экспортировалось. Отмечали, что нэп, вновь введя рыночную систему экономики в деревне, отменил уравнительную политику военного коммунизма и стал поощрять возвращение богатого хозяина, или кулака, как ключевой фигуры сельского хозяйства. Бедный крестьянин обеспечивал только прожиточный минимум для своей семьи. Он потреблял все, что производил. Если он и появлялся на рынке, то чаще всего как покупатель, а не как продавец, кулак же работал на рынок и превращался в мелкого капиталиста. Вот что, в сущности, представлял собой нэп. Право на аренду земли и на использование наемного труда, в теории запрещенное с первых дней советской власти, было признано в новом законе о сельском хозяйстве, принятом в 1922 году, с некоторыми формальными оговорками. Но коль скоро у крестьян было чем питаться и они производили излишки, достаточные, чтобы накормить город, мало кто из числа даже самых предан-

ных членов партии торопился осудить отход от принципов и идеалов революции, принеший столь блестящие результаты. Если нэп дал мало или ничего промышленности и рабочим, занятым в ней, и совершенно не способствовал развитию планового хозяйства, то эти проблемы можно было спокойно отложить на будущее.

Именно в этот момент подспудные разногласия в партии по вопросу о характере военного коммунизма отразились в различных точках зрения на то, каковы практические цели и последствия нэпа. Когда в марте 1921 года в обстановке сгущающегося кризиса жесткую политику военного коммунизма было решено заменить нэпом, разногласия на некоторое время сгладились, но окончательно не исчезли. Те, кто рассматривал военный коммунизм не как шаг вперед по дороге к социализму, а как отклонение, продиктованное чрезвычайными сложностями военного времени, как вынужденную реакцию на ситуацию гражданской войны, воспринимали нэп как исправление этого отклонения, печального, но, к сожалению, навязанного обстоятельствами, как возвращение на более безопасный путь, которым страна следовала до июня 1918 года. Другие видели в военном коммунизме торопливый, полный чрезмерного энтузиазма бросок вперед, к более высоким вершинам социализма, несомненно преждевременный, но в принципе задуманный правильно. Для них нэп был временным отступлением с позиций, которые в настоящий момент военный коммунизм удержать не смог, но рано или поздно должен вернуть. Именно из этих соображений Ленин, чья позиция вовсе не была полностью последовательной, назвал нэп "поражением" и "отступлением для новой атаки". Когда на X съезде Ленин заявил, что нэп задуман "всерьез и надолго" (но добавил в ответ на заданный вопрос, что предположение, будто нэп затянется на 25 лет, "слишком пессимистично"), он сделал реверанс обоим точкам зрения: и той, что нэп был желанным и необходимым исправлением ошибок военного коммунизма, и той, что в будущем и этот шаг будет исправлен и заменен чем-то другим. Первая точка зрения основывалась на практической необходимости принимать во внимание отсталость крестьянского хозяйства и особенности крестьянского мышления; вторая — на необходимости развивать промышленность и не ухудшать и без того тяжелого положения рабочих — основной движущей силы революции. Эти различия, которые в данный момент были затушеваны общей радостью, что острый партийный кризис зимы 1920/21 года успешно преодолен, дали о себе знать два года спустя еще в одном кризисе в экономике и партии.

Новый советский строй

Введение нэпа, который неожиданно укрепил централизованную власть партии, вдохновило силы, стремящиеся к созданию сильного советского государства. Желание разрушить власть государства двигало революцию 1917 года. Мечта оказалась утопией. Эта мысль преследовала многих партийцев. Но после Брест-Литовска и гражданской войны поневоле пришлось согласиться с необходимостью создать государственную власть, достаточно сильную, чтобы справляться с критическими ситуациями подобного рода; а сейчас эта необходимость еще более обострилась — предстояло перестраивать опустошенное и разрушенное хозяйство страны. В период нэпа не только были заложены основы конституционной структуры СССР, но и определен курс, которым в течение многих последующих лет СССР следовал в отношениях с другими странами.

Пришла пора упрочить неустойчивые конституционные механизмы советской власти. В июле 1918 года была провозглашена Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). Она начиналась Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа, за полгода до этого принятой III Всероссийским съездом Советов (см. с. 17). Верховная власть возлагалась на Всероссийский съезд Советов, состоящий из делегатов, избранных городскими и сельскими Советами, при этом значительное преимущество в количестве голосов получали города, поскольку именно в городах жили рабочие. Правом участвовать в выборах обладали лишь те, кто "зарабатывает на жизнь, создавая материальные ценности, или занят социально-полезным трудом", а также солдаты и инвалиды. Съезд избрал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) и наделил его полномочиями действовать от имени Всерос-

сийского съезда Советов в промежутках между съездами. ВЦИК, в свою очередь, избрал Совет Народных Комиссаров (СНК, или Совнарком). Совнарком кроме административных функций был полномочен также издавать указы и декреты, так что между властью Совнаркома и властью ВЦИК четкого разграничения не было. Конституция также провозглашала такие общие принципы, как отделение церкви от государства, свобода слова, волеизъявления и собраний для рабочих, для всех граждан — обязанность трудиться ("кто не работает, тот не ест"), обязанность служить в армии для защиты республики, запрещение любого рода дискриминации по расовому или национальному признаку. В хаосе гражданской войны невозможно было дать какое-нибудь определение территории республики. Термин "федеративная" в названии республики не имел точного значения; под ним имелось в виду и включение в РСФСР автономных республик и районов в основном с нерусским населением, и установление связей между РСФСР и другими советскими республиками, которые уже образовались или еще должны были образоваться в других частях бывшей Российской империи. Эти связи вначале существовали скорее в виде союза, нежели федерации. В сентябре и декабре 1920 года РСФСР заключила союзные договоры с Азербайджанской и Украинской Советскими республиками, а в 1921 году — с Белорусской, Армянской и Грузинской республиками. На Украине, где во время гражданской войны в числе соперничающих за власть группировок было националистическое антисоветское правительство, и в Грузии, где утвердилось правительство меньшевиков, процесс унификации встретил сопротивление. Для укрощения недовольных и установления твердой власти большевиков была использована военная сила, что еще можно было в какой-то мере оправдать на Украине, охваченной гражданской войной, где воюющие стороны привели большую часть страны в состояние анархии, но не в Грузии, которая в течение долгого времени оставалась верным и преданным членом федерации советских республик.

По мере того как страна возрождала свою экономику и искала возможность возобновить контакты с внешним миром, казалось все более очевидным и естественным, что для этих целей она должна действовать как единое целое. Хотя формально, а иногда и фактически тщательно соблюдалась автономия на местах, в РКП(б), к которой присоединились местные

партии, существовала единая дисциплина, и основные решения относительно экономической и внешней политики принимались в Москве. В качестве первого шага было необходимо склонить три Закавказские республики – Армению, Грузию и Азербайджан – к объединению в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику. Позже, в декабре 1922 года, состоялись съезды четырех республик – РСФСР, Украинской, Белорусской и Закавказской, которые проголосовали за создание Союза Советских Социалистических Республик (СССР). И наконец, делегаты от этих четырех республик собрались все вместе, провозгласили свой съезд первым съездом Советов СССР и избрали комиссию для подготовки проекта конституции. В июле 1923 года Конституция СССР была одобрена и затем формально ратифицирована в январе 1924 года на II съезде Советов СССР.

Эта конституция была составлена по образцу конституции РСФСР. Высший орган государственной власти – Всесоюзный съезд Советов – состоял из делегатов республиканских съездов Советов, представительство в нем было пропорционально населению каждой из республик. Съезд избрал Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК), который назначил состав Совнаркома СССР. Функции Совнаркома определить довольно сложно. Иностранные дела, внешняя торговля, военные вопросы и борьба с контрреволюцией, осуществляемая ВЧК, теперь переименованной в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), были закреплены исключительно за союзным руководством, в каждой республике имелось свое ГПУ, которое, однако, подчинялось непосредственно ОГПУ. Большинство экономических вопросов находилось в ведении системы объединенных комиссариатов; были комиссариаты общесоюзные, республиканские, причем последние обладали некоторой степенью независимости. В отдельных сферах управления – сельским хозяйством, внутренними делами, здравоохранением и образованием – над республиканскими комиссариатами не стояли общесоюзные комиссариаты. По форме СССР был федерацией республик. Но отсутствие в его названии слова "федеративный" было, по видимому, неслучайным, поскольку с самого начала были очевидны центростремительные тенденции. В РСФСР проживало свыше 75% населения Союза, а на долю территории РСФСР приходилось 90% территории Союза. У других республик были основания подозревать, что СССР – это всего лишь

расширенный вариант РСФСР, рычаг для подчинения их централизованной власти Москвы. В комиссии, готовившей проект новой конституции, раздавались голоса протеста, особенно со стороны украинских и белорусских депутатов.

В ответ на эти возражения было сделано примечательное нововведение, его целью было формальное признание равенства всех республик. ЦИК СССР был разделен на две палаты. Первая и более многочисленная по составу палата — Совет Союза — состояла из депутатов, избранных пропорционально населению их республик. Таким образом официально закреплялось громадное превосходство РСФСР. Депутаты второй палаты — Совета Национальностей — избирались по принципу равенства национальных групп, по пять представителей от каждой союзной республики и от каждой автономной республики, по одному от каждой автономной области. Но поскольку обе палаты обычно собирались лишь для того, чтобы заслушивать отчеты и одобрять официальную политическую линию (иногда — чтобы заслушать особо важные речи), и поскольку спорные вопросы поднимались очень редко и никогда не ставились на голосование, эти сложные маневры не имели никакого практического значения в принятии политических решений. Регулярные съезды и заседания ЦИК, состав которого со временем увеличился, не принимали никаких решений. Но это был важный способ установления контактов с представителями удаленных, зачастую неразвитых областей Союза, способ популяризации и пропаганды по всему Союзу основных политических шагов, предпринимаемых Москвой. Съезды нужны были не для проведения дебатов, а главным образом для инструктажа, убеждения и увещевания. Конституции СССР и входящих в него республик служили совершенно иным целям, нежели конституции западных стран, да и сходство между ними было самым поверхностным.

Особые трудности возникли в связи со сложной этнической структурой Центральной Азии и ее тесными связями с мусульманским миром. Центральноазиатские республики Бухара и Хорезм, хотя они и попали в орбиту Москвы благодаря союзным договорам с РСФСР, не были включены во все эти конституционные структуры на том основании, что они еще не были социалистическими. Реорганизация Центральной Азии по национальному признаку произошла только в 1925 году; Узбекская и Туркменская Советские Социалистические

Республики с автономными областями вошли в состав СССР как его пятая и шестая составные части.

Структура партии была не менее важным фактором в развитии событий, нежели структура СССР. Между партийными съездами верховной властью был наделен Центральный Комитет (ЦК). ЦК, который принимал жизненно важные решения — о восстании в октябре 1917 года, позднее о Брест-Литовском мире, — состоял из 22 человек. В период следовавшего затем острого кризиса этот орган оказался слишком громоздким для осуществления быстрых перемен, и практически все решения по важнейшим вопросам принимались Лениным совместно с другими партийными руководителями. На VIII съезде партии в марте 1919 года был избран ЦК, состоящий из 19 членов и 8 кандидатов, которые имели право присутствовать на заседаниях, но без права голоса. ЦК избрал Политбюро из 5 человек, которое несло ответственность за принятие политических решений, и Оргбюро для осуществления контроля над организационными вопросами; это означало ослабление Центрального Комитета как действующего органа власти. В 1920 году, на IX съезде, был реорганизован Секретариат: им стали управлять три постоянных секретаря — члены Центрального Комитета; в последующий период обновленный Секретариат стал быстро расширяться, в нем появились отделы, которые ведали различными сферами партийной деятельности, штат Секретариата вырос до нескольких сот чиновников. Партийная структура обрела очертания, которые затем сохраняла до конца 20-х годов, хотя для окончательного ее формирования понадобилось несколько лет. Создание мощной партийной машины впоследствии обеспечило условия для установления диктатуры Сталина. До 1925 года партийные съезды собирались ежегодно, а затем — менее регулярно, чередуясь с партийными конференциями, менее официальными и менее многочисленными; Центральный Комитет собирался три-четыре раза в год. Съезды, партконференции, пленумы ЦК продолжали играть роль форумов, на которых обсуждались важные проблемы, однако из-за манипуляций Секретариата выборами делегатов результаты обсуждений были заранее предрешены. На самом деле лишь из Политбюро, состав которого увеличился вначале до 7, затем до 9 человек, исходили все высочайшие решения. А поскольку авторитет партии в однопартийном государстве

был непрекаем для советского правительства, то Политбюро партии превратилось в высший политический орган власти в СССР.

Наряду с укреплением партийной и советской структур устанавливались прочные отношения государства с внешним миром. Даже во времена военного коммунизма, когда в Москве прежде всего думали о мировой революции, не упускались редкие возможности установить прямые контакты с правительствами западных стран. В январе 1920 года в Париже представители советских кооператоров обсуждали с представителями западных правительств возможность возобновления обмена товарами с Советской Россией, а Литвинов вел в Копенгагене переговоры о двусторонней репатриации пленных. 2 февраля 1920 г. было подписано мирное соглашение с Эстонией. Ленин прокомментировал это событие следующим образом: "У нас уже прорублено окно в Европу, которое мы постараемся широко использовать". На партийном съезде в марте 1920 года Ленин говорил о необходимости "маневрировать в нашей внешней политике". Несколько дней спустя Красин, один из большевистских руководителей, знакомый по собственному опыту с деятельностью зарубежной промышленности и торговли, отправился с большой делегацией торговых экспертов в Скандинавию, а в мае его любезно принимали в Лондоне. Эти попытки переговоров были прерваны войной с Польшей, которая возродила революционные надежды в Москве и вызвала новый взрыв недоверия и враждебности на Западе. Но к осени 1920 года опять воцарился мир. В Лондоне была зарегистрирована русская торговая компания под названием Аркос (Всероссийское кооперативное общество)*; Красин провел большую часть зимы в Лондоне, ведя переговоры с правительством Великобритании и фирмами, заинтересованными в заказах для Советской России. И наконец, 16 марта 1921 г., всего неделю спустя после того, как Ленин на партийном съезде в Москве объявил о введении нэпа, в Лондоне было подписано англо-советское торговое соглашение.

Это соглашение справедливо оценивалось как поворотный пункт в советской политике. Обе стороны договорились не

* Аббревиатура от английского All Russian Cooperative Society (Прим. ред.).

препятствовать двусторонней торговле и, несмотря на отсутствие дипломатических отношений между ними, обменяться официальными торговыми представителями. С точки зрения Англии, самым важным в этом соглашении был параграф, в котором обе стороны брали обязательство "воздерживаться от враждебных действий или мероприятий против другой стороны", а также от "прямой или косвенной пропаганды против учреждений Британской Империи или Российской Советской Республики". Особенно подчеркивалось обязательство воздерживаться "от всякой попытки к поощрению военным, дипломатическим или каким-либо иным способом воздействия или пропаганды какого-либо из народов Азии, к враждебным британским интересам или Британской Империи действиям в какой бы то ни было форме". Обязательство не прибегать к враждебной пропаганде в несколько иной форме было сформулировано еще в Брест-Литовском договоре. Но эти два соглашения были подписаны в разных ситуациях. Первое было заключено в обстановке, которая по предположениям, оказавшимся верными, не могла сохраняться долго. Англо-советское соглашение, подобно нэпу, планировалось "всерьез и надолго". Оно свидетельствовало о смещении акцентов в советской политике. Заявления о грядущей мировой революции продолжали раздаваться, но, сознательно или подсознательно, они все больше воспринимались как некий ритуал, никак не затрагивающий нормального хода вещей. Внутренняя несовместимость политики Народного комиссариата по иностранным делам (Наркоминдела) и политики Коминтерна становилась все более очевидной.

Подоплекой налаживания дружественных отношений с Великобританией была экономика — желание обеспечить взаимовыгодную торговлю. Подоплекой налаживания отношений с Германией — политика: взаимное недовольство Версальским миром и притязаниями Польши. Радек, который большую часть 1919 года провел в тюрьме или под домашним арестом в Берлине, умудрился установить контакты с немцами из самых различных социальных слоев и проповедовал перед ними выгоды советско-германского сотрудничества. Официальные отношения между Советами и Германией были прерваны в 1918 году с момента убийства в Москве германского посла. Летом 1920 года в Берлине вновь был принят советский представитель, а в Москве — германский. Война с Польшей дала мощный толчок развитию дружественных

отношений между двумя соседями Польши. Сообщалось, что Троцкий с одобрением относился к идее заключения соглашения с Германией; а Ленин в своей речи в ноябре 1920 года отметил: "Немецкое буржуазное правительство бешено ненавидит большевиков, но интересы международного положения толкают его к миру с Советской Россией против его собственного желания". Советская политика все еще оставалась двойственной: неясно было, то ли продолжать дело революции, то ли устанавливать дипломатические отношения с другими странами. В марте 1921 года Коммунистическая партия Германии подняла вооруженное восстание против правительства, вошедшее в историю под названием "мартовские бои". Конечно же, это восстание было поддержано, а может быть, и инспирировано Зиновьевым и деятелями Коминтерна; другие же советские лидеры в это время были полностью поглощены Кронштадтским мятежом и делами партийного съезда и вряд ли принимали в этом участие. Но поражение восстания в Германии еще сильнее подточило и без того зыбкие надежды Москвы на свершение революции на Западе и укрепило позиции тех, кто видел непосредственную цель в налаживании дипломатических отношений с капиталистическими странами.

Особенностью советско-германских отношений этого периода было военное сотрудничество. Версальский договор запрещал Германии производить оружие, поэтому надо было найти формы для такого рода сотрудничества. В апреле 1921 года Копп, советский представитель в Берлине, после секретных переговоров с рейхсвером привез в Москву план производства в Советской России силами немецких фирм пушек и снарядов, самолетов и подводных лодок. Это предложение было одобрено, и летом того же года немецкая делегация посетила Москву. На встречах в Берлине в сентябре 1921 года было заключено соглашение. Главная роль в его подписании принадлежала Красину и фон Секту, главе рейхсвера. По-видимому, именно в этот момент Сект впервые сообщил гражданскому правительству Германии о том, что происходит. План строительства в России подводных лодок был отвергнут. Но вскоре немецкие фабрики в России начали производить пушки, снаряды и самолеты. В эту программу было включено и производство танков; начались также эксперименты в области разработки химического оружия. Вся продукция отправлялась как в рейхсвер, так и в Крас-

ную Армию. Позднее немецкие офицеры стали готовить кадры для танковых частей и военной авиации Красной Армии. Все это совершалось в обстановке чрезвычайной секретности. В советской прессе об этом сотрудничестве вообще не упоминалось; очень долго эти факты скрывались и от подданных Германии, и от ее политических деятелей, и от западных союзников. Как же все изменилось с тех пор, когда на заре революции большевики осуждали тайные соглашения, заключенные во время войны царским правительством со странами Антанты. Между тем германо-советские экономические отношения укрепились благодаря созданию смешанных компаний и предоставлению немецким фирмам концессий в Советской России.

В начале 1922 года советское и германское правительства получили приглашение участвовать в международной конференции, которая открылась 10 апреля в Генуе. Эта конференция была плодом смелой политики Ллойд Джорджа, ее самого активного организатора, направленной на возобновление связей с Германией и с Советской Россией, изгоями в европейском сообществе. Ленин отнесся к приглашению сдержанно. "Мы... нисколько не скрываем, что идем на нее как купцы, потому, что нам торговля с капиталистическими странами (пока она еще не совсем развалилась) безусловно необходима, и что мы идем туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только". Советской делегацией руководили Чичерин, Красин и Литвинов. Это была первая советская делегация, которая принимала участие в международной конференции на равных условиях с делегациями других ведущих держав. Конференция не удалась частично из-за твердой оппозиции Франции целям Ллойд Джорджа, частично из-за того, что Великобритания и Советы не смогли договориться относительно советских долгов и обязательств. Советское правительство в принципе было готово признать довоенные (но не военные) долги русского правительства, но только при условии предоставления крупных иностранных займов. Советское правительство отказалось отменить декреты, по которым были национализированы иностранные предприятия, но на определенных условиях было согласно вернуть иностранным фирмам их предприятия в виде концессий. Позиции сторон невозможно было сблизить никакими ухищрениями.

Как ни странно, тот факт, что переговоры на конференции зашли в тупик, неожиданно дал один конкретный результат. Уже некоторое время советские и германские дипломаты в Берлине обсуждали условия политического договора. После того как советской делегации не удалось в Генуе произвести соответствующее впечатление на западных союзников, она стала нажимать на германскую делегацию, которой руководил министр иностранных дел Ратенау, чтобы завершить и подписать соглашение немедленно. Германская делегация, не менее разочарованная ходом конференции, согласилась. Тайно и в спешке соглашение было подписано в городе Рапалло 16 апреля 1922 г. В содержании Рапалльского договора не было ничего особенно важного, кроме двух пунктов — о взаимной отмене финансовых притязаний и об установлении между двумя государствами дипломатических отношений. Но демонстрация солидарности против союзных держав для конференции была сокрушительным ударом, и это оказало большое влияние на дальнейший ход международных событий. Советская Россия обеспечила себе выгодную позицию среди европейских держав. Маневры, задуманные вначале как способ преодоления кризиса, стали привычным оружием.

Уже на III конгрессе Коминтерна, который состоялся в июне 1921 года, была заметна перемена настроений. Бурный революционный энтузиазм II конгресса испарился. Произошло то, что вначале большевики считали невозможным: социалистическая Советская Россия укрепила свои позиции, более того, она показала, что и впредь сможет сохранить их в капиталистическом окружении. Ленину пришлось защищать на конгрессе и внутреннюю, и внешнюю политику государства. Он старался объяснить необходимость нэпа и новых отношений с крестьянством аудитории, где были иностранцы, многие из которых отнеслись к такой интерпретации пролетарской революции явно скептически. Он признал, что "поступательное движение" мировой революции "не такое прямолинейное, как мы ожидали", и рекомендовал "глубоко изучать конкретное ее развитие" в капиталистических странах. Троцкий заметил, что если в 1919 году мировая революция казалась "вопросом месяцев", то сейчас это "вопрос, может быть, нескольких лет". На смену безграничному энтузиазму предыдущего конгресса пришла здравая осторожность.

Много времени было уделено анализу неудачи "мартовских боев" в Германии и разрушительного раскола итальян-

ских левых. 21 условие вступления в Коминтерн, принятое на II конгрессе, раскололо несколько ведущих зарубежных партий и привело к тому, что из Коминтерна были исключены многие его сторонники, неготовые принять навязываемую им жесткую дисциплину. После спада первой революционной волны мало кто из рабочих западных стран испытывал особую приверженность к коммунизму. Руководство Коминтерна опасалось, что коммунистические партии превратятся в небольшие секты, скованные жесткой доктриной и изолированные от рабочих масс; в частности, партии Великобритании и США были предупреждены, что вопрос жизни и смерти — не превратиться "в пропагандистскую секту". Вновь особое внимание было привлечено к борьбе за "широкие рабочие массы". Полгода спустя после конгресса ИККИ утвердил тезисы "О едином рабочем фронте". Это был призыв к коммунистам сотрудничать со всеми рабочими и левыми партиями на общей платформе и во имя своих целей. При этом ставилось обязательное условие. Оно сводилось к тому, что коммунисты не должны приносить в жертву ни свою независимость, ни свое право критиковать. Из-за этого условия идея объединенного фронта оставалась двусмысленной, что в последующие годы привело к трениям и многочисленным недоразумениям.

Новый поворот во внешней политике, который сопровождал введение нэпа, затронул отношения Советов с восточными странами. В феврале 1921 года были подписаны договоры с Афганистаном и Ираном, и 16 марта 1921 г., в день подписания англо-советского соглашения, заключен договор с Турцией. Договор с Ираном было довольно трудно совместить с поддержкой, которую в то время советские агенты оказывали мятежному иранскому лидеру, стремящемуся учредить на Юге Ирана независимую республику. Но летом эта поддержка прекратилась, и восстание было подавлено. Договор с Турцией, который провозгласил солидарность двух стран "в борьбе против империализма", послужил причиной еще большего недоразумения. За три месяца до его подписания был убит руководитель нелегальной Коммунистической партии Турции, агенты Кемаля убили и арестовали многих других турецких коммунистов; режим Кемаля был известен своей антикоммунистической направленностью. Но все это отодвинулось на задний план из-за необходимости в общих интересах противостоять английской интервенции в Турцию. Принятое по

англо-советскому соглашению обязательство Советов воздерживаться от пропаганды, направленной против интересов Британской империи в Азии, также вызвало глубокое общественное недовольство. Хотя Ленин и заверял конгресс Коминтерна, что "революционное движение среди сотен миллионов угнетенных народов Востока растет с замечательной силой", на самом конгрессе, в отличие от предыдущего, о положении на Востоке не было сказано ни слова. На IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года Ленин в конце своей последней речи (он был тогда уже болен) сказал: "Важнейшее в наступающий теперь период — это учеба... учиться в специальном смысле, чтобы постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы". От былого энтузиазма, таким образом, не осталось и следа.

С другой стороны, советское правительство гораздо решительнее, чем раньше, защищало традиционные российские интересы. Для страны, почти не имеющей выходов к морю, всегда был большим вопрос о проходе через проливы из Черного моря в Средиземное. Советско-турецкий договор, подписанный 16 марта 1921 г., гарантировал "свободу прохождения торговых судов для всех народов". Но самым острым моментом был вопрос о проходе военных кораблей. Турция протестовала против прохода военных судов через проливы без специального разрешения — она рассматривала это как посягательство на ее суверенитет. Советская Россия, с ее маломощным военно-морским флотом, опасаясь иностранного вторжения в воды Черного моря, энергично поддержала этот протест. Осенью 1922 года в Лозанне должна была состояться конференция, которой предстояло обсудить условия мира между западными державами и Турцией и на которой неизбежно должен был встать этот вопрос. Неожиданно советское правительство получило приглашение принять участие в "обсуждении проблемы проливов". Советскую делегацию возглавил Чичерин, и его столкновение с Керзоном, которого тогда рассматривали как главного защитника интересов британского империализма на Востоке, получило широкую огласку. В итоге был достигнут компромисс: советское правительство подписало выработанную на конференции конвенцию, хотя так и не ратифицировало ее. Однако было достигнуто другое: Советскую Россию признали наследницей прав и интересов бывшей Российской империи.

Кризис «ножниц» цен

”Смычка с крестьянством”, которую предназначен был установить нэп, оставалась ключевым понятием советской политики в течение нескольких лет. Мало кто сомневался в ее необходимости. ”Мы знаем, что только соглашение с крестьянством, — говорил Ленин на X съезде партии, — может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах”. Когда после страшного голода 1921–1922 годов сельское хозяйство быстро ожило и началось восстановление других областей хозяйства, введение нэпа торжественно защищали; однако, когда опасность миновала и воспоминания о лишениях времен военного коммунизма отступили в прошлое, чувство облегчения и молчаливое признание необходимости этой меры постепенно сменились ощущением неловкости из-за такого радикального отступления от прежних надежд и ожиданий, связанных с построением социализма, которые вдохновили первые победы революции. В конце концов кому-то приходилось расплачиваться за уступки, сделанные крестьянству, а некоторые последствия нэпа, прямые и косвенные, были неожиданны и неприятны. Не прошло и двух лет, как страна заметалась в муках нового кризиса, не столь тяжелого, как предшествующий введению нэпа, но сильно повлиявшего на все отрасли хозяйства, которое стало бурно развиваться.

Промышленности нэп не дал такого толчка, как сельскому хозяйству, и в основном его влияние здесь было отрицательным. Прежде всего он поощрял восстановление мелкотоварного и кустарного производства по двум причинам: во-первых, потому, что оно меньше пострадало от гражданской войны, чем крупная промышленность, и его легче было восстановить, и, во-вторых, потому, что оно было основным поставщиком простейших потребительских товаров, которые

хотел покупать крестьянин на свою выручку от продажи продуктов сельского хозяйства. Кампания по национализации промышленности была приостановлена. Крупная промышленность (ленинские "командные высоты") оставалась в руках государства, но и здесь произошли два существенных изменения. Прежде всего, в значительной степени ведение промышленности было перераспределено между союзными, республиканскими и местными властями — таким образом появились три категории государственной промышленности. "Союзная" промышленность управлялась ВСНХ СССР, "республиканская" — ВСНХ союзных республик; внутри же республик в областях и районах создавались свои собственные советы народного хозяйства (совнархозы), которые несли ответственность за местную промышленность. Высшие органы власти в большей или в меньшей степени осуществляли контроль над низшими органами, но практические соображения диктовали необходимость обеспечения их значительной степенью автономности. На более низких уровнях поощрялось частное владение промышленными предприятиями. Те предприятия, где было занято менее 20 рабочих, национализации не подлежали. Более крупные предприятия, отобранные ранее у их хозяев, могли сдаваться в аренду отдельным предпринимателям, часто их прежним владельцам. Развитие мелкотоварного кустарного и кооперативного производства официально поощрялось.

Во-вторых, прямое управление фабрично-заводской промышленностью через главки было отменено. Отрасли промышленности объединялись в тресты, которые управляли группой предприятий как единым целым; в среднем в тресте насчитывалось примерно 10 предприятий. Самые крупные тресты образовались в текстильной промышленности; в крупнейшем текстильном тресте было занято около 50 тысяч рабочих. Существенной особенностью этих трестов было то, что они уже не финансировались из государственного бюджета, но должны были работать по принципу коммерческого учета (*хозрасчета*) и получать прибыль, которая после определенных отчислений должна была идти в пользу государства как владельца основных фондов этих предприятий. Некоторые из основных отраслей промышленности все еще были обязаны отдавать часть своей продукции государственным учреждениям. Во всем остальном промышленность, как и крестьянство, была вольна торговать своей продукцией на рынке по тем ценам, которые ей удавалось получить.

Все эти меры были в духе нэпа. Но они подвергались критике в некоторых партийных кругах; так, в 1923 году нежелательную огласку получила бесцеремонная инструкция, спущенная ВСНХ трестам, с требованием получать максимальную прибыль.

Через год после введения нэпа стимулы, благодаря которым в обращении появились самые различные товары, уже можно было рассматривать с некоторой долей благодушия. Ленин с самого начала понимал опасность "свободы торговли", которая, как он отмечал на X съезде партии, "означает рост капитализма". По-видимому, вначале обмен товарами между городом и деревней представлялся ему как грандиозная система организованного натурального обмена. Но, как он признавался позднее, "товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу". Он шокировал некоторых партийных лидеров, призывая своих слушателей "учиться торговать". В 1922 году в Москве была образована Коммерческая школа. Целью ее создания, несомненно, было намерение установить в какой-либо форме народный контроль над торговлей. Однако в результате это способствовало деятельности нового класса торговцев, которых очень скоро стали называть *нэпманами*. Мелкая частная торговля никогда полностью не исчезала, даже в период военного коммунизма. Знаменитый Сухаревский рынок в Москве был общеизвестным злом, с которым мирились. Расцветающий класс нэпманов представлял собой уже не мелких торговцев. Это были крупные предприниматели, коммерсанты, опутавшие своими щупальцами все отрасли экономики. Крупные промышленные тресты все еще в состоянии были контролировать оптовый рынок своей продукции. В Москве и в ряде других крупных городов ВСНХ открыл магазины розничной торговли, известные под названием ГУМ (государственный универсальный магазин). Но вначале дела в них шли не так уж и гладко; потребительские кооперативы также не добились большого успеха. В розничной торговле повсюду господствовали нэпманы. По мере развития и процветания торговли в преуспевающие кварталы столицы вернулось благополучие. Многие характерные особенности прежней жизни, уничтоженные революцией, появились вновь. Красин, посетив Москву в сентябре 1922 года, писал жене, что "Москва выглядит хорошо, иногда в точности как до войны". Иностранцы, приезжавшие в Москву, с горечью или торжеством,

в зависимости от своих взглядов, отмечали возрождение таких "капиталистических явлений", как проститутки на улицах, раболепные официанты и извозчики, выпрашивающие чаевые. У тех, кто процветал при нэпе, перспективы были самые радужные. Самое страшное, казалось, было позади. Нехватки и трудности военного коммунизма закончились. Жизнь возрождалась.

Однако вскоре несколько взаимосвязанных кризисов вскрыли некоторые подспудные особенности нэпа. Первым был кризис цен. После отмены жесткого контроля периода военного коммунизма цены взмыли вверх. В августе 1921 года был учрежден комитет по ценам, в мае 1922 года организована комиссия по вопросам внутренней торговли, но обе эти организации оказались совершенно бесполезными. Голод горожан на сельскохозяйственные продукты был значительно острее голода крестьян на промышленные товары, так что вначале цены на продовольствие стремительно росли по сравнению с ценами в промышленности. Промышленность, лишенная оборотного капитала и источников кредита, могла обеспечивать себя, только продавая свою продукцию на рынке по неуклонно падающим ценам, что вело к дальнейшему падению цен на промышленные товары. Этот процесс, который достиг апогея летом 1922 года, повлек за собой кризис рабочей силы. При военном коммунизме рабочей силы, как и всякого товара, не хватало, о безработице не могло быть и речи. Мобилизация на принудительные работы давала одно преимущество: занятые на них люди обеспечивались продовольственными пайками. Теперь же принудительные работы почти нигде не использовались, кроме исправительно-трудовых лагерей, и возобновились отношения свободного найма и оплаты труда. Профсоюзы от имени своих членов начали вести переговоры о заключении коллективных договоров. Но рабочих мест стало гораздо меньше, чем людей, ищущих работу. Работодатели в течение долгого времени продолжали обеспечивать своих рабочих продовольственными пайками, но теперь это был платеж натурой, рассчитанный по рыночным ценам, вместо денег. Причуды ценообразования превратили зарплату в постоянный предмет споров, в которых рабочий имел отнюдь не первое слово. Зарплата часто не выдавалась из-за того, что предприятия не могли найти наличных денег.

Статус профсоюзов определялся результатами малозначительного компромисса, достигнутого на X съезде партии,

состоявшемся в марте 1921 года. Поверхностность этого компромисса проявилась уже два месяца спустя на съезде профсоюзов. Томский, не сумевший предотвратить обсуждение этого вопроса, уже рассмотренного на партийном съезде, получил строгий выговор и по приказу партийного руководства был освобожден от поста председателя ВЦСПС и отправлен в командировку в Центральную Азию. Довольно существенно, что на посту председателя его сменил Андреев, который вначале поддерживал взгляды Троцкого на профсоюзы. Но эти перемещения не восстановили спокойствия в профсоюзах. В январе 1922 года Политбюро еще раз выступило с резолюцией, где признавалось существование "ряда противоречий между различными задачами профсоюзов" — речь явно шла о противоречии между "защитой интересов трудящихся масс" и ролью профсоюзов как "участников госвласти и строителей всего народного хозяйства в целом". По-видимому, эта формулировка отсрочила приговор, вынесенный Томскому, который на следующем съезде профсоюзов в сентябре 1922 года был восстановлен на посту председателя ВЦСПС. На этом съезде еще раз попытались определить роль профсоюзов. Они должны были "безоговорочно защищать интересы трудящихся". С другой стороны, им вменялось в обязанность следить за повышением производительности труда, что рассматривалось как вклад рабочих в строительство социалистического государства; хотя забастовки формально не были запрещены, единственно верным путем улаживания конфликтов признавались переговоры между профсоюзами и работодателями или соответствующим административным органом. Интересно, что в это время не проводилось никаких существенных различий между ролью профсоюзов на государственных и на частных предприятиях. И те, и другие участвовали в производстве продукции; главное было не мешать этому процессу.

Усиление власти и влияния так называемых красных управляющих разжигало недовольство рабочих. Во время гражданской войны для создания Красной Армии и командования ею привлекались бывшие офицеры царской армии; таким же образом для восстановления основных отраслей промышленности под контролем членов партии и рабочих были взяты на службу бывшие управляющие как специалисты и бывшие владельцы заводов и фабрик как управляющие национализированными предприятиями. Это позволило нала-

дить квалифицированное управление. Подобная практика закрепились, и к ней все чаще прибегали при нэпе, когда безымянные тресты и синдикаты заняли место главков периода военного коммунизма. Красные управляющие, несмотря на их буржуазное происхождение и связи, получили общепризнанное и уважаемое место в советской иерархии; некоторые из них были приняты в партию — награда за выдающиеся заслуги. Для оплаты их труда были установлены ставки, намного превышавшие уровень обычных расценок; их голоса приобретали все большее значение в управлении промышленностью и формировании политики ее развития. Их часто — и нельзя сказать, что несправедливо, — обвиняли в жестокой и властной манере поведения с рабочими, характерной для старого режима; эти обвинения свидетельствовали о зависти и недовольстве, вызванном таким резким отходом от всего, за что боролась революция.

Однако снижение своего статуса в экономике нэпа рабочие наиболее остро почувствовали с началом безработицы. Продолжавшийся застой в тяжелой промышленности, кризис цен в легкой промышленности, призыв к рационализации производства, к введению хозрасчета и получению прибылей — все это вынуждало сокращать лишних рабочих. Безработица вновь, как в обычных условиях рыночной экономики, превратилась в рычаг трудовой дисциплины и регулятор заработной платы. Статистические данные за этот период скудны и ненадежны. В 1923 году количество безработных, как сообщалось, достигло миллиона. Но официальные сведения отражают лишь положение членов профсоюзов и тех, кто был зарегистрирован на биржах труда и получал скудные пособия по безработице. Статистика не учитывала неквалифицированных рабочих, особенно бывших крестьян, которые искали случайных заработков в городах, главным образом в строительной промышленности. Если нэп спас крестьян от катастрофы, то он же поставил промышленность и рынок труда на грань хаоса. В апреле на партийной конференции была осуждена внутрипартийная фракционная группировка, именовавшая себя рабочей оппозицией, которая расшифровывала аббревиатуру нэп как "новая эксплуатация пролетариата". Когда нэп трактовали как политику уступок крестьянству, никто не задавался вопросом, за чей счет делались эти уступки. В результате гражданской войны и хаоса в промышленности пролетариат, героический знаменосец революции,

был разбросан по стране, разобщен, и ряды его резко сократились. Рабочий стал пасынком нэпа.

Еще одним кризисом, или аспектом общего кризиса, был кризис финансов. Финансовые последствия нэпа оказались совершенно непредсказуемыми. Хотя при нэпе установился принцип свободного рынка, на котором покупаются и продаются товары, сделки невозможно было заключать из-за того, что курс рубля постоянно падал, а к тому времени рубль уже и вовсе обесценился. Осенью 1921 года началось проведение целого ряда финансовых реформ. Было решено составить государственный бюджет в довоенных рублях, а курс находящегося в обращении рубля ежемесячно корректировать с этим уровнем. Фактически это был рубль, соответствующий индексу цен, который иногда называли "товарным" рублем. Именно он использовался для определения ставок заработной платы. Для того чтобы осуществлять контроль за денежным обращением, восстановить систему кредитов и заложить основу банковской системы, был создан Государственный банк. В конце 1921 года партийная конференция поддержала идею ввести денежную единицу, обеспечиваемую золотом, и несколько месяцев спустя плавающий "товарный" рубль был заменен гипотетическим "золотым" рублем, который стал мерой стоимости. Осенью 1922 года Государственный банк начал выпускать банкноты нового достоинства — червонцы, равные по стоимости десяти "золотым" рублям. Но объем выпуска вначале был невелик. В течение следующего года исходной денежной единицей считались червонцы, а выплаты осуществлялись в старых бумажных рублях, курс которых постоянно падал.

Летом и осенью 1923 года все это вылилось в крупный экономический кризис. Падение цен на промышленную продукцию на протяжении предыдущего года заставило руководителей различных отраслей промышленности сплотиться для защиты своих интересов. Промышленные тресты создали собственную сеть розничной торговли, чтобы обеспечить соответствующие рыночные условия и не допустить падения цен. Эти организации на удивление успешно выполнили свою задачу. К сентябрю 1922 года соотношение цен между промышленными и сельскохозяйственными товарами достигло довоенного уровня; с этого момента начался резкий рост цен на промышленные товары за счет падения цен на сельскохозяйственную продукцию. Троцкий в своем докладе на XII съезде

Первое коалиционное правительство
(5 мая — 2 июля 1917 г.)

Члены Государственного совещания.
В центре: Л. Г. Корнилов, А. Ф. Керенский;
в верхнем ряду третий слева — Б. В. Савинков
Петроград, 1917 г.

А. Ф. Керенский, Петроград, 1917 г.

М. И. Скобелев,
Н. С. Чхеидзе,
Г. В. Плеханов
в президиуме
I Всероссийского
съезда Советов
рабочих
и солдатских депутатов
Петроград, июнь 1917 г.

Представители
социал-демократической
партии (меньшевики):
Ф. И. Дан,
М. И. Скобелев,
И. Г. Церетели
Петроград, 1917 г.

В. И. Ленин на параде
рабочих полков
и военных школ
на Красной площади
Москва, 3 июня 1917 г.

Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев у памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу на Театральной площади
Москва, 1918 г.

Х. Г. Раковский,
Н. И. Подвойский,
В. П. Затонский
на Софийской
площади в день
празднования 1 Мая
Киев, 1919 г.

Члены коллегии
ОГПУ во главе
с Ф. Э. Дзержинским
Москва, 1921 г.

Ф. Ф. Раскольников,
С. М. Киров,
Г. К. Орджоникидзе
1920 г.

А. А. Андреев —
секретарь ВЦСПС,
Я. Э. Рудзутак —
член Президиума
и генеральный
секретарь ВЦСПС
Москва, 1922 г.

Выступление К. Б. Радека
на митинге
у Белорусского вокзала
Москва, 1923 г.

И. В. Сталин, А. И. Рыков,
Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин
20-е годы

Ф. Э. Дзержинский,
Г. Я. Сокольников
Москва, 1925 г.

И. В. Сталин,
С. М. Киров,
Н. М. Шверник,
М. М. Лашевич
(заретуширован)
на 15-й
Ленинградской
областной партийной
конференции
Ленинград, 1926 г.

М. П. Томский
на территории Кремля
Москва, 1919 г.

Делегаты XI съезда
РКП(б) выходят
из зала заседаний:
справа
на переднем плане —
В. М. Молотов
Москва, 1922 г.

А. М. Коллонтай у выхода
из б. театра Зимина,
где проходило заседание
II Международного
съезда коммунисток
Москва, 1921 г.

Г. Е. Зиновьев, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев
выносят гроб с телом М. В. Фрунзе из Дома союзов.
Слева — И. С. Уншлихт
Москва, 1925 г.

В. А. Котов, К. Я. Бауман, Н. А. Угланов, А. И. Рыков, Н. И. Бухарин, В. М. Михайлов в президиуме 14-й Московской партийной губконференции Москва, декабрь 1925 г.

К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, И. В. Сталин, Н. И. Бухарин, Г. К. Орджоникидзе, А. И. Микоян, М. И. Калинин, Я. Э. Рудзутак в день празднования 12-й годовщины Октября Москва, 7 ноября 1929 г.

Л. М. Каганович, И. В. Сталин
Москва, 1929 г.

М. Ф. Шкирятов, С. М. Киров, Ш. З. Элиава, Г. К. Орджоникидзе,
И. В. Сталин
в группе закавказских делегатов на XIV съезде ВКП(б)
Москва, декабрь 1925 г.

А. В. Луначарский (в центре), А. Я. Вышинский (третий слева) и др.
на митинге в связи с разработкой плана первой пятилетки
для Орехово-Зуева

Московская обл., 1929 г.

Выступление Н. И. Бухарина на 2-й Всесоюзной конференции ВАРНИТС
(Всесоюзной ассоциации работников науки и техники содействия
социалистическому строительству в СССР).

В президиуме — академик А. Н. Бах

Х. Г. Раковский с женой

К. Б. Радек (второй справа) во время встречи Л. М. Карахана
на Ржевском вокзале
Москва, 1925 г.

С. М. Буденный, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев
в группе делегатов Свердловска на V Всесоюзном съезде Советов
Москва, 1929 г.

И. В. Сталин в день своего 50-летия в группе членов ЦК ВКП(б).
Слева направо: Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилов, В. В. Куйбышев,
И. В. Сталин, М. И. Калинин, Л. М. Каганович, С. М. Киров
Москва, 21 декабря 1929 г.

партии, состоявшемся в апреле 1923 года, представил диаграмму, на которой наглядно было показано, как "ножницы" между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию раздвигались за последние полгода все шире и шире. Резкие колебания цен вызывали всеобщее негодование, но было непонятно, как предотвратить это в рамках нэпа. Партия по-прежнему твердо придерживалась политики выполнения своих обязательств перед крестьянством, что и было сутью нэпа. Однако то, что происходило в действительности, полностью противоречило интересам производителей сельскохозяйственной продукции. Когда в октябре 1923 года "ножницы" раскрылись до предела, разница между ценами на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию была уже в три раза больше, чем в 1913 году. Между тем экономике угрожали и другие денежные проблемы. Чтобы вложить средства в сельское хозяйство для получения богатого урожая, необходимо было возобновить неограниченный выпуск бумажных рублей, что еще больше обесценивало старые бумажные деньги. Были сделаны попытки при расчете оплаты труда заменить "товарный" рубль "золотым"; считалось, что это поможет снизить реальные выплаты чуть ли не на 40%. Осенью 1923 года эта проблема наряду с рядом других, волновавших рабочих, вызвала волну недовольства и всколыхнула забастовки.

Руководители партии отреагировали на этот тревожный сигнал: Центральный Комитет уполномочил так называемую комиссию по "ножницам" в составе 17 человек подготовить специальный доклад о кризисном положении, уделив особое внимание проблеме цен. До этого момента Троцкий проявлял достаточную осторожность, не выражая открыто своего несогласия с коллегами, и, возможно, по этой причине отклонил предложение принять участие в комиссии по "ножницам". Но пока комиссия заседала, он потерял терпение и 8 октября обратился в Центральный Комитет с письмом, в котором выражал осуждение "вопиющих ошибок экономической политики". По его мнению, решения принимались при "отсутствии общего плана". Троцкий осуждал попытки командовать ценами в духе военного коммунизма. Закрывать "ножницы", по его мнению, можно было, лишь переведя государственную промышленность на рельсы рационального хозяйствования. Неделию спустя за письмом последовало "заявление 46-ти", подписанное 46 членами партии, в числе которых были помимо сторонников Троцкого и члены некоторых других оппозиционных группировок. В этом заявлении говорилось о "глубоком экономическом кризисе", который явился ре-

зультатом "случайного, непродуманного и несистематического характера решений, принимаемых Центральным Комитетом". И письмо Троцкого, и "заявление 46-ти" не ограничивались только критическими замечаниями в адрес тех, кто неправильно осуществлял руководство экономикой; в них содержались также нападки на жесткий стиль руководства, не позволяющий членам партии иметь свое собственное мнение. Для всестороннего обсуждения этих вопросов авторы заявления требовали провести партийную конференцию с привлечением широкого круга членов партии. Центральный Комитет отреагировал на это требование, предоставив страницы газеты "Правда" для проведения дискуссии — это была последняя дискуссия такого рода в истории Советов; она длилась в течение целого месяца, но партийные лидеры не принимали в ней никакого участия, и постепенно она становилась все более накаленной и запутанной. Между тем комиссия по "ножницам" продолжала заниматься своей трудной работой. Опыт предыдущего года убедил почти всех, что регулирование нельзя предоставлять свободной стихии рынка. Комиссия с готовностью согласилась с необходимостью введения контроля над оптовыми ценами. С розничными ценами было сложнее. Но комиссия подчеркнула, что регулировать оптовые цены, не затрагивая розничных, означало просто увеличить доходы среднего класса, отождествляемого с нэпманами, неприязнь к которым росла с каждым днем. Комиссия остановилась на том, что следует проводить выборочный контроль розничных цен. Но проблема была слишком сложной, а члены комиссии — недостаточно решительными, и результаты деятельности комиссии появились в печати только в декабре.

К этому времени экономическая ситуация в стране изменилась в благоприятную сторону. Достигнув пика в октябре, цены на промышленные товары затем резко упали. "Ножницы" стали закрываться. Урожай, основной экономический показатель примитивного хозяйства России, уже второй год подряд был превосходным. Промышленность, на которой падение цен почти не отразилось, оказалась в состоянии нарастить производительность и увеличить свой рынок. Бездействующие ранее фабрики и заводы вновь стали производить товары. Даже давление на цены несколько снизилось. Экономическое напряжение сменилось политическим — наступил момент, когда всерьез развернулась кампания против Троцкого. В этих обстоятельствах Политбюро приняло резолюцию в связи с докладом комиссии по "ножницам", которую можно назвать образцом искусного компромисса. Подчеркивалась

необходимость сохранять преобладание крестьянского сельского хозяйства; тот факт, что Троцкий настаивал на приоритете промышленности, был обойден молчанием. Промышленности вменялось в обязанность не поднимать цены, проводить рационализацию и увеличивать производительность. Следовало ввести контроль как над оптовыми, так и над розничными ценами на предметы массового потребления, установить официальные максимально высокие цены на соль, парафин и сахар. Были обещаны некоторые уступки в отношении заработной платы, которая должна была повышаться "пропорционально росту промышленного производства и производительности труда". Наконец, были даны обещания продолжать финансирование тяжелой промышленности и укрепить Госплан. Эти предложения были одобрены на партийной конференции в январе 1924 года, за несколько дней до смерти Ленина.

Резолюция, принятая по докладу комиссии по "ножницам", несмотря на всю осторожность ее формулировок, давала промышленности некоторые поблажки; к 1924 году промышленность уже выкарабкалась из бездны стагнации и депрессии, куда ее загнало начало нэпа в 1921 году. Но это возрождение было частичным: отрасли легкой промышленности, работающие на крестьянский рынок, процветали; но в условиях нэпа ничто не стимулировало развития тяжелой промышленности, связанной с производством средств производства, и она сильно отставала. Согласно данным Госплана, объем годового промышленного производства, который на 1 октября 1924 г. в два с половиной раза превышал уровень 1920 года, составил теперь 40% довоенного уровня, а в металлургической промышленности — лишь 28%. Это отставание вызывало беспокойство в партии, особенно в кругах оппозиции. Резолюция по "ножницам", принятая в декабре 1923 года, заявляла, что металлургическая промышленность должна "быть выдвинута на первый план и должна получать от государства гораздо большую, чем в прошлый год, всестороннюю, в частности, финансовую помощь"; эта позиция была одобрена на партийной конференции в январе 1924 года. Но ничего не делалось, чтобы осуществить эти благие намерения. Назначение Дзержинского на пост председателя ВСНХ в феврале 1924 года вновь привлекает внимание к этой проблеме. Три месяца спустя Дзержинский доложил XIII съезду партии, что для того, чтобы поставить на ноги тяжелую промышленность, на протяжении следующих пяти лет понадобится "100—150—200 миллионов золотых рублей". Зиновьев патетически прокомментировал это заявление, воскликнув:

”На очереди металл, на очереди улучшение средств производства, на очереди поднятие тяжелой промышленности!” Эти красивые слова не были немедленно подтверждены делом, но свидетельствовали об изменении настроений, что скажется в будущем.

Весной и летом 1924 года страна выздоравливала, росло ощущение уверенности в своих силах. Сельское хозяйство при нэпе избавлялось от ужасов недавнего прошлого; некоторое снисхождение было оказано даже кулаку. Постепенно, хотя и неравномерно, оживала промышленность. В марте 1924 года была завершена денежная реформа — повсеместно вводились обеспеченные золотом червонцы, а старые советские бумажные банкноты были изъяты из обращения. В мае был создан Народный комиссариат внутренней торговли, возглавляемый Каменевым, основной целью которого было осуществление контроля за ценами. Соотношение между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары вновь почти достигло уровня 1913 года. Контроль за ценами на промышленные товары, как оптовыми, так и розничными, судя по всему, дал лишь относительный эффект, но цены на сельскохозяйственные товары оказались устойчивыми. Внешняя торговля, осуществлявшаяся специальным комиссариатом, имевшим монополию на внешнюю торговлю, под руководством Красина в 1923–1924 годах впервые достигла довольно приличных объемов. Экспорт на 75% состоял из продукции сельского хозяйства, включая зерно; другими важными статьями экспорта были лес и нефть. Примерно 75% закупок осуществлялось для нужд промышленности — хлопка и других видов сырья и полуфабрикатов. Эти внушительные результаты были достигнуты при нэпе, и без него их добиться было бы невозможно; их приветствовали как победоносное подтверждение целесообразности нэпа. Тем не менее кризис ”ножниц” оказалось возможным преодолеть только с помощью мер — особенно контроля за ценами, — которые противоречили рыночному принципу нэпа, одному из существенных условий оздоровления экономики. Кроме того, в партии зрело недовольство возрастающей ролью кулаков в деревне и нэпманов в городе. Однако возрождение всех секторов экономики было настолько очевидным, что решение всех этих проблем отодвигалось на более поздний период. Борьба между рыночной и управляемой экономикой продолжалась на протяжении всего периода 20-х годов.

Последние дни Ленина

Оздоровление экономики, вызванное нэпом, в 1922 году было омрачено длительной и тяжелой болезнью Ленина. В мае 1922 года он перенес инсульт, который вывел его из строя на несколько месяцев. Осенью он вернулся к работе и произнес несколько речей. Но было совершенно очевидно, что его физические силы подорваны. 12 декабря по совету врачей он уединился в своей квартире в Кремле, а еще четыре дня спустя у него случился второй, еще более тяжелый инсульт, в результате чего последовал правосторонний паралич. В последующие три месяца физическая немощь не затрагивала его умственных способностей; и хотя никому из партийных руководителей, по-видимому, не позволялось его посещать, Ленин продолжал диктовать заметки и статьи, посвященные партийным делам. В их число входило и знаменитое "завещание" — "Письмо к съезду", датированное 25 декабря 1922 г., с постскриптумом, написанным 4 января 1923 г.

Но 9 марта 1923 г. последовал третий инсульт, в результате которого Ленин лишился речи; и хотя он прожил еще десять месяцев, но уже больше не работал.

После третьего инсульта надежды на выздоровление Ленина постепенно угасли. Вопрос о том, кто будет его преемником, витал в воздухе и заслонял все другие вопросы. Решение об укреплении партийной дисциплины, принятое на X съезде партии в марте 1921 года, вылилось в партийную чистку, а затем год спустя подкрепилось решением XI съезда партии, на котором была осуждена позиция 22 несогласных с линией партии, в большинстве своем бывших членов рабочей оппозиции; двое из пяти руководителей этой группы были исключены из партии; Ленин перед этим настаивал на исключении всех пятерых. Этот новый кризис потребовал дальнейшего укрепления партийного аппарата. Трое секретарей Централь-

ного Комитета, назначенные в 1920 году и имевшие равные полномочия (см. с. 50), доказали свою несостоятельность и были смещены со своих постов. 4 апреля 1922 г., через несколько дней после того, как закончился XI съезд, было объявлено, что на пост генерального секретаря назначен Сталин, секретарями — Молотов и Куйбышев. Никто не придавал этому сообщению особенного значения. Сталина знали как трудолюбивого и исполнительного функционера, преданного делу партии.

Когда после первого инсульта Ленин вернулся к делам, он был явно встревожен тем, что Сталин исподволь уже укрепил и власть, и авторитет своего поста, да и свое собственное положение; он впервые оказался ведущей фигурой в партии. Ленину не понравилось ни первое, ни второе. В то время он был сильно озабочен ростом бюрократической тенденции в государстве и в партии; он стал испытывать сильное недоверие к Сталину. Через несколько дней после второго инсульта, обуреваемый беспокойными предчувствиями, Ленин продиктовал свое "завещание". Он начал с опасности раскола между "двумя классами" — рабочими и трудовым крестьянством, на чей союз опиралась деятельность партии. Но эту опасность он видел в отдаленном будущем. В "ближайшем будущем" он предвидел угрозу раскола между членами Центрального Комитета; большую опасность такого раскола он видел в отношениях, которые сложились между Сталиным и Троцким. Сталин, по его словам, "сосредоточил в своих руках необъятную власть"; Ленин не был уверен, сумеет ли Сталин "всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью". Троцкий, который был "самый способный человек в нынешнем ЦК", проявлял "чрезмерную самоуверенность и чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела". Другие ведущие фигуры в Центральном Комитете также не избежали критики. Зиновьеву и Каменеву он припомнил их сомнения в решающий момент октября 1917 года, что, конечно, не являлось случайностью, но этот эпизод "также мало может быть ставим им в вину лично, как меньшевизм Троцкому". "Бухарин не только крупнейший, ценнейший теоретик партии", но "он никогда не понимал вполне диалектики", и его взгляды "с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским". Это было явно неожиданное суждение о человеке, чьи книги "Азбука коммунизма", написанная в соавторстве с Преображенским, и "Теория исторического ма-

териализма" были в то время широко известными партийными учебниками. Но каким бы ни было суждение Ленина о недостатках коллег, единственное, что он смог рекомендовать в своем "завещании", — это расширить состав Центрального Комитета до 50, до 100 человек; но это вряд ли помогло бы делу.

Осенью 1922 года внимание Ленина привлекли события в Грузии, где включение Грузинской республики в состав СССР вызвало сильнейшее сопротивление со стороны ЦК Грузии. В сентябре в Грузии побывала комиссия, возглавляемая Дзержинским; она вернулась в Москву, привезя с собой двух заупрямившихся руководителей. В этот момент через голову Сталина, который занимался этим вопросом, вмешался Ленин; он полагал, что добился компромисса. Но он не следил за ходом событий, и отношения с грузинами вновь осложнились. Теперь в Тифлис отправился Орджоникидзе; после яростной борьбы он удалил мятежных руководителей и заставил ЦК Грузии принять предложения Сталина. Через несколько дней после того, как было продиктовано "Письмо к съезду", Ленин, непонятно по каким мотивам, вернулся к грузинскому вопросу. Он продиктовал меморандум, в котором признавался, что "сильно виноват перед рабочими России" в том, что не смог эффективно вмешаться в ход событий на более раннем их этапе. Он осудил недавние события как пример "великорусского шовинизма", упомянул "торопливость и администраторское увлечение Сталина" и подверг его, Дзержинского и Орджоникидзе жесточайшей критике. Затем 4 января 1923 г. опять прорвалось его недоверие к Сталину, и он добавил к своему "завещанию" постскрипtum. Сталин, утверждал Ленин, "слишком груб". Поэтому Ленин предлагал "товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д." Поясняя причину этой своей рекомендации, он вновь упомянул об угрозе раскола и "о взаимоотношениях Сталина и Троцкого". Наконец, в начале марта, после того как стало известно, что Сталин оскорбил Крупскую (которая, по-видимому, не позволила ему увидеться с Лениным), Ленин написал письмо Сталину, в котором порывал с ним

”дружеские отношения”. Через три дня у него случился третий инсульт, положивший конец активной жизни Ленина.

Чем меньше оставалось времени до начала XII съезда партии (он открылся 17 апреля 1923 г.), тем большее замешательство охватывало членов партии. Кому принять пальму первенства, которая по праву принадлежала Ленину на всех предыдущих съездах? Тогда еще верили в выздоровление Ленина. Но выбор даже временной кандидатуры мог повлиять на ход событий в будущем. Троцкий, новичок в партии, с репутацией несогласного с ее линией в прошлом, начиная с 1917 года занимал командные посты только благодаря постоянной поддержке Ленина. Лишенный тылов, он оказался в изоляции и не мог да и не был в состоянии претендовать на лидерство в партии. Его ближайшие товарищи относились к нему с ревнивой недоброжелательностью, он же обращался с ними с некоторой долей надменности; то, что Троцкий в свое время был сторонником милитаризации труда, вызывало к нему подозрение в кругах профсоюзных деятелей. Три других выдающихся деятеля — Зиновьев, Каменев и Сталин — объединили усилия, чтобы помешать Троцкому упрочить свое положение. В этом временном триумvirате Сталин был старшим партнером, и он тонко понимал необходимость преодолеть враждебность Ленина к себе, о которой, по-видимому, к этому времени стало известно если не рядовым членам партии, то по крайней мере многим ее руководителям. Каменев был умен, но не обладал достаточной силой характера. Зиновьев, слабый, тщеславный и амбициозный, был бы очень рад захватить опустевший престол. Он председательствовал на съезде, выражая раболепную преданность отсутствующему вождю, в то же самое время стремясь дать понять, что уполномочен быть рупором ленинской мудрости. Сталин, напротив, расчетливо предпочел разыгрывать роль скромника. Не притязая ни на что для себя лично, он то и дело называл Ленина ”учителем”, каждое слово которого ловил и стремился правильно истолковать. Говоря об организационной работе, он повторял критические высказывания Ленина в адрес бюрократии, лицемерно игнорируя тот факт, что это были стрелы главным образом в его адрес. В докладе по национальному вопросу он с излишним пылом поддержал нападки Ленина на ”великорусский шовинизм” и исподволь снял с себя обвинение в ”излишней торопливости”. Троцкий, который явно хотел избежать прямой конфронтации, не присутствовал на дебатах по национально-

му вопросу. Его роль на съезде свелась к тому, что он представил солидный доклад об экономическом положении, в котором говорилось о необходимости развития промышленности и разработки "единого хозяйственного плана", но текущие политические вопросы прямо не затрагивались. Его скрытое несогласие с Зиновьевым было тщательно завуалировано.

На протяжении лета 1923 года по мере нарастания экономического кризиса и постепенного угасания надежд на выздоровление Ленина зрела скрытая личная взаимная неприязнь многих партийных руководителей. Хотя Троцкий и не был претендентом на роль официального партийного лидера, сила этой яркой личности, его заслуги в гражданской войне, железная логика аргументации, блестящий дар оратора — все это завоевало ему широкую популярность среди рядовых членов партии и сделало его опасным противником при любых политических дебатах. На партийном съезде в апреле триумvirат Зиновьев — Каменев — Сталин преуспел в своей закулисной деятельности, направленной на то, чтобы помешать продвижению Троцкого. Теперь они решили, что настала пора сокрушить Троцкого. Кампанию начали с величайшей осторожностью — частично оттого, что Зиновьев и Сталин уже, вероятно, не доверяли полностью друг другу.

Поводом послужило письмо Троцкого, написанное 8 октября 1923 г. (см. с. 65), в котором после едких критических замечаний относительно текущей экономической политики он обрушился с нападка на "неправильные и нездоровые отношения внутри партии". Ключевые посты внутри партийной структуры перестали быть выборными. На эти должности теперь назначались, причем обычно, люди, полностью поддерживающие существующий режим. "Секретарский аппарат, созданный сверху", сосредоточил в своих руках все нити руководства, причастность рядовых членов партии к общему делу стала "иллюзией". Письмо заключалось требованием заменить "секретарский бюрократизм" "партийной демократией". Поскольку письмо исходило от члена Политбюро, это было страшное обвинение, без сомнения, направленное против Сталина. Несколько дней спустя в "платформе 46-ти" был осужден разрыв, образовавшийся между "секретарской иерархией" и рядовыми членами партии. В качестве "истоков внутрипартийной диктатуры", которая зажимала любую критику, указывались решения X партийного съезда, состоявшегося в марте 1921 года, которые были приняты в чрезвычай-

ных обстоятельствах; этот режим "изжил себя". Триумвират уже не мог игнорировать открытый вызов своей власти.

По странному стечению обстоятельств именно в этот момент у Троцкого начался первый приступ странной, постоянно возвращающейся лихорадки, которая с некоторыми перерывами мучила его на протяжении двух или трех последующих лет и диагноз которой так и не был поставлен. 25 октября Центральный Комитет партии, на пленуме которого Троцкий не присутствовал из-за болезни, принял постановление, осуждающее его письмо от 8 октября как "глубокую политическую ошибку", которая "послужила сигналом к фракционной группировке (заявление 46-ти)". В течение ноября на страницах "Правды" шла оживленная дискуссия по экономическим и политическим вопросам, но в нее не вмешивались ни Троцкий, ни триумвират. Постоянное недомогание Троцкого вынуждало его занять пассивную позицию. Но в начале декабря он провел переговоры со всеми тремя руководителями, в результате чего 5 декабря 1923 г. на пленуме Политбюро была принята согласованная обеими сторонами резолюция, триумвират избрал тактику максимальных уступок Троцкому по принципиальным вопросам, чтобы изолировать его от оппозиции. В резолюции говорилось об "исключительной важности Госплана", об "опасности "нэповского" перерождения части работников", "бюрократизации партийных аппаратов", а также о необходимости большей "рабочей демократии". Преобладание в партии "непролетарских" элементов следовало преодолевать за счет "притока новых кадров промышленных рабочих", что рассматривалось как гарантия "партийной демократии". Но предыдущее постановление, принятое 25 октября, в котором Центральный Комитет партии осудил и письмо Троцкого от 8 октября, и "платформу 46-ти", было подтверждено; таким образом, получалось, что Троцкий отказывается от своей прежней позиции и одновременно осуждает тех, кто выступил в его поддержку. Троцкий тем не менее рассматривал все это как победу своих принципов.

Такой искусственный компромисс не мог длиться долго. Три дня спустя Троцкий, который все еще не был в состоянии показываться на людях, изложил свое понимание резолюции в открытом письме, которое зачитывалось на партийных собраниях и было опубликовано в "Правде". Он критиковал "консервативно настроенных товарищей, склонных переоценивать роль аппарата и недооценивать самостоятельность пар-

тии". Он цитировал высказывания германских социал-демократов, сделанные ими еще до начала войны 1914 года, как типичные для "старой гвардии", "переродившейся в сторону оппортунизма", и обращался с призывом к молодежи, которая "резче всего реагирует на партийный бюрократизм". В постскрипуме он упоминал об "опасностях нэпа", тесно связанных с "затяжным характером мировой революции". Триумvirат все еще колебался. На заседании Московской партийной организации, состоявшемся 11 декабря, в поддержку Троцкого выступило несколько человек, включая Преображенского и Радека; Зиновьев и Каменев, хотя и выразили свое осуждение оппозиции, обращались с Троцким с осторожной вежливостью.

Несколько дней спустя все препятствия были сметены, и триумvirат истолковал открытое письмо Троцкого как объявление войны. 15 декабря Сталин в своей статье, опубликованной в "Правде", яростно обрушился на оппозицию, завершив свое выступление резкими выпадами в адрес лично Троцкого. Это послужило сигналом для развязывания кампании шельмования Троцкого в ряде выступлений и статей, авторами которых были Зиновьев (по-видимому, и придумавший термин "троцкизм"), Каменев, Бухарин и менее известные партийные деятели. Статьи в поддержку оппозиции в "Правде" больше не появлялись. Против оппозиции шли демонстрации студентов; в ЦК комсомола была проведена чистка с целью приструнить несогласных. Но на партийных собраниях в Москве и Петрограде против официальной линии партии выступило незначительное меньшинство рабочих. То, что раньше Троцкий проповедовал идею милитаризации труда, теперь крайне мешало ему выглядеть борцом за дело рабочего класса. Растущая мощь партийной организации, отсутствие у Троцкого позитивной или просто популярно изложенной альтернативной программы, опасения людей стать жертвами гонений в период растущей безработицы, фактическое отсутствие радикальных традиций русского рабочего класса и его немногочисленность — все это способствовало быстрой расправе с оппозицией. В ответ на протест Троцкого, Радека и Пятакова против дискриминационного выступления "Правды" Центральная Контрольная Комиссия (ЦКК) заявила, что "орган Центрального Комитета обязан проводить совершенно определенную линию Центрального Комитета". Решение было окончательным и бесповоротным. С этого момента "Правда"

стала выражать исключительно официальную точку зрения центральных партийных органов.

Кампания клеветы на самого Троцкого постепенно набирала силу. На заседании ИККИ в начале января 1924 года Зиновьев, нисколько не сдерживая себя, набросился на его личные качества, партийную биографию, политические взгляды. Троцкий, измученный болезнью, оставил эту неравную борьбу и по совету врачей в середине января 1924 года отправился на Кавказ. Несколько дней спустя партийная конференция подавляющим большинством голосов (состав делегатов был, без сомнения, тщательно подобран) осудила оппозицию и объявила Троцкого лично виновным в кампании против руководителей партии. Эти события разразились как раз накануне смерти Ленина, который скончался 21 января 1924 г.

Возвышение Сталина

Смерть Ленина напрямую поставила вопрос, который давно занимал партийных руководителей. Зиновьев уже без всяких колебаний облачился в мантию наследника. Сталин тщательно прятал свои амбиции. На траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов, состоявшемся 26 января 1924 г., накануне похорон, речь Сталина отличалась от речей его коллег пылкой страстностью боготворящей преданности, в то время еще отсутствующей у марксистов и большевиков; настоящие коммунисты представляли скромными и преданными учениками, которые поклялись быть верными каждому указанию ушедшего вождя. Были приняты два важных решения. Одно из них — переименовать Петроград в Ленинград; по своему влиянию на будущее отчизны Ленин превзошел и затмил Петра Великого. Второе решение — укрепить ряды партии массовым приемом "рабочих от станка". Этот массовый прием получил название *ленинского призыва*. Требование увеличить представительство рабочих в рядах партии фигурировало в письме Троцкого от 8 октября 1923 г. и резолюции Политбюро, принятой 5 декабря того же года (см. с. 74), и оно вполне могло быть оправдано многим из того, что писал сам Ленин. Осуществление этой задачи сейчас зависело от генерального секретаря партии Сталина.

В 1917 году в партии насчитывалось не более 25 тысяч человек. За время революции и гражданской войны благодаря массовому вступлению в партию численность ее неуклонно возрастала. Статистические данные за этот период неточны, но в самом начале 1921 года в партии состояло 600, возможно, и 700 тысяч человек. Чистка, решение о которой было принято на X съезде партии в марте 1921 года, была суровой. Многие члены партии, вовлеченные в ее ряды волной энтузиазма эпохи революции и гражданской войны, постепенно откололись.

Других исключили как не заслуживающих доверия. К началу 1924 года в партии осталось около 350 тысяч человек. Ленинский призыв, вливший в ряды партии 240 тысяч человек, что более чем на две трети увеличило ее состав, приветствовался и как шаг в сторону большей демократии, и как признание права рабочих на руководящую роль в партии, хотя позднее по ленинскому призыву в партию было принято значительное количество крестьян. Однако историческая роль этого призыва была совершенно иной. Это был признак постепенного изменения самого характера партии, имеющего глубоко скрытые цели. Почти незаметно появилась новая концепция, которая отличала партию Сталина от партии Ленина.

Ленин до революции рассматривал партию как однородную группу преданных революционеров, которые поставили своей задачей уничтожить самодержавную власть, неравенство и угнетение. Даже после свершения революции он видел в партии избранную группу преданных рабочих, и его больше занимала проблема отсеечения непригодных к революционной деятельности, нежели массовое пополнение партийных рядов. Именно по его настоянию в период с 1921 по 1924 год было проведено резкое сокращение партийных рядов. Хотя Ленин и отошел, причем весьма далеко, от своих утопических взглядов, сформулированных в книге "Государство и революция", он все еще мечтал, выражаясь словами партийной программы, принятой в 1919 году, об "упрощении функций управления при повышении культурного уровня трудящихся" и, по-видимому, до конца своих дней так и остался в неведении относительно гигантских сложностей и проблем, связанных с управлением обществом. К этому времени представление об элитарном характере партии стало анахронизмом. В 1920 году сообщалось, что среди сотрудников в различных советских учреждениях насчитывается 53% членов партии, а в рядах Красной Армии — 27%. Постепенно и незаметно партия превращалась в машину, предназначенную для того, чтобы направлять жизнь большого государства. Ее рядовые члены — и особенно вновь пришедшие, у которых не было революционного опыта вступивших в партию до 1917 года, — были обязаны всячески поддерживать руководителей в выполнении этой грандиозной задачи; а принадлежность к партии влекла за собой целый ряд негласных привилегий, благодаря которым выполнение этой обязанности имело определенные выгоды. Ленинский призыв сопровождался дальнейшей чисткой ря-

дов партии от неугодных; а поскольку и чистка, и призыв находились под контролем Секретариата, можно догадаться, что одним из основных критериев была безграничная приверженность взглядам новой партии. Ленинский призыв и весь процесс, частью которого он был, усилили власть партийной машины и генерального секретаря, находящегося у ее руля. Молотов всего-навсего отразил истинное положение вещей, когда на съезде партии в 1924 году отметил, что ленинский призыв несомненно послужит фундаментом для дальнейшего развития партии.

Замена элитарной партии Ленина массовой партией Сталина сопровождалась еще одним довольно тонким изменением. По уставу партии ее члены были обязаны после принятия определенного политического решения единодушно поддерживать это решение. Верность партии означала соблюдение партийной дисциплины. Но предполагалось, что такое решение будет приниматься с соблюдением демократической процедуры после свободной дискуссии членов партии. Никому не приходило в голову утверждать, что партия непогрешима; Ленин часто привлекал внимание к допущенным промахам и признавал свои собственные ошибки. Когда в апреле 1920 года праздновалось его 50-летие — это было во время успешного завершения гражданской войны, — в ответ на поздравления товарищей он, к удивлению многих, сказал: "...Наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение, — именно, в положение человека, который зазнался". Те яростные споры, что раскололи партию накануне введения нэпа, оказались для Ленина и других партийных руководителей отрезвляющим потрясением — они осознали, какими потенциальными бурями чревата неограниченная терпимость, проявляемая по отношению к несогласным; мятеж в Кронштадте усилил чувство тревоги. Принятие строгих мер по укреплению дисциплины на X съезде партии было зловещей вехой в ее истории. Но для Ленина всегда была неприемлема идея центральной партийной организации, которая издавала бы непогрешимые указы и требовала бы замалчивания любого несогласия как внутри партии, так и вне ее. Когда в марте 1922 года Ленин в последний раз лично присутствовал на партийном съезде, он отметил, что "экономической силы в руках пролетарского государства России совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму", но "не хватает культурности тому слою коммунистов, который

управляет". Судя по этим словам, его уже тогда терзали предчувствия таящихся впереди опасностей. В последний, мучительный период своей активной жизни, длившийся несколько месяцев, его мысли полностью были заняты недоверием, которое он испытывал к Сталину, и необходимостью бороться с "бюрократией" и в партии, и в государстве. Вера в непогрешимость партии, в непогрешимость Ленина, а в дальнейшем и в непогрешимость Сталина появилась позднее; ростки этой веры проклюнулись в первые несколько недель после смерти Ленина.

В разгар ленинского призыва Сталин предпринял еще один шаг, чтобы укрепить свою репутацию самого верного ученика Ленина. Он прочел в Свердловском университете шесть лекций на тему "Об основах ленинизма", и эти лекции были опубликованы в газете "Правда". Они были написаны ясно, четко и совершенно традиционно. В свете последующих событий обратить на себя внимание могла бы лишь одна фраза: "Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран".

Но это было всего лишь перепевом партийного вероучения. Лекции не вызвали никаких комментариев. Другие руководители не обратили внимания на вторжение Сталина в область теории, где прежде он и не пытался блистать. Примечательным в этой инициативе Сталина было освящение особого культа — "ленинизма". Если при жизни Ленина этот термин и упоминался, то в негативном смысле, как и "троцкизм", и использовался его оппонентами для выражения недоверия Ленину. Однако впоследствии в устах Сталина и других партийных руководителей слово "ленинизм" зазвучало по-новому — оно превратилось в неясно выраженную, но непогрешимую суть доктрины, которой придерживалась официальная партийная линия и которая противопоставлялась ереси ее критиков.

Однако еще следовало преодолеть растерянность, вызванную "завещанием". К счастью для Сталина, его замешательство разделяли и другие партийные руководители, поскольку в "завещании" досталось всем. Не известно, когда именно они впервые ознакомились с его содержанием. Но 22 мая 1924 г., накануне XIII съезда партии, на специальном совещании руко-

водителей партии оно было зачитано председательствующим Каменевым. Затем слово взял Зиновьев, который выступал в духе полной преданности ушедшему вождю и в заключение заявил, что "по одному пункту" опасения Ленина необоснованы и что нет никакой необходимости смещать Сталина с занимаемого им поста. Каменев поддержал Зиновьева. Другие точки зрения не высказывались. Троцкий, который только что вернулся с Кавказа, во время заседания хранил молчание. Единственную стычку вызвало настойчивое требование Крупской, чтобы "завещание" было оглашено на съезде. Члены этого совещания большинством голосов (30 против 10) решили, что будет достаточно ознакомить с ним конфиденциально ведущих делегатов съезда.

На съезде угрожающие размеры приняла проблема оппозиции. Основной докладчик Зиновьев был довольно сдержан и завершил свое выступление риторическим обращением к членам оппозиции, призывая их публично покаяться в своих заблуждениях и признать правоту партии. Многие делегаты осудили оппозицию и лично Троцкого. На вызов Зиновьева Троцкий реагировал болезненно и с неохотой. "Никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии", — заявил он. "Даже у самой партии могут быть отдельные ошибки", но он по-прежнему считает, что резолюция "о партстроительстве", осудившая на январской партконференции его позицию, "неправильна и несправедлива". Тем не менее как верный член партии он обязан заявить: "справедливо или несправедливо" решение партии, "но это моя партия, и я несу последствия за ее решения до конца". Непонятно, преданность ли партии не позволила ему кинуться в бой или какие-то внутренние установки, имеющие более глубокие психологические корни, — но так или иначе, это публичное признание необходимости подчинения и одновременно отказ признать свои заблуждения достаточно явно характеризуют его тогдашнее настроение. И только два года спустя — когда было уже слишком поздно — он вновь обрел свободу действий, смело обрушился на врагов и призвал на помощь друзей. Съезд заслушал выступление Крупской, призывавшей к миру между фракциями и "прекращению дальнейших дискуссий". На это не обратили внимания. Сталин и Зиновьев завершили заседание речами, полными брани в адрес Троцкого. Однако его все же вновь избрали в Центральный Комитет партии с явно незначительным перевесом голосов. Ходили слухи, что Зиновьев

вьев и Каменев стремились не допустить Троцкого в состав Политбюро, но это предложение Сталин, который хотел сохранить свою репутацию умеренного, отверг.

До конца года Троцкий подливал масла в огонь. В книге "О Ленине", вышедшей из-под его пера и посвященной памяти вождя, он описывал свои тесные личные отношения с Лениным во время революции, причем в таких выражениях, благодаря которым его собственная роль возвышалась, а других участников событий — отодвигалась на второй план. В октябре 1924 года он опубликовал большую статью "Уроки Октября", в которой пригвоздил к позорному столбу Каменева и других "старых большевиков" за то, что они не хотели принимать "Апрельские тезисы" Ленина, написанные им в апреле 1917 года по возвращении в Петроград; Зиновьева и Каменева — за то, что они были против захвата власти в Октябре, о чем упоминалось в "Письме к съезду" Ленина; этот их поступок ставился там на одну доску с "небольшевистским" прошлым Троцкого, и Ленин писал, что эти их действия не следовало вменять им в вину (см. с. 70). Эта яростная атака Троцкого вызвала ожесточенные ответные действия и побудила триумvirат и его последователей глубоко и со злобным пристрастием копаться в прошлом Троцкого. Каменев произнес длинную речь, которая была затем опубликована как статья под названием "Ленинизм или троцкизм?"; в этой статье он обвинял Троцкого в меньшевизме, припоминая многие случаи его острой полемики с Лениным, и добавил к этому превратившееся впоследствии в ярлык обвинение, что он "игнорирует крестьянство". За этим последовало выступление Сталина, более лаконичное и более язвительное, но в том же духе. Осуждение Троцкого стало обычным делом и на страницах прессы, и на партийных собраниях. Самым жестоким ударом для Троцкого была публикация давно забытого письма, написанного им в 1913 году, с грубыми и резкими выпадами в адрес Ленина. Можно было не искать никаких других доказательств, подтверждающих, что понятия "троцкизм" и "ленинизм" несовместимы.

Ошеломленный потоком брани, Троцкий хранил молчание. Его опять одолела та таинственная хворь, от которой он страдал предыдущей зимой, и врачи посоветовали ему сменить климат на более мягкий. Он не присутствовал на пленуме Центрального Комитета партии в январе 1925 года. Троцкий обратился к пленуму с письмом, в котором утверждал,

что его молчание перед потоком "множества неверных и прямо чудовищных обвинений" было "правильным с точки зрения общих интересов партии", и "в интересах дела" просил освободить его от обязанностей председателя Реввоенсовета СССР. Он уехал на Кавказ в самом разгаре пленума. В Центральном Комитете были колебания, какие меры по отношению к нему принять. Экстремисты, включая Зиновьева и ленинградскую делегацию, предложили исключить его из партии, из Центрального Комитета или по крайней мере вывести из состава Политбюро. Умеренным, которых поддерживал Сталин, было достаточно лишить Троцкого его военного поста. Восторжествовала вторая точка зрения: Троцкого освободили от должности председателя Реввоенсовета и народного комиссара по военным и морским делам. Его преемником стал Фрунзе, чье назначение послужило сигналом для развертывания мощной кампании по укреплению Красной Армии — эта проблема со времени окончания гражданской войны оказалась в забвении.

Споры, вызванные "Уроками Октября", имели почти неожиданный результат — они послужили причиной важного нововведения в партийную доктрину. Одним из пунктов, по которому в свое время расходились Ленин и Троцкий и который сейчас противники Троцкого использовали против него, была так называемая теория "перманентной революции" — понятие, введенное в употребление Марксом. Троцкий в 1905 году утверждал, что если в отсталой России разразится революция, то, хотя на первой своей ступени она будет оставаться буржуазной, антифеодальной революцией, она неизбежно перейдет в стадию социалистической, антикапиталистической революции. Ленину не хотелось соглашаться с подобной перспективой, если только революция в России, как надеялись и он, и Троцкий, не зажжет пламени революции в развитых странах Запада. Это их разногласие не имело никакого значения и было забыто задолго до 1917 года, до тех пор, пока Ленин в своих "Апрельских тезисах" не занял позицию, которая была во многом созвучна с позицией Троцкого. Никто не проявлял интереса к этому вопросу, пока в декабре 1924 года Бухарин не внес лепту в кампанию против Троцкого в своей статье, посвященной теории "перманентной революции". Бухарину просто хотелось высветить разницу взглядов Троцкого и Ленина, и он не делал в своей статье никаких определенных выводов. Но затем, несколько дней

спустя, Сталин также опубликовал пространные заметки на эту тему, которые были написаны как предисловие к собранию его речей и статей; осудив теорию Троцкого, он создал новую доктрину — "социализм в одной стране".

Сталин отказался от своих слов, сказанных весной предыдущего года во время лекций, которые он позднее охарактеризовал как "формулировку... уже явно недостаточную и, потому, неправильную". В лекциях Сталин утверждал, что "для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны... уже недостаточно". Теперь Сталин доказывал противоречие теории "перманентной революции" Троцкого ленинской теории пролетарской революции и заявлял, что Ленин в своих трудах неоднократно размышлял о возможности победы социализма в одной стране. Сталин признавал: "Полная гарантия от интервенции, а значит, и окончательная победа социализма возможна лишь в результате совместных усилий пролетариев ряда стран". Но означало ли это, что "революционная Россия не могла противостоять консервативной Европе" и построить в СССР социализм? Ответ Сталина был резко отрицательным. Его аргументация, сложная и казуистичная, в значительной степени основывалась на цитатах, вырванных из контекста. К тому же его доводы были в какой-то мере подтасованными, поскольку он писал свое предисловие в условиях, которые для Ленина и Троцкого были невозможными, а именно в условиях выживания революционного режима в России без свершения революций в других странах. Однако психологический эффект заметок Сталина был огромен. Они ставили четкую, определенную цель. Они не оставляли места для пустых надежд на помощь извне. Сталин льстил национальной гордости, представляя революцию как чисто русское достижение, а строительство социализма — как благородную задачу, в выполнении которой российский пролетариат должен служить примером всему миру. До этого идея зависимости построения социализма в России от социалистических революций в других странах занимала в партийной доктрине центральное место. Теперь изменился порядок первенства. Сталин хвастливо утверждал, что "Октябрьская революция есть лишь сигнал и исходный пункт социалистической революции на Западе". Критики сталинской доктрины явно и неявно изображались как робкие, слабохарактерные люди, с подозрительностью относящиеся к русскому народу, не верящие в его способно-

сти и в силу его духа. Социализм, построенный в одной стране, был мощным рычагом национального патриотизма и однозначно выдвигал Россию на первый план.

Сталин создал такую духовную атмосферу, которую мог предельно использовать в борьбе с соперниками. Но в тот момент никто не воспринимал его сложных для понимания экскурсов в теорию всерьез. На пленуме Центрального Комитета в январе 1925 года, где был осужден Троцкий, о социализме в одной стране не упоминалось. Три месяца спустя об этом не очень уверенно сказал в своей речи Бухарин без упоминания имени Сталина и в таких словах, из которых можно было понять, что сам Бухарин является одним из авторов этой концепции. Позднее, но не сразу она была включена в основную резолюцию партийной конференции, состоявшейся в апреле 1925 года. Резолюция, подкрепленная цитатами из Ленина, провозглашала, что "в целом победа социализма (не в смысле конечной победы) безусловно возможна в одной стране". Когда несколько месяцев спустя триумвират распался, все думали, что именно эта формулировка и стала камнем преткновения в Политбюро накануне конференции. Но, судя по всему, ни Зиновьев, ни Каменев не выдвигали серьезных возражений и проявили скорее равнодушие, нежели враждебность. Сталин отметил эту свою маленькую победу в речи, которую произнес после конференции, и привел еще одну цитату из Ленина: "Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство, транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно".

До этого подразумевалось, что введение и развитие нэпа, который тоже повернулся спиной к туманной перспективе мировой революции и вел к социализму через союз с русским крестьянством, и есть социализм в одной стране. Теперь Сталин нащупывал путь к совершенно иной концепции России как самостоятельного государства, которое может обрести экономическую независимость, создав современную промышленность и сельское хозяйство. Сталин не делал на этом акцента и, возможно, полностью не отдавал себе отчета в том, к чему это может привести. Но он нарисовал ошеломляющую долгосрочную перспективу, и с нею были созвучны перемены в сфере экономики, которые начинали постепенно становиться ощутимыми.

Постепенное возвышение Сталина после смерти Ленина, сосредоточение все большей власти в его руках совпало с периодом экономического возрождения. Резолюция по кризису "ножниц", принятая в декабре 1923 года, и последующие партийные решения указывали на необходимость уделить особое внимание восстановлению тяжелой промышленности. Доктрина социализма в одной стране, каковы бы ни были намерения ее толкователей, провозглашала построение тяжелой промышленности как условие самостоятельного и независимого развития. Подразумевалось, однако, что цели можно достичь силами отсталой российской экономики. В этом и была загвоздка. Разногласия по поводу индустриализации, как и по каждому другому вопросу советской экономики, были связаны с проблемами сельского хозяйства, которые еще раз нарушили преобладавшее в то время состояние благодушия. В 1924 году, несмотря на засуху в конце лета, был собран прекрасный урожай. Никто, по-видимому, не сомневался, что крестьяне, избавившись от груза кризиса "ножниц", сдадут государству по официально установленным ценам достаточное количество хлеба, чтобы накормить город. Ничего подобного не произошло. Государству было сдано катастрофически мало зерна. Впервые на рынке появилось множество частных торговцев, и об официально установленных ценах пришлось забыть. В конце года цены начали быстро расти. С декабря 1924 года по май 1925 года цены на рожь повысились вдвое. С возрождением свободного рынка "ножницы" раскрылись вновь, на этот раз в пользу крестьянина, и города очутились в положении заложников. Более того, механизм цен сработал так, что усугубилось имущественное неравенство в деревне. Именно богатый крестьянин, всем ненавистный кулак, имел больше излишков для продажи и мог позволить себе придержать их, пока цены не достигнут пика. Появились сообщения о том, что осенью многие бедные крестьяне были вынуждены по низкой цене продавать свое зерно кулакам, которые нажились весной, продав его по высоким ценам.

С этих событий начались острые разногласия в партии. Руководители придерживались ведущего принципа нэпа — уступок крестьянству. Зиновьев в июле 1924 года выдвинул лозунг "Лицом к деревне!". Несколько дней спустя Преображенский прочитал в Коммунистической академии доклад "Основной закон социалистического накопления", который получил всеобщее признание как глубоко обоснованный

вызов официальной линии. Маркс показал, что "первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства", то есть необходима экспроприация крестьянства, точно так же, доказывал Преображенский, в период "социалистического накопления государственное хозяйство не может обойтись без эксплуатации мелкого производства, без экспроприации части прибавочного продукта деревни и ремесла". Он отверг как непрактичный принцип "эквивалентного обмена между государственным хозяйством и несоциалистической средой" и выступил в защиту "политики цен, сознательно рассчитанной на эксплуатацию частного хозяйства во всех его видах". Преображенский выражался без обиняков, и его откровенность дала удобный повод высказаться защитникам партийного руководства и интересов крестьянства. Бухарин опубликовал возмущенную заметку, в которой осуждал выступление Преображенского как "экономическое обоснование троцкизма". Но Преображенский четко обнажил перед партией жесткое противоречие, заключающееся в необходимости примирить процесс индустриализации с политикой уступок крестьянству.

На протяжении 1925 года, пока Сталин коварно маневрировал между другими партийными руководителями, открытого столкновения двух политических линий удавалось избежать. Были сильны настроения в пользу дальнейших уступок крестьянству, что на деле означало потворство зажиточным крестьянам, или кулакам. На партийной конференции в апреле 1925 года рассматривались три предложения такого рода. Предлагалось снизить сельскохозяйственный налог, единственный механизм прямого налогообложения в деревне, и изменить распределение налога по категориям крестьян, чтобы снизить налоговую прогрессию. Предлагалось признать право использовать наемный труд и брать землю в аренду, что частично, хотя и не очень эффективно, запрещалось сводом аграрных законов. Именно в этот момент Бухарин произнес речь, которую потом долго цитировали, потому что в ней наиболее ярко была сформулирована суть предлагаемой политики. Он выступил в защиту верхнего зажиточного слоя крестьянства — кулака и частично середняка, которых необходимо было поощрять, чтобы они давали продукцию. "В общем и целом всему крестьянству, — восклицал он, — всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивай-

те свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас должна быть беднота". Он не соглашался с тем, что это была "ставка на кулака" (выражение, вошедшее в обиход лет пятнадцать назад и характеризовавшая столыпинскую реформу). Но он точно так же не соглашался признать "обострение классовой борьбы в деревне". Бухарин, как и его противник Преображенский, загубил дело своей недипломатичной прямолинейностью. По-видимому, Сталин сказал другим руководителям, что лозунг "Обогащайтесь!" — "не наш, он неправилен". Но прошло еще несколько месяцев, прежде чем этот лозунг отвергли публично; и по курсу, намеченному Бухариным, страна следовала до конца года.

Однако параллельно с политическими мерами, направленными на то, чтобы стимулировать производство продукции крестьянами, все большего внимания требовали нужды тяжелой промышленности. До этого времени возрождение промышленности большей частью означало приведение в рабочее состояние заводов и техники, бездействовавших после гражданской войны, для чего не требовалось крупных капиталовложений. Но к концу 1924 года этот процесс исчерпал себя. Было подсчитано, что мощности существующих фабрик и заводов используются на 85%. Объем промышленного производства приближался к уровню 1913 года, и можно уже было думать о том, как перешагнуть эти рубежи. Но для того, чтобы поддерживать соответствующий темп индустриального роста и особенно чтобы возродить тяжелую промышленность, необходимы были значительные капиталовложения. В январе 1925 года Центральный Комитет высказался за "увеличение бюджетных ассигнований, расширение кредитов металлической промышленности". Следовало обновить устаревшее оборудование и создать новые отрасли промышленности. Ободренный поддержкой, ВСНХ провел "специальное совещание по вопросам восстановления в промышленности фиксированного капитала". Это совещание работало на протяжении последующих полутора лет. XIV партийная конференция в апреле 1925 года, проголосовавшая за уступки крестьянству, одобрила также трехлетний план развития металлургической промышленности, осуществление которого требовало общих капиталовложений на сумму 350 миллионов рублей.

В 1925 году еще царил дух оптимизма, еще казалось возможным удовлетворить все требования растущей экономики.

Не урожай сам по себе, лучший со времени революции, а последствия хлебозаготовительной кампании показали в последние месяцы года, как много проблем связано с взаимоотношениями промышленности и сельского хозяйства. Государственным органам по приемке зерна пришлось отказаться от фиксированных цен 1924 года, им было дано указание использовать "директивные" цены, которые можно было время от времени регулировать. Несмотря на опыт предыдущего года, все, по-видимому, были уверены, что изобилие зерна даст возможность держать низкие цены, избыток его экспортировать, в результате доходы от урожая можно будет использовать в качестве фонда для финансирования промышленности. Эти надежды потерпели крах. После сбора урожая 1925 года у богатых крестьян были большие запасы хлеба. Но у них не было никакого стимула менять его на деньги. Снижение сельскохозяйственного налога дало крестьянам послабление; снабжение промышленными товарами было скудным, покупать было почти нечего; и хотя формально был установлен твердый валютный курс, куда более заманчивым было иметь запас зерна, чем пачку банкнотов. Кулаки могли себе позволить ждать. Зерна поступало на рынок мало. Из-за его нехватки, конкуренции покупателей свободного рынка и даже конкуренции между различными государственными закупочными органами цены росли. Надежды на экспорт зерна и финансирование промышленности за счет доходов от его продажи улетучились. Урожай принес благо крестьянину. Но закупка зерна была катастрофой для правительства. Кризис расколол партию и столкнул несовместимые задачи индустриализации и планирования, с одной стороны, и рыночной экономики, ориентированной на крестьянство, за которую ратовал нэп, — с другой. Острая борьба двух направлений наложила серьезный отпечаток на весь последующий период.

На фоне этих событий началось возвышение Сталина и сосредоточение в его руках высшей власти в партии и в стране. 1925 год был решающим. Страх перед Троцким и соперничество с ним были тем цементом, который скреплял триумvirат. После поражения Троцкого, смещения его с должности в январе 1925 года триумvirат начал постепенно разваливаться. Троцкий более трех месяцев провел на Юге, восстанавливая здоровье. Когда в конце апреля 1925 года он вернулся в Москву, то попал в довольно неловкую ситуацию. Известный американский коммунист Истмен, сторонник Троцкого, провел в

Москве зиму 1923/24 года. В начале 1925 года он опубликовал в Нью-Йорке небольшую книгу "После смерти Ленина", в которой точно и подробно описал с позиций Троцкого все интриги, которые плел триумвират до и после смерти Ленина, и процитировал ленинское "завещание" — это было первое упоминание об этом документе, появившееся в печати. Сообщение произвело сенсацию. Обеспокоенные члены Коммунистической партии Великобритании писали и телеграфировали Троцкому, прося прокомментировать это сообщение. Партийные лидеры в Москве потребовали от него опровержения публикации Истмена. Троцкий еще раз оказался перед выбором — либо защищать свою позицию, либо отказаться от борьбы по такому второстепенному поводу. Он все еще не освободился от того глубокого внутреннего запрета, который помешал ему публично противостоять большинству коллег: "никто не может быть правым против своей партии". Если ему и приходило в голову, что отступление означает компромисс и отречение от друзей, он подавил эти сомнения во имя партийной дисциплины. 1 июля 1925 г. он подписал длинное заявление, которое, как он признавался три года спустя, его "заставили подписать большинством голосов в Политбюро". Обвинение в том, что Центральный Комитет партии "скрыл от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого "завещания" и пр.)", Троцкий квалифицировал как "клевету на ЦК нашей партии". Ленин не оставлял никакого завещания: все, что он написал, в том числе одно из писем, содержащее советы организационного характера, было зачитано делегатам на съезде партии. Разговоры о сокрытии "завещания" были "злостным вымыслом". Заявление Троцкого было опубликовано 19 июля в английской левой газете "Санди уоркер", а 1 сентября 1925 г. — в русском партийном журнале "Большевик". Это было последней победой сплотившегося триумвирата.

По возвращении в Москву Троцкий был назначен, в основном чисто номинально, на два или три невысоких поста в промышленности. До конца года он произнес несколько речей, написал статьи по индустриальному развитию и планированию, подчеркивая необходимость "догнать Запад", но не бросая прямого вызова политике партии. Благодаря его сдержанности последние узы, скреплявшие триумвират, окончательно ослабли. В связи с хлебным кризисом началась легкая

перебранка, перешедшая в открытые распри. Зиновьев и Каменев, отойдя от своей прежней позиции, выступили против ориентации на крестьянство, за что так рьяно продолжал ратовать Бухарин. В сентябре Зиновьев направил в "Правду" для публикации статью под названием "Философия эпохи". Статья содержала нападки на эмигрантского писателя Устрялова, который с энтузиазмом и одобрением отнесся к тому, что Бухарин поддержал кулаков, и радостно провозгласил, что "крестьянин становится единственным настоящим хозяином советской земли". Зиновьев сделал вывод: "Нэп наряду с тем, что мировая революция откладывается, среди других опасностей таит в себе опасность перерождения". Центральный Комитет партии настоял на том, чтобы убрать из статьи строки, слишком явно направленные в адрес Бухарина. Но в сути статьи, которая была опубликована в двух номерах газеты, ошибиться было невозможно. Месяц спустя Зиновьев выпустил том своих статей под названием "Ленинизм". В одной из них повторялись нападки на Устрялова и отвергался лозунг "Обогащайтесь!", но имя Бухарина все еще не упоминалось. В другой статье приводилось высказывание Ленина с осуждением кулаков и напоминалось его определение нэпа как "отступления"; из этого вытекало, что советская промышленность при нэпе была "своеобразным госкапитализмом в пролетарском государстве" — вывод, отвергаемый Бухариным. В самом решительном по характеру параграфе содержались прямые нападки на концепцию "социализма в одной стране": невозможно "остаться ленинцами, ослабив хоть на йоту международный момент в ленинизме". Это было объявление войны не только против Бухарина, но и против самого Сталина.

В резком отходе Зиновьева от ориентации на крестьянство, в том, что он стал ратовать за развитие промышленности и интересы пролетариата, была определенная логика. Борьба за руководящую роль между Зиновьевым и Сталиным была фактически борьбой между Ленинградской партийной организацией, контролируемой первым, и Московской организацией, которую подмывал под себя второй. Московскую организацию возглавлял Каменев. Но из-за того, что ЦК находился в том же городе, Московская организация оставалась как бы в тени. У Каменева не хватало характера, чтобы настоять на независимости своей организации, и вскоре с ним перестали считаться. Ленинград все еще оставался самым крупным про-

мышленным городом СССР. Он был родиной пролетариата, в нем сохранялись пролетарские традиции. В Москве же новый пролетариат поддерживал гораздо более тесные связи с деревней. Зиновьеву удалось увлечь за собой рабочих и сплотить их против линии Москвы на основе платформы, утверждавшей превосходство интересов рабочих и с презрением отвергавшей попытку возвысить роль крестьянства. Соперничество между двумя столицами и двумя партийными организациями, между "Правдой", органом Центрального Комитета, находящегося в Москве, и "Ленинградской правдой", газетой Ленинградской партийной организации, сыграло немаловажную роль в борьбе Сталина и Зиновьева за власть.

Сражение разыгралось на XIV съезде партии, который проходил в последние две недели 1925 года. Основными докладчиками были Сталин и Зиновьев. Бухарин спорил с Зиновьевым, с Бухариным — Каменев. Зиновьев и Каменев страстно осуждали кулака, Бухарин отстаивал его. Сталин же, чьей главной заботой было сокрушить двух своих главных соперников, поддержал Бухарина, хотя и не очень искренне. На съезде не было принято важных решений в отношении аграрной политики. Но на нем говорилось о растущем недовольстве привилегиями, которыми пользовался кулак, и еще раз была подчеркнута необходимость как можно быстрее проводить индустриализацию. Когда улеглась пыль на поле партийной битвы, стало ясно, что главные решения впереди. На съезде Бухарин сделал отчаянную попытку доказать, что уступки крестьянству вовсе не являются несовместимыми с политикой индустриализации: "Мы будем двигаться вперед черепашим шагом, но тем не менее мы будем строить социализм, и мы построим его". Эта фраза надолго запомнилась всем присутствовавшим. Но черепаший шаг индустриализации больше не устраивал все растущее большинство, которое желало превратить СССР в великую индустриальную державу, независимую от Запада. Парадоксально, но победа Бухарина и поражение Зиновьева на съезде не привели к победе или поражению тех идей, которые они отстаивали. И то, что съезд впоследствии получил название "съезда индустриализации", в конечном счете вполне соответствовало его сути.

Однако не экономические проблемы были главным предметом дебатов, которые начались на довольно спокойной ноте, но становились все более язвительными по мере того, как затрагивались острые политические вопросы и личные

интересы. Каменев критиковал "теорию вождя" и обрушился лично на Сталина. Выступившая от имени оппозиции Крупская произвела сенсацию тем, что высказалась против доктрины "большинство всегда право". Молотов и Микоян были среди тех, кто поддерживал официальную линию, Ворошилов пел дифирамбы Сталину. Представители обеих группировок формально были делегированы на съезд своими избирателями, но на деле они были специально отобраны членами своих партийных организаций; сплоченная группа ленинградцев оказалась в молчаливой и враждебной изоляции. За резолюцию, одобрявшую официальную линию партии, проголосовали большинством в 559 голосов против 65. Газету "Ленинградская правда", которая до этого была рупором оппозиции, передали в другие руки, новый редактор был назначен из Москвы. После съезда в Ленинград отправилась представительная делегация, в которую входили Молотов, Ворошилов, Калинин, Рыков, Томский, Киров, позднее к ним присоединился Бухарин. Члены делегации побывали на множестве массовых митингов членов партии. Те же самые средства давления, которые были пущены в ход, чтобы запугать и заставить замолчать последователей Троцкого, сейчас были обращены против сторонников Зиновьева. На массовых митингах рабочих фактически заставляли единогласно осуждать их бывших руководителей и одобрять решения съезда. Таким путем подготавливалась почва для проведения Ленинградской областной партийной конференции, на которой в качестве основного докладчика выступил Бухарин. Был вынесен тот же вердикт, и в партийные органы Ленинградской организации были избраны верные сторонники ЦК. Секретарем областного Комитета партии стал Киров, молодой и популярный руководитель, недавно вошедший в ряды партийного руководства; фактически он возглавил Ленинградскую партийную организацию. Это была полная смена власти. Зиновьев продолжал оставаться членом Политбюро и председателем Коминтерна. Но, изгнанный из Ленинграда, он потерял всю свою власть. Сталин оказался победителем. Что предвещала эта победа как в области экономики, так и в области политики, было пока еще неясно.

СССР и Запад (1923-1927)

На протяжении бурного 1923 года продвижение по пути к установлению нормальных взаимоотношений с западными державами, которые наметились после введения нэпа, несколько затормозилось. Этот год начался с того, что французы в ответ на отказ Германии выплачивать репарации оккупировали Рурскую область. В Великобритании падение Ллойда Джорджа дало Керзону неограниченную власть в области внешней политики. Во Франции на вершине власти стоял такой же непреклонный Пуанкаре. В мае 1923 года Великобритания несколько раз протестовала против тех или иных незаконных действий Советов, что наконец вылилось в заявление, получившее название "ультиматум Керзона". В нем подробно перечислялись действия советских агентов в Иране, Афганистане и Индии, нарушающие договоренности англо-советского торгового соглашения, подписанного в марте 1921 года. Если этим действиям не будет положен конец и в течение десяти дней не будет удовлетворен ряд требований, говорилось в ультиматуме, британское правительство аннулирует торговое соглашение и отзовет своего представителя из Москвы. Советское правительство, напуганное этим взрывом негодования, согласилось с большинством требований англичан и начало довольно мягко и неубедительно обсуждать вопрос, связанный с пропагандой; на некоторое время буря утихла.

В Германии, единственном крупном государстве, которое де-юре признало советское правительство, в этом году тоже происходили неутешительные события. В результате оккупации Рура немецкая экономика развалилась, а немецкая валюта обесценилась; последовало несколько политических кризисов кряду. Это вдохновило оптимистично настроенных московских наблюдателей на поиски возможностей компен-

сировать неудачи 1921 года (см. с. 27, 53). В августе Брандлера и других лидеров КПП вызвали в Москву; строились планы переворота, чтобы к осени захватить власть. Но разногласия в области тактики подрывали взаимное доверие. План был загублен, и впоследствии это привело к бесконечным взаимным обвинениям. Изолированное восстание гамбургских коммунистов (23 октября) было легко подавлено. К этому времени во главе правительства встал Штресеман; новое правительство видело свою задачу в восстановлении разрушенной экономики; Сект, глава рейхсвера, очень верил, что Штресеман способен восстановить порядок. Парадоксально, но этот эпизод никак не повредил советско-германским отношениям. И ясно почему: у Секта, который понял, что у него по отношению к немецким коммунистам развязаны руки, были все основания развивать и далее военное сотрудничество с Москвой, Штресеман охотно одобрял эту политику. Советское правительство не могло позволить себе поддерживать коммунистов в Германии (так же, как и в Турции), поскольку ему нужны были эти страны как союзники и партнеры в международной дипломатической игре. Аналогичный урок можно было извлечь из его готовности развивать дружественные отношения с фашистским режимом Муссолини в Италии.

Начало 1924 года было более многообещающим. Приход к власти первого лейбористского правительства привел к тому, что 1 февраля 1924 г. Англия де-юре признала Советский Союз; несколько дней спустя ее примеру последовала Италия. В мае в результате выборов во Франции была сформирована левая коалиция под руководством Эррио. Но из-за мощного противодействия французских держателей русских дореволюционных акций признание СССР Францией затянулось до октября. Летом в Лондоне шли переговоры о новом англо-советском договоре, который должен был заменить торговое соглашение 1921 года. Договор, сопровождаемый обещанием займа, был подписан в Англии, несмотря на жесткое сопротивление со стороны британских финансовых и коммерческих кругов, а также со стороны консервативной партии. В этот момент либералы перестали оказывать поддержку лейбористскому правительству, и оно потерпело поражение в палате общин. Договор не был ратифицирован, и на последовавших вслед за этим выборах консерваторы одержали блестящую победу. Их успеху способствовало также появление как раз накануне выборов "письма Зиновьева" — письма Коминтерна с указа-

ниями Коммунистической партии Великобритании о том, как вести пропаганду, в том числе в вооруженных силах. Письмо явно было фальшивкой. Но его содержание выглядело вполне правдоподобно; его появления было достаточно, чтобы еще больше настроить общественное мнение против СССР и его друзей в Великобритании. Новое консервативное правительство с Остином Чемберленом в качестве министра иностранных дел не прекратило официальных отношений с СССР, но на протяжении всего 1925 года все сделки с СССР были заморожены. Франко-советские переговоры по улаживанию долгов и претензий тоже зашли в тупик.

Тем временем соотношение сил в Европе изменилось в результате того, что в августе 1924 года при дипломатической и финансовой поддержке США был принят "план Дауэса", в соответствии с которым германские обязательства по репарациям должны были выполняться за счет крупного международного займа. Это было началом процесса примирения победителей и побежденных 1918 года. Кульминацией этого процесса стали знаменитые Локарнские договоры, проект которых был обсужден в Локарно в октябре 1925 года и которые 1 декабря торжественно были подписаны в Лондоне. Суть этих договоров состояла во взаимной гарантии соблюдения существовавших в то время западных границ Германии — это было добровольное признание Германией территориальной части Версальского договора, что, правда, не распространялось на восточные границы Германии. Договоры были неодобрительно встречены в Москве, где их рассматривали как доказательство новой западной ориентации в германской внешней политике и как изменение курса, принятого в Рапалло. Более того, в Москве этот шаг был расценен как свидетельство того, что Германия получила обещание о приеме в Лигу Наций и в Совет Лиги. Советское правительство выразило опасение, что Германия как член Лиги Наций будет обязана принимать участие в санкциях, которые Лига будет предпринимать по отношению к СССР. Чтобы успокоить эти страхи, все участники договоров в Локарно подписали декларацию, гласящую, что члена Лиги Наций можно заставить принимать участие в санкциях только "в той степени, в какой это совместимо с его военной ситуацией, и принимая во внимание его географическое положение". На этих условиях 26 сентября Германия наконец вошла в состав Лиги Наций.

Несмотря на заверения в противном, Локарнские договоры совершенно справедливо рассматривались в Москве как попытка реинтегрировать Германию в западный мир, отлучить ее от Советского Союза и изолировать СССР как чуждый элемент в сообществе других государств. Попытка удалась не полностью. Германия, все еще помнящая об унижении 1918 года, осознавала свое более низкое положение среди западных государств и не хотела становиться полностью от них зависимой. Связь с СССР была уже не такой тесной, как во времена, когда Рапалльский договор сблизил два отверженных государства. Но для Германии эта связь оставалась по-прежнему выгодной, в ее отношениях с западными странами она играла роль рычага для урегулирования соотношения сил в Европе. Обе страны объединяло недоверие к Польше. Тайные советско-германские военные приготовления успешно продвигались; рейхсвер стал бы очень возражать, если бы что-либо помешало этому. Экономические связи были выгодны обеим сторонам. В тот самый момент, когда Штресеман вел в Локарно переговоры с Чемберленом и Брианом, в Москве был подписан советско-германский экономический договор, по которому ряд германских банков предоставлял Советам значительные кредиты. Для Советского Союза Германия была самым крупным и самым надежным торговым партнером.

Однако это было не единственным проявлением стремления немцев обрести плацдарм в Восточной Европе. Советское правительство не ограничилось осуждением попыток Великобритании сколотить антисоветскую коалицию; одновременно Советы стремились установить отношения с другими странами, в чьих интересах было помешать плану Великобритании. Но поскольку Советы не хотели принимать на себя никаких военных обязательств и прежде всего были заинтересованы в том, чтобы помешать другим государствам объединиться против них, задача формулировалась следующим образом: обе стороны должны принять взаимные обязательства не принимать участия ни в каких военных или экономических акциях, направленных против одной из них, соблюдать нейтралитет в случае объявления другой стороне войны третьей стороной. В декабре 1925 года исходя из этого принципа был подписан договор с Турцией. Аналогичный по сути договор, но с другой формулировкой был подписан между СССР и Германией 24 апреля 1926 г. Кое-кто из немцев вспоминал о прецеденте — "подстраховочном договоре", который Бисмарк подписал с

Россией в 1887 году. Советско-германский договор о нейтралитете и ненападении вызвал на Западе довольно сильное раздражение. Время от времени в отношениях между Москвой и Берлином возникали осложнения. Самое серьезное из них произошло в декабре 1926 года, когда германским социал-демократам стало известно о том, что Советы по тайному военному соглашению отправляют в Германию корабли с боеприпасами. Социал-демократы публично выразили в рейхстаге свой протест, что весьма смутило правительства Москвы и Берлина, а особенно немецких коммунистов и правых националистов. Но опасения, что союзники примут меры, не подтвердились; западные державы были слишком заинтересованы в сохранении добрососедских отношений с Германией, установившихся в результате Локарнских договоров, чтобы поднимать этот больной вопрос. Буря утихла, и на протяжении нескольких последующих лет, в то время как у Советов не было с Западной Европой никаких отношений, связи их с Германией как военно-политические, так и культурно-экономические оставались намного более тесными и плодотворными, чем с любым другим государством.

Революционный дух внешней политики СССР, воплощенный в создании Коминтерна, иногда все еще вступал в противоречие с дипломатической деятельностью Наркоминдела, что иногда приводило к разного рода неловкостям. Иллюзия, будто бы не было никаких противоречий между задачами революции и задачами дипломатии, поддерживалась тем, что советское правительство делало вид, якобы оно не несет ответственности за деятельность Коминтерна. Развеивал, однако, эту иллюзию часто повторяемый аргумент, что СССР — монолитный оплот мировой революции, будущее которого зависит от его могущества и безопасности. Согласно этому тезису, интересы международной революции и государственные интересы СССР неделимы. Отсюда вытекала полная зависимость всех других коммунистических партий, которые часто именовались секциями Коминтерна, от Российской Коммунистической партии.

Невозможно было даже допустить и мысли о каком-либо столкновении между Коминтерном и РКП(б). Когда весной 1922 года 22 члена рабочей оппозиции в соответствии с уставом обратились в Коминтерн по поводу обстановки, сложившейся вокруг них в партии, жалоба их была с ходу отклоне-

на комиссией, в которую входили болгарин Коларов и немка Клара Цеткин. Ведь только Российской Коммунистической партии удалось осуществить победоносную революцию. Поэтому она приобрела и право, и обязанность наставлять другие партии и вести их по революционному пути. Этот довод подкреплялся тем историческим фактом, что Коминтерн возник как организация, построенная по русской модели и сплоченная вокруг РКП(б).

Взаимоотношения коммунистических партий с центральными органами Коминтерна были основной темой его V конгресса, проходившего в июне 1924 года. Руководители КПГ, которые провалили октябрьское восстание в Германии, были заклеены как правые оппортунисты, их заменили представители левых — Рут Фишер и Маслов. Аналогичный отсев произошел в составе французской и польской партий, чьи лидеры, которые тоже теперь были осуждены как правые оппортунисты, в свое время высказались в поддержку Троцкого. Но, несмотря на множество речей, в которых на конгрессе превозносились достоинства левых, было очевидно, что основное качество, требуемое от новых левых руководителей, — беспрекословное выполнение решений, принимаемых в Москве. Зиновьев выступил с лозунгом "большевизации коммунистических партий", который был сформулирован в резолюции конгресса как "перенесение в наши секции того, что в русском большевизме было и есть международного, общезначимого". Разумеется, лозунг был принят. Это был естественный результат того, что революции в других странах задержались; доктрина построения социализма в одной стране еще подкрепила этот лозунг, поскольку упрочила роль СССР как уникального примера успешной социалистической революции. Сталин, который до этого не принимал участия в работе Коминтерна, на V конгрессе присутствовал, но оставался в тени, предоставив Зиновьеву играть ведущую роль; сам он выступил лишь на нескольких комиссиях, но не на пленарном заседании и тем не менее сделал все, чтобы его узнали иностранные делегаты. Троцкий тоже присутствовал на конгрессе и подготовил манифест конгресса в связи с приближающейся 10-й годовщиной начала войны 1914 года, но не выступал.

В последующие три года изоляция СССР в капиталистическом мире была для Москвы источником все растущего беспокойства. Экономика капиталистических стран Европы, серьезно подорванная первой мировой войной, к середине

20-х годов обрела равновесие, и в европейских государствах наступил период благоденствия, стимулируемый американскими капиталовложениями. Коминтерн признавал, что в западных странах наступила "стабилизация капитализма", награждая ее такими эпитетами, как "неустойчивая", "временная", и упорно противопоставляя ее "стабилизации советской экономики". Но эти сравнения вынуждали к осторожности. Левые лидеры иностранных партий, которые на V конгрессе пользовались популярностью, на протяжении последующих двух лет были смещены со своих постов; их заменили умеренные. Конгрессы Коминтерна перестали собираться ежегодно, вместо них проводились расширенные заседания ИККИ. VI конгресс состоялся только в 1928 году. Видения грядущей революции все еще преследовали многих, но уже гораздо реже. Революционная пропаганда велась главным образом в качестве оборонительных мер против внушавших опасения, враждебно настроенных западных правительств. Возвышение Сталина на Западе было воспринято с некоторым удовлетворением, поскольку это говорило о закате Троцкого и Зиновьева и замене революционных смутьянов умеренным и осторожным руководителем, который был больше всего озабочен восстановлением благополучия своей собственной страны.

Этот период был расцветом деятельности единого рабочего фронта, когда из всех сил проповедовалась необходимость сотрудничества коммунистов с левыми партиями и группировками, организации интернациональных фронтов, не обязательно прокоммунистических, хотя их создание поощрялось и частично финансировалось Москвой, которые собирали под свою крышу различные левые группировки и партии, разделяющие цели, провозглашенные Коминтерном. Наиболее известной и действенной из них была Лига против империализма, чей учредительный конгресс прошел в Брюсселе в феврале 1927 года. На этом конгрессе впервые собрались делегаты из Китая, Индии и Индонезии, с Ближнего Востока, многих стран Африки, Латинской Америки, от негритянского населения Соединенных Штатов. Их объединяла общая платформа, направленная против тирании империалистических государств по отношению к подвластным им народам. Празднование 10-й годовщины революции в Москве в ноябре 1927 года, в котором приняло участие созвездие выдающихся зарубежных гостей, явилось поводом для создания Лиги друзей Советской России. Такие организации, как "Международная рабочая по-

мощь" и "Международная помощь военнопленным", размещавшиеся в Москве, но имеющие свои отделения в других ведущих государствах, служили той же цели — поддержанию контактов с левыми некоммунистами и повышению авторитета СССР.

Отношения с рабочим движением в Великобритании с самого начала были неровными. Коммунистическая партия Великобритании была основана в 1920 году, когда слилось воедино несколько группировок, придерживавшихся крайне левых взглядов. В середине 20-х годов общее число ее членов достигло около 5 тысяч. Ее слабость компенсировалась мощью английских профсоюзов, которые составляли крепкое ядро рабочего движения и пользовались огромным влиянием в лейбористской партии. Более того, профсоюзы неоднократно демонстрировали поддержку и симпатии к советской власти. Чтобы привлечь на свою сторону профсоюзы капиталистических стран, в Москве в 1921 году был учрежден Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн). Во Франции и Чехословакии ему удалось расколоть профсоюзное движение; существующие профсоюзы разделились примерно поровну: одна группа примкнула к существующей Международной федерации профсоюзов (МФПС), более известной под названием Амстердамского интернационала профсоюзов, а другая — к Профинтерну. В Германии такого раскола не произошло, члены КПГ оказывали серьезное влияние на профсоюзы, примыкавшие к Амстердамскому интернационалу. В Великобритании профсоюзы, за небольшим исключением, оставались верными Амстердаму. Но на протяжении многих лет большинство английских профсоюзов выражали сожаление о расколе международного движения и призывали обе соперничающие федерации к примирению. Не только идеологические различия, но и острое соперничество между Амстердамом и Москвой делало это невозможным.

Профинтерн был образован в тот момент, когда Коминтерн начал делать попытки объединить разные силы в борьбе против империализма. Когда на II конгрессе Коминтерна в 1920 году Ленин впервые бегло сформулировал идеи, которые год спустя приняли четкие очертания под общим названием "единый фронт", его замечания касались главным образом событий в Великобритании. Он говорил о том, что английским коммунистам необходимо поддерживать "Макдональдов и Гендерсонов" лейбористской партии, своеобразный устав ко-

торой позволял членам КПВ в то же время оставаться в рядах лейбористской партии, что было совершенно в порядке вещей. Но в Великобритании именно профсоюзы подготовили благодатную почву, на которой призыв к рабочим, сочувствующим коммунистам, но не входящим в компартию, мог дать всходы. Как тогда говорили, типичный английский коммунист носит в кармане три членские карточки: КПВ, своего профсоюза и лейбористской партии. Профинтерн открыл в Лондоне свое бюро; КПВ отреагировала на это созданием двух организаций единого фронта — Движения национального меньшинства (ДНМ), которое должно было подстегнуть деятельность профсоюзов, и Национального движения безработных (НДБ) — его задачей была пропаганда и агитация по злободневным вопросам под руководством коммунистов, но при широком участии рабочих. Хотя лейбористская партия неоднократно отвергала предложения КПВ о слиянии в единое целое, ее рядовые члены вначале не испытывали враждебности к самим коммунистам. На выборах 1922 года двое коммунистов прошли в парламент: один — как официальный кандидат от лейбористской партии, а другой — при молчаливой поддержке лейбористов.

Ситуация в лейбористской партии изменилась гораздо быстрее, чем в профсоюзах. В 1927 году лейбористская партия запретила выдвигать коммунистов на выборах как своих официальных кандидатов. Было принято решение не допускать членов КПВ на съезды лейбористской партии, но навязать выполнение этого решения было невозможно, поскольку профсоюзы по-прежнему включали коммунистов в состав своих делегаций. Поддерживать дух симпатии к СССР в профсоюзах было значительно сложнее. На съезде английских профсоюзов в 1924 и 1925 годах выступления Томского, советского профсоюзного лидера, были встречены с энтузиазмом, а в декабре 1924 года, сразу после появления "письма Зиновьева" и поражения лейбористского правительства, английская делегация побывала на съезде профсоюзов СССР. В начале 1925 года для развития сотрудничества между СССР и Великобританией был создан Англо-русский комитет профсоюзного единства. Но авторы этих планов недооценили расхождений во взглядах советских и английских профсоюзных деятелей, а также нежелания последних противопоставлять себя Амстердамскому интернационалу. На заседаниях комитета английские и советские делегаты все чаще нападали друг

на друга с обвинениями. Деятельность Профинтерна и его резкая критика в адрес английских руководителей вызывали недовольство; постоянным источником раздражения была агрессивная тактика ДНМ и НДБ. В Генеральном совете конгресса профсоюзов антисоветское большинство противостояло все тающему просоветскому меньшинству.

Решающим моментом была всеобщая забастовка английских рабочих в мае 1926 года. Советы расценивали эту забастовку как политический шаг, демонстрацию силы, форму классовой борьбы, как начало пролетарской революции. Английские рабочие воспринимали забастовку исключительно как спор относительно заработной платы, как это и было задумано с самого начала. Руководители профсоюзов и подавляющее большинство рабочих стремились не покончить с существующей системой, а получить от нее как можно больше привилегий. Исходящие из Москвы призывы к революции встревожили и насторожили рабочих; они отказались от финансовой помощи, предлагаемой советскими профсоюзами, под предлогом, что это нанесет ущерб их делу; этого оскорбления советские лидеры так никогда и не простили своим партнерам. Когда же через 10 дней лидеры профсоюзов признали поражение и прекратили всеобщую забастовку, представив шахтерам, чьи нужды и послужили изначально толчком к забастовке, бороться в одиночку без всякой надежды на успех, Советы восприняли это как убедительное и окончательное доказательство продажности руководителей английских профсоюзов; осталась единственная надежда — поднять широкие массы рабочих против предательской профсоюзной бюрократии. С тех пор враждебность Советов по отношению к английским профсоюзным лидерам была непримиримой; на протяжении многих лет старания поколебать преданность большинства членов британских профсоюзов своим вождям терпели неудачи, что послужило причиной серьезных и горьких осложнений в отношениях между Советами и профсоюзным движением Великобритании.

Всеобщая забастовка, а также финансовая помощь бастующим, предлагаемая Москвой, подлили масла в огонь антисоветской кампании, которую видные консервативные деятели вели со все возрастающим пылом начиная с осени 1924 года. Зимой 1926/27 года требования консервативных кругов разорвать отношения с СССР стали крайне настойчивыми. В мае 1927 года на помещение Аркоса, где были расположены некоторые конторы советского торгового представительства в Лондоне, был совершен полицейский налет. В захваченных документах не было ничего сенсационного. Однако цель этой

акции была ясна, и она была достигнута. 24 мая Болдуин объявил о разрыве дипломатических отношений в СССР и об аннулировании торгового соглашения. Примеру Великобритании не последовала ни одна страна. Но она все еще играла главную роль на европейской дипломатической арене. Одно-го жеста Великобритании было достаточно, чтобы вызвать всеобщее беспокойство. В Москве опасались войны или по крайней мере экономической и финансовой блокады. За год до этого в Польше захватил власть Пилсудский; в Москве подозревали, что Великобритания будет подстрекать его начать военные действия против СССР. Беспокойство советских руководителей усилили британские профсоюзы, на своем ежегодном конгрессе в сентябре 1927 года проголосовавшие за роспуск Англо-русского комитета профсоюзного единства, который уже давно был объектом нападок со стороны Троцкого и московской оппозиции. На горизонте не было ни единого просвета. После сбора урожая наступил чудовищный кризис — зерна государству было сдано катастрофически мало. В партии борьба с оппозицией накалилась до предела. Даже в Азии положение Советов было крайне удручающим.

В течение всего этого периода правительство Соединенных Штатов упорно отказывалось признать СССР или иметь с ним какие-либо дела. Отношение к Советскому Союзу ухудшалось с приходом каждого нового президента и государственного секретаря. Эту точку зрения оспаривали лишь горстка радикально настроенной интеллигенции и некоторые банкиры и бизнесмены, заинтересованные в возобновлении торговли с Советами. После снятия официального эмбарго на торговлю и запрета на займы СССР вето на принятие советского золота под предлогом, что права Советов на него весьма спорны, и отказ банков предоставлять кредиты фактически не давали возможности для крупных сделок. Но тем не менее тоненькой струйке торговли удалось пробиться сквозь все эти преграды. В 1924 году в Нью-Йорке советскими властями была учреждена торговая корпорация под названием Амторг (аналог Аркоса в Лондоне). Неофициальный советский представитель поселился в Вашингтоне и время от времени в качестве частного лица посещал госдепартамент. В 1925 году американский финансист Гарриман организовал на Кавказе концессию для добычи марганцевой руды. Хотя этот проект и не удалось осуществить и концессия была позднее закрыта, это была первая ласточка. Но только после 1927 года, когда в СССР уже вовсю шла индустриализация, американцы начали проявлять серьезный интерес к советскому рынку.

СССР и Восток (1923-1927)

Странам, лежащим за пределами Европы, Маркс отводил весьма незначительное место в своих трудах; I и II Интернационалы оставляли их вне поля своего зрения. Когда Ленин в своей знаменитой работе, опубликованной в 1916 году, дал определение империализму как высшей и последней стадии капитализма, его гораздо больше интересовала судьба империалистических стран, чем их колониальных вассалов. На протяжении первого года революции обращения к народам стран Азии главным образом содержали призывы к борьбе против иностранного, в частности британского, владычества; учредительный конгресс Коминтерна, состоявшийся в марте 1919 года, включал в свой манифест призыв к "колониальным рабам Азии и Африки". Впервые политика для тех государств, которые именовались колониальными и полуколониальными, была сформулирована на II конгрессе в июле 1920 года. В написанных Лениным тезисах содержался призыв к "тесному союзу всех национальных и колониальных движений с Советской Россией". Какие это движения, к союзу с которыми призывал Ленин, — буржуазно-демократические или же пролетарско-коммунистические, — зависело от того, на какой степени развития находилась страна. В отсталых государствах коммунисты должны были быть готовы поддержать любое "национально-революционное" освободительное движение, даже если оно будет носить буржуазно-демократический характер. Это было разумное решение, но оно по-прежнему создавало множество практических проблем.

После конгресса Коминтерн предпринял первый крупный шаг в восточной политике. В Баку был созван съезд народов Востока, на котором присутствовало около 2 тысяч делегатов; большинство из них приехало из районов Средней Азии и Ближнего Востока, и по большей части это были мусульмане.

В этом регионе не составляло особого труда представить британский империализм в качестве главного врага; это была основная тема, которую развивали на съезде докладчики. Однако возникало множество недоразумений из-за религиозных чувств многих мусульманских делегатов, а также из-за присутствия Энвер-паши, руководителя революции младотурок, вспыхнувшей в Турции в 1908 году, который считался виновником массовой зверской резни армян, и его репутация социалиста и демократа была более чем сомнительной. Съезд не имел сколько-нибудь важных последствий. Год спустя предполагалось провести аналогичный съезд народов Дальнего Востока в Иркутске. Этот план сорвался; в конце концов съезд состоялся в Москве в январе 1922 года. Но к этому времени энтузиазм участников поостыл, и съезд оказался менее впечатляющим, чем предшествующий, состоявшийся в Баку. На Дальнем Востоке страной, в которой развивалась индустриализация по западному образцу, страной с многочисленным пролетариатом была Япония, и казалось, что именно там зреет революция. Но на учредительном конгрессе Коминтерна японские делегаты не присутствовали, а капиталистическая Япония была еще более непроницаемой для идей коммунизма, чем капиталистические страны Запада. Наиболее благотворной нивой для коммунистической пропаганды и советской дипломатии оказался Китай, где все набирающее силу национально-освободительное движение против империалистического господства началось из-за "неравноправных договоров" и септльментов в "портах договоров".

Ленин в статье, написанной в 1912 году под влиянием свершившейся тогда революции в Китае, писал, что "сотни миллионов трудящихся Азии имеют надежного союзника в лице пролетариата всех цивилизованных стран", и предсказал, что победа пролетариата "освободит и народы Европы, и народы Азии". Он говорил о Сунь Ятсене, китайском национальном лидере, как о революционном демократе с элементами народничества в программе. Когда в 1918 году Сунь Ятсен учредил в Кантоне (Гуанчжоу) национальное правительство, что сделало его общепризнанным главой национального движения, взаимная симпатия между двумя революционными центрами проявилась в обмене письмами и телеграммами между Сунем и Чичериным. Первые шаги советская дипломатия сделала в Китае в начале 20-х годов. Японские войска оставались в Сибири еще долго после того, как другие

державы, принимавшие активное участие в гражданской войне, вывели оттуда свои войска. К 1921 году японские войска под давлением Америки еще только выбирались из страны. Советские войска, постепенно продвигаясь на Восток, вытеснили белую армию, которая занимала в то время Внешнюю Монголию, и в ноябре 1921 года была провозглашена Монгольская Народная Республика; она находилась под советским контролем и защитой. Летом 1922 года из Москвы в Пекин выехал Иоффе, задачей которого было попытаться прояснить отношения с бессильным китайским правительством, ведущим себя непонятно. Попытка потерпела неудачу. Но в январе 1923 года Иоффе встретился в Шанхае с Сунь Ятсеном, которому незадолго до этого пришлось уехать из Кантона. Это был момент, когда в советскую политику были прочно заложены принципы единого фронта и сотрудничества с национальными правительствами для общей борьбы с империализмом. Совместная декларация, подписанная в результате этой встречи, показывает, что Иоффе разделял точку зрения Сунь Ятсена: "В Китае невозможно установить ни коммунистический строй, ни советскую систему, потому что там отсутствуют условия, необходимые для успешного построения как коммунизма, так и советского строя". Но они оба согласились, что "самой первостепенной и насущной проблемой Китая является достижение национального единства и полной национальной независимости". Иоффе заверил Сунь Ятсена, что в осуществлении этой задачи Китай может рассчитывать на самые теплые симпатии и поддержку России.

Два месяца спустя Сунь Ятсен вернулся к власти в Кантоне, и соглашение с Иоффе стало началом длительного и плодотворного сотрудничества с Сунем и его партией — Гоминьданом. Осенью 1923 года один из помощников Сунь Ятсена — Чан Кайши был послан в Москву на переговоры о поставках оружия и боеприпасов; в Кантон же в качестве советника Суня прибыл Бородин, русский коммунист, родившийся в Америке и свободно говоривший по-английски. В течение последующего года Бородину удалось завязать личные отношения с Сунь Ятсеном и укрепить связи между советским правительством и Гоминьданом, поскольку их общей задачей было освобождение Китая от гнета империалистических держав — Великобритании, Японии и Соединенных Штатов. Сунь Ятсен, вернувшись в Кантон, вновь возглавил национальное правительство, в планы которого входил военный

”северный поход”, его целью было объединение Китая и изгнание занимавших привилегированное положение иностранных пришельцев. Советский Союз начал поставлять Кантону боеприпасы — сначала в небольшом количестве, затем объемы поставок стали возрастать; советские военные советники помогли формировать Кантонскую армию, готовить кадры новой военной школы, укрепить с помощью Бородина недостаточно строгую организацию Гоминьдана. Коммунистическая партия Китая (КПК), основанная в 1921 году, насчитывала в это время не более тысячи членов; в основном это были интеллигенты-марксисты. Еще до приезда Бородина и, по-видимому, по инициативе Коминтерна было достигнуто соглашение о том, что члены КПК могут также быть и членами Гоминьдана. Это соглашение явно повторяло модель, по которой члены компартии Великобритании могли иметь двойной статус, одновременно считаясь членами лейбористской партии. Это было сделано с расчетом, что дисциплинированный и преданный Гоминьдан укрепит массовую и менее строго организованную КПК. Все эти мероприятия помогли замаскировать расхождения между марксистской доктриной и ”тремя народными принципами” Сунь Ятсена — ”национализм, демократизм и народное благоденствие”. Это было нетрудно, поскольку все остальное подчинялось идее национальной революции, направленной против империализма. И только когда Бородин стал настаивать на включении в программу Гоминьдана параграфа об экспроприации земельной собственности, Сунь Ятсен выступил категорически против, и Бородину пришлось уступить.

В конце 1924 года Сунь Ятсен отправился в путешествие в Японию и Северный Китай для оценки обстановки. В пути он заболел и 12 марта 1925 г. скончался в Пекине. Его преемником, скорее всего, должен был стать Ван Цзинвэй, умный, но слабохарактерный человек, который принадлежал к левому крылу Гоминьдана. Военные способности Чан Кайши и тот престиж, который он приобрел, побывав в Москве, позволили ему занять руководящее положение. Но в тот момент он не проявлял никаких политических амбиций и был занят созданием национальной армии, опираясь при этом на значительную поддержку Советов. В мае 1925 года в Шанхае произошло самое драматическое событие — муниципальная полиция по приказу англичан открыла стрельбу по демонстрации бастующих рабочих и студентов. Несколько человек было убито.

С этого события начались всеобщая забастовка и массовые беспорядки, которые продолжались на протяжении двух месяцев и перекинулись в Кантон. Впервые в Шанхае под руководством КПК была создана действенная профсоюзная организация; в течение нескольких недель состав КПК увеличился до 10 тысяч человек. Следствием этих первых проявлений рабочего движения протеста в Китае было обострение взаимоотношений между Великобританией и Советским Союзом, а также усиление правого крыла Гоминьдана, боровшегося за национальное освобождение и не приемлющего социальную революцию. Чан Кайши внимательно следил за событиями и ловко маневрировал между правыми и левыми.

Интерес Советов к Китаю не ограничивался проблемами национально-революционного движения. Территория Северного Китая непосредственно примыкала к границам Советского Союза. В августе 1923 года в Пекин приехал Карахан в качестве дипломатического представителя при китайском правительстве; в мае 1924 года он подписал договор об урегулировании советско-китайских отношений. Советское правительство уже отказалось от экстерриториальных прав и концессий, которыми Россия наряду с другими крупными державами ранее пользовалась в Китае. Камнем преткновения оставались Внешняя Монголия, на которую китайское правительство все еще предъявляло права, и Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), построенная силами русских и на пути во Владивосток пересекающая Маньчжурию. По заключительному соглашению Внешняя Монголия признавалась "неотъемлемой частью Китая", но для вывода советских войск и отзыва советской администрации не было указано точных сроков, и СССР твердо намеревался сохранять контроль над Монгольской Народной Республикой. КВЖД была отдана под управление совета, в состав которого входило по пять представителей с советской и китайской сторон; однако главный управляющий дороги назначался советским правительством, что в последующие годы послужило причиной множества трений. Советское правительство признавало несовместимость защиты своих интересов в Северном Китае и содействия делу революции на Юге. Некоторые круги Гоминьдана резко отрицательно отнеслись к соглашениям СССР с заклятыми врагами национального движения.

В китайском правительстве в Пекине, заключившем китайско-советское соглашение, большим влиянием пользовал-

ся У Пэйфу — военачальник, который в течение некоторого времени держал под контролем Центральный Китай и пользовался поддержкой англичан. Осенью 1924 года обострились отношения между У Пэйфу и Чжан Цзолинем — военачальником, протеже Японии, контролировавшим Маньчжурию.

Поражение У было ускорено предательством Фын Юйсяна, который контролировал обширные территории Северо-Западного Китая. До этого он подчинялся У Пэйфу, но теперь объявил о своих симпатиях к Гоминьдану и национальному правительству Кантона — вполне возможно, что такому изменению позиции способствовали субсидии и предложения о поддержке, идущие из Москвы. После поражения У Пэйфу Фын стремился установить контроль над Пекином и прилегающими провинциями. Но этим его амбициям не дал осуществиться Чжан Цзолинь, который в конце 1925 года вытеснил его из Пекина. С тех пор китайское правительство стало марионеткой Чжан Цзолия.

В этот момент в Китае были две основные военные группировки: Чжан Цзолия на Севере и быстро пополняющиеся националистически настроенные войска под командованием Чан Кайши на Юге. Большая часть Центрального Китая была наводнена остатками бывшей армии У Пэйфу. Именно в этих условиях в начале 1926 года Чан Кайши решил летом осуществить давно им задуманный "северный поход". Это не понравилось ни Бородину, ни советским советникам. Поход на Север уже давно обсуждался как конечная цель военных приготовлений и в принципе одобрялся. Но представленный в виде конкретного плана на ближайшее будущее, он вызывал опасения. Не было никакой уверенности в его успехе, более того, поход вполне мог спровоцировать интервенцию империалистических держав. В это время советское правительство было серьезно встревожено спорами с Чжан Цзолинем по поводу КВЖД, не хотело других осложнений и не обращало особенного внимания на происходящее в Кантоне. В январе 1926 года Бородин направился из Кантона в Пекин и в штаб-квартиру Фын Юйсяна; в отсутствие Бородина между Чан Кайши и советскими старшими военными советниками разгорелась ссора, поскольку они бесцеремонно выражали сомнения по поводу планируемого предприятия. 26 марта 1926 г. шумиха, раздутая вокруг инцидента с китайской канонеркой, капитаном которой был коммунист, дала Чан Кайши повод для того, чтобы заключить нескольких советских военных со-

ветников под домашний арест и арестовать китайских коммунистов, находящихся в рядах вооруженных сил. Советников тут же освободили; но Чан Кайши безапелляционно потребовал выдворения из страны тех, кто позволил себе оспаривать его авторитет. Когда в конце апреля Бородин вернулся в Кантон, мир уже был восстановлен и репутация спасена. Провинившихся советников отозвали. В Китай прибыл Блюхер (он же Галин) — офицер Красной Армии, который раньше служил в Китае и был для Чан Кайши persona grata. Он возглавил бо́льшую, чем прежде, группу советских военных советников. Теперь все были согласны с необходимостью "северного похода", и Блюхер со своими сотрудниками активно трудились над его планированием и организацией. Но соотношение сил изменилось. Чан Кайши прочно завладел командной позицией.

В начале июля 1926 года национальная армия численностью до 70 тысяч человек, сопровождаемая всем корпусом советских военных советников, выступила из Кантона на Север. Кампания имела блестящий успех. Армия Чан Кайши не только не встретила никакого сопротивления, но и получила серьезное подкрепление — к ней присоединились подразделения рассеянной армии У Пэйфу, а также группы вооруженных крестьян, которые жили грабежом помещичьих имений. Когда в начале сентября Чан Кайши вступал в Ханькоу, крупный промышленный город в Центральном Китае, бывший ранее столицей владений У, в армии насчитывалось уже 250 тысяч человек. Еще несколько недель спустя Чан Кайши двинулся на Восток, чтобы организовать в Наньчане свою штаб-квартиру — это был первый шаг на пути в Шанхай. В ноябре власти Гоминьдана вместе с Бородиным и его сотрудниками из Кантона переехали в Ханькоу, где с великим энтузиазмом было объявлено национально-революционное правительство. Город укрупнили, объединив с прилегающими промышленными центрами, и переименовали в Ухань. И в Москве, и в Ухане это был момент триумфа.

Однако победа сеяла семена тревоги. Пока революционное движение шло под национальными лозунгами и провозглашало своей целью освобождение от иностранного империализма, среди партнеров царил согласие. Но когда кто-то из "крестных отцов" движения заговорил об освобождении крестьян и рабочих от феодального и капиталистического гнета, в их взаимоотношения стало вкрадываться раздраже-

ние. Гоминьдан в основном был мелкобуржуазной организацией. Среди его членов было гораздо больше мелких землевладельцев, чем безземельных крестьян: многие офицеры национальной армии, по-видимому, были землевладельцами. Гоминьдан не имел особых связей ни с рабочими, ни с профсоюзным движением Шанхая, возникшим в связи с событиями 30 мая 1925 г. На сессии ИККИ, которая состоялась в Москве в ноябре 1926 года и приветствовала победу китайской революции, программа дальнейших действий была сформулирована нечетко. Сессия выражала надежду на то, что революция перейдет в следующую стадию, когда ее возглавит пролетариат; на ней говорилось о важности аграрной революции в Китае. И в то же время она призывала китайских коммунистов оставаться в рядах Гоминьдана и оказывать поддержку национальному движению. В КПК начались разброд и шатания. Но Бородин правильно истолковал мнение Москвы, когда стал настаивать на том, что КПК должна оказать Гоминьдану поддержку, даже если это заставит отложить решение проблем рабочих и крестьян до более удобного времени.

Кризис наступил, когда начался раскол в рядах самого Гоминьдана. Правительство Уханя, представленное левым крылом Гоминьдана и находящееся под сильным влиянием Бородина, продолжало оказывать поддержку национальной революции; что же касалось социальной революции, то дело ограничивалось только разговорами. В провинции Хунань, расположенной к югу от Уханя, назревали крестьянские волнения; именно в этот момент впервые выдвинулся Мао Цзедун как защитник интересов крестьянства. В Наньчане Чан Кайши и его генералы резко изменили позицию, примкнув к правым, и стали выражать открытую враждебность по отношению к коммунистам и к неуправляемой массе рабочих и крестьян, требования которых никак не соответствовали националистическим целям Чан Кайши. Такому развитию событий способствовало и изменение позиции правительства Великобритании, которое под сильным впечатлением от размаха и успехов национальных сил пришло к выводу, что гораздо мудрее договориться с ними, чем сражаться. Это открывало дорогу к соглашению о возвращении Китаю контроля над английскими концессиями в Ханькоу и Чунцине, после чего стали вероятными ослабление или отмена других унижительных условий, навязанных Китаю неравноправными договорами в прошлом. Чан Кайши, которому уже давно надоела советская

опека и который был теперь достаточно силен, чтобы освободиться из-под нее, увидел наконец блестящую возможность осуществить свои планы с благословения империалистов, чьи антипатии к коммунистам и к их программе социальной революции не уступали его собственным.

Подлинное значение всех этих перемен оценили не сразу. Шанхай в это время находился под контролем мелкого военачальника Сунь Чуаньфана, позиция которого была явно уязвимой. В феврале 1927 года шанхайские профсоюзы организовали рабочее восстание; при этом они рассчитывали на Чан Кайши, на которого до сих пор смотрели как на освободителя. Чан Кайши и пальцем не шевельнул, и Сунь Чуаньфан легко подавил восстание. Несколько недель спустя в жестокой битве у Шанхая Чан Кайши разбил войска Сунь Чуаньфана. Рабочие Шанхая воспрянули духом, создали органы местного самоуправления и готовили торжественную встречу национальным войскам. Когда Чан Кайши наконец прибыл в Шанхай, он совершенно ясно дал понять, что не одобряет всех этих действий. Был введен военный порядок, органы управления распущены. Затем 12 апреля по всему городу началось заранее организованное и одобренное Чан Кайши массовое избиение коммунистов и рабочих-активистов. КПК и профсоюзы были полностью разгромлены. Теперь не понять суть происходящего было невозможно: Чан Кайши поносили и в Ухане, и в Москве. Но протестами и осуждениями ничего нельзя было изменить — Чан Кайши командовал единственной действующей армией на территории Центрального и Южного Китая, и ему удалось завоевать симпатии и сочувствие иностранных держав.

Несколькими днями раньше советская политика и советский престиж в Китае понесли урон в результате еще одной крупной неприятности. По приказу Чжан Цзолина и при содействии дипломатического корпуса пекинское правительство организовало налет на советское посольство. Резиденцию посла не тронули, но прилегающие к ней здания были разгромлены, сотрудники арестованы, было захвачено множество документов. Китайских сотрудников посольства без промедления расстреляли, советских служащих в ожидании суда несколько месяцев держали в тюрьме. Как доказательство существования коммунистического заговора против установленного порядка на разных языках было опубликовано множество документов, подлинных и сфабрикованных. Про-

тесты Советов никто не слушал, и дипломатические отношения были прерваны. Эти события на месяц опередили разгром Аркоса в Лондоне и разрыв англо-советских отношений.

Летом 1927 года дела Советов в Китае были крайне плохи. В Ухане местный военачальник провозгласил свою независимость от Чан Кайши. Но он питал к социальной революции не больше симпатий, чем Чан, и организовал погромы крестьян в Чанше, столице Хунаня. Бородин и правительство Уханя рассчитывали на преданность Фын Юйсяна, который только что вернулся восторженным из Москвы после длительного визита. Но Фын Юйсян предпочел иметь дело с Чан Кайши, в результате чего уволил всех советников и запретил коммунистам служить в армии. В апреле — мае 1927 года КПК провела в Ухане съезд, на котором утверждалось, что в партии состоит 55 тысяч человек. Но бессилие партии было очевидным. Правительство Уханя понемногу разваливалось. Одной из его последних акций было требование отозвать Бородина. Он уехал из Китая в конце июля; уехали также последние военные советники и члены других советских миссий. Четыре года лихорадочных усилий, направляемых из Москвы, по-видимому, не оставили никакого следа. Были нанесены такие удары, от которых, по мнению даже самых оптимистично настроенных наблюдателей, оправиться было едва ли возможно. Эти годы весь Китай был охвачен революционными волнениями, но еще в течение долгого времени Чан Кайши успешно подавлял их своей железной пятой.

Время от времени обсуждались дерзкие планы распространить коммунистическую пропаганду и влияние на страны Тихоокеанского бассейна, причем считалось, что лучше всего для такой работы подходят моряки. Летом 1924 года в Кантоне состоялась конференция транспортных рабочих стран Тихоокеанского бассейна (на ней преобладали моряки, хотя были представлены и железнодорожники). Эту конференцию субсидировали, по-видимому, и коммунисты, и гоминьдановцы. На конференцию прибыло свыше 20 делегатов из Северного и Южного Китая, из Индонезии и Филиппин; японским делегатам приехать не удалось. Конференция направила приветствия Коминтерну и Профинтерну. Но ее платформа была, по-видимому, скорее антиимпериалистической, нежели чисто коммунистической. Далее никаких событий не происходило до самого лета 1927 года, когда в Ухане состоялась еще одна конференция трудящихся стран Тихоокеанского бассейна. На

этот раз приехал из Москвы председатель Профинтерна Лозовский, который мастерски руководил работой конференции. На ней присутствовали делегаты из СССР и Китая, из Японии, Индонезии и Кореи, а также из Великобритании, Франции и Соединенных Штатов; делегаты из Австралии и Индии приехать не сумели из-за запрета своих правительств. Конференция выразила поддержку китайской революции, потребовала предоставления независимости Корее, Формозе (Тайваню), Индонезии и Филиппинам и создала постоянный Пантихоокеанский секретариат, который в течение нескольких последующих лет вел довольно незаметное существование, имел несколько центров и выпускал периодическое издание "Пасифик уоркер".

Другие районы восточной части мира были в это время гораздо менее доступны для деятельности советского правительства и Коминтерна. Отношения СССР с Японией складывались так же, как и с другими капиталистическими странами. Когда Япония вывела свои войска из Сибири, самыми важными требованиями Советов были эвакуация японских войск с Северного Сахалина и официальное дипломатическое признание Советской России. Оба требования с некоторым запозданием были удовлетворены в договоре, подписанном в январе 1925 года. Но оставался ряд вопросов, постоянно вызывающих трения: вопрос о правах на рыбную ловлю, конкуренция между КВЖД, снабжавшей Владивосток, и японской Южно-Маньчжурской железной 'дорогой, снабжавшей контролируемый японцами порт Дайран (Далянь). Вера в революционные настроения японского пролетариата не оправдалась. Японская полиция знала свое дело и была безжалостна. Первая Коммунистическая партия Японии в начале 1924 года самораспустилась. В декабре 1926 года она была восстановлена, но как нелегальная организация. Некоторые профсоюзы присоединились к раскольнической федерации, имевшей связи с левыми коммунистами. Но эти усилия практически ничего не дали и только время от времени осложняли советско-японские отношения; в 1929 году партия еще раз была буквально сметена массовыми арестами.

Похвастаться особенно было нечем. Идея построения коммунизма в Индии успеха не имела, разве что у индийцев, живущих в Европе. Немногочисленная коммунистическая партия вела жалкое существование, ее постоянно преследовали британские власти. У партий рабочих и крестьян, созда-

ваемых при помощи коммунистов в провинциях, дела шли лучше. Требования Индийского национального конгресса предоставить Индии независимость или автономию получили широкую поддержку; все чаще раздавались протесты против запоздалых и половинчатых уступок, предлагаемых британским правительством.росло число забастовок, по-видимому, под влиянием коммунистической пропаганды. Но правительство вполне владело ситуацией. В Индонезии была создана небольшая по численности коммунистическая партия, усиленная популярной мусульманской националистической организацией и зарождающимся профсоюзным движением. В ноябре 1926 года, по-видимому, самостоятельно, без подсказки или помощи со стороны Коминтерна, компартия организовала массовое восстание, которое через несколько дней было подавлено. Начались казни и массовая высылка людей из страны, и компартия Индонезии прекратила свою деятельность на много лет. На Ближнем Востоке было еще меньше возможностей для действий советских дипломатов или для коммунистической инфильтрации. Отношения СССР с Турцией и Ираном основывались на противодействии влиянию в этих странах западных держав, в частности Великобритании, и расширении торговли. Время от времени возникали осложнения, поскольку Советы сотрудничали с режимами, жесточайшим образом подавляющими все левые движения, но эти неудобства никак не влияли на советскую политику. В Египте исподволь назревало национальное движение протеста против английского господства, но оно не имело никаких связей с СССР. Арабские страны, а также Палестина были все еще под жестким контролем Запада, и поэтому там не могло быть и речи о какой-либо деятельности Советов или коммунистов.

Начало планирования

В марксистском учении была прочно заложена идея о том, что на смену рыночной экономике капитализма должна прийти плановая экономика социализма, хотя ни Маркс, ни его последователи почти ничего не сделали, чтобы подробно разработать эту концепцию. Однако сама по себе идея планирования не была исключительно социалистической; она была естественной реакцией на экономику свободной конкуренции XIX века. Подспудная тема написанного в 1899 году знаменитого "меморандума Витте", адресованного царю, — необходимость планировать развитие русской экономики, хотя точного плана действий разработано не было. Большевикам в кризисах революции и гражданской войны было не до теории планирования. Но на Ленина, как и на многих других, произвело впечатление то, что немецкая военная экономика в значительной степени соответствовала модели централизованного контроля и планирования. И это было не случайно. Конечной ступенью, к которой приближался капитализм накануне войны по своим собственным внутренним законам развития, был монополистический капитализм. С точки зрения того, что Ленин называл "диалектикой истории", война ускоряла превращение монополистического капитализма в "государственный монополистический капитализм", что являлось "наиболее полной подготовкой к социализму". "Без крупных банков, — подчеркивал Ленин в сентябре 1917 года, — социализм был бы неосуществим". Применение немецкой модели развития к России выявило все сложности построения социализма в стране с отсталой экономикой. Хотя за последний период в России высокими темпами росла концентрация промышленности, что прямо или косвенно зависело от государства, промышленность все еще находилась на примитивной ступени организации и могла бы предложить тем, кто намеревался

планировать строительство социализма, весьма небольшой теоретический и практический багаж. Но сам принцип планирования не встречал сопротивления. Партийная программа, принятая в 1919 году, требовала для экономики "единого общего государственного плана". Начиная с этого момента в партийные и советские резолюции по экономическим вопросам регулярно включались призывы к созданию "единого экономического плана".

Однако на текущий момент планы, составляемые для отдельных отраслей экономики, были более многообещающими. Самым известным из них был труд Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО), заверченный в феврале 1920 года. Этот план особенно завораживал Ленина, который придумал афоризм: "Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны". Решение учредить Государственный плановый комитет (Госплан) было принято всего год спустя, накануне введения нэпа. Но в это время Ленин не проявлял особенного интереса к дискуссиям о едином плане, он отзывался о них как о "пустой болтовне и показухе". В то время как ГОЭЛРО сразу же принялась за осуществление практической задачи планирования и сооружения гидростанций, которые впоследствии внесли значительный вклад в процесс индустриализации, Госплан на протяжении многих лет ограничивался академическими упражнениями во всеобъемлющем планировании. Постоянно раздавались заявления о необходимости разработки единого экономического плана. Но партийные лидеры, повязанные необходимостью проведения нэпа и возрождения сельского хозяйства, оставались весьма пассивными. Начиная с 1920 года и далее самыми активными поборниками планирования были Троцкий и другие, кто выступал против официальной линии. Планирование рассматривалось главным образом как политика развития промышленности с отдаленными и неясными последствиями для сельского хозяйства, а его практическое применение означало все большее вторжение в рыночную экономику. В таких условиях дело продвигалось медленно. Для отдельных отраслей хозяйства, в том числе сельского, планы составлялись соответствующими ведомствами. Но они, в отличие от плана ГОЭЛРО, не пользовались популярностью. Кроме того, не делалось никаких попыток как-то скоординировать их. Летом 1924 года председатель Госплана пожаловался, что прошло уже три года с момента созда-

ния комитета, но "единый экономический план" все еще не разработан.

Вопрос о всестороннем планировании не был обойден вниманием критиков. Планирование обсуждалось в принципе, но его практические аспекты так и оставались неисследованными. Плановая экономика была новой и неизвестной концепцией, она отрицала традиционные правила рыночной экономики, используя неведомые ранее доводы. Адепты плана столкнулись с неоспоримыми аргументами из сокровищницы классической экономики. Промышленность СССР, в особенности тяжелая, была неэффективной и отличалась высокими издержками; сельское хозяйство с его неограниченными трудовыми ресурсами давало относительно дешевую продукцию. Максимальную отдачу от капиталовложений можно было получить в сельском хозяйстве, создавая излишки сельскохозяйственной продукции для экспорта и таким образом финансируя импорт промышленных товаров, в том числе средств производства, необходимых для развития промышленности. Даже в области промышленного производства в стране, подобной СССР, где капитал был незначительным, а неквалифицированная рабочая сила — в изобилии, логично было бы отдать предпочтение развитию отраслей промышленности, производящих товары широкого потребления и требующих больших затрат труда, а не производству средств производства, которое требовало значительных вложений. Но политика приоритетного развития сельского хозяйства и легкой промышленности, как бы созвучна она ни была традиционному экономическому анализу и принципам нэпа, полностью противоречила стремлениям сторонников плановой экономики ускорить превращение СССР в современную промышленную страну, не уступающую развитым странам Запада. Доводы этих людей были скорее политического свойства, нежели экономического, или, может быть, относились к новой и неизвестной области "экономики развития". Им изо всей силы настойчиво сопротивлялась, сознательно или несознательно, большая группа экономистов старой школы.

Меры по вмешательству государства в экономику, которые стали первыми шагами на пути всеобъемлющего планирования, были вызваны кризисом "ножниц" цен, разразившимся осенью 1923 года и обнажившим несовершенство нэпа. Огромные колебания цен нарушили нормальные отношения между городом и деревней; затормозилось развитие тяжелой про-

мышленности; неуклонно росла безработица. В конце 1923 года был введен контроль цен. В январе 1924 года партийная конференция, где раздавались призывы к возрождению металлургической промышленности, может быть, следуя подсознательному ходу мыслей, поручила Госплану "разработать генеральный перспективный план экономического развития СССР на несколько лет (пять или десять)".

Но сторонники планирования, хотя и получали поддержку со стороны ВСНХ, стоявшего на страже интересов промышленности, все еще сталкивались с мощной оппозицией со стороны Наркомзема и Наркомфина, которые бдительно следили за неприкосновенностью рыночной экономики и ортодоксальной точки зрения на финансирование; и только на следующий год дело удалось сдвинуть с мертвой точки. В августе 1925 года Госплан опубликовал контрольные цифры развития государственной экономики (главным образом предварительные подсчеты) на следующий год начиная с 1 октября 1925 г. Это были лишь самые общие цифры; вместе с объяснениями и комментариями брошюра составляла не более сотни страниц, они дышали полным решимости оптимизмом, который по-прежнему вдохновлял авторов. Контрольные цифры не были обязательными: экономическим отделам предприятий просто предлагалось учитывать их при составлении планов и программ. Скептики утверждали, что эти цифры абсолютно не соответствуют действительности. Народный комиссар финансов Сокольников назвал предложения увеличить эмиссию денег для финансирования этого плана "формулой инфляции"; Наркомзем критиковал чрезмерное внимание, уделяемое промышленности. Из всех партийных руководителей только Троцкий с энтузиазмом приветствовал "сухие статистические колонки" как "великолепную историческую музыку растущего социализма". Другие руководители отнеслись к ним в лучшем случае с вежливым безразличием. Неудачи хлебозаготовительной кампании 1925 года несколько умилили пыл составителей плана и отчасти свели на нет их работу.

В этих обстоятельствах было неудивительно, что на важнейшем, XIV съезде партии в декабре 1925 года, который закончился поражением Каменева и Зиновьева, контрольные цифры не обсуждались и о планировании почти не говорилось. Тем не менее этот съезд был поворотным. Существенно, что Сталин выступил с критикой Сокольникова как главного за-

щитника идеи аграрного развития страны, зависящей от ввоза промышленных товаров из-за границы. Сокрушив Зиновьева и Каменева, съезд приветствовал намерение Сталина постепенно отойти от крестьянской ориентации нэпа и его далеко идущие планы индустриализации. В резолюции съезда говорилось о необходимости "обеспечить за СССР экономическую самостоятельность...", для чего держать курс на развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования". Все это делало планирование обязательным и давало карты в руки Госплану и районным комиссиям по планированию, учрежденным во многих областях страны, что, однако, многие приверженцы нового курса еще до конца не осознали. До этого планы развития отдельных отраслей промышленности и сельского хозяйства составлялись различными соответствующими организациями без какой-либо попытки координации. Теперь планирование господствовало над всей экономикой в целом. Начался новый период.

Вопрос состоял не в том, нужна ли индустриализация, а в том, как ее осуществлять. До 1925 года промышленное производство крайне медленно выбиралось из пропасти, в которую его затащили революция и гражданская война, оно постепенно приближалось к дореволюционному уровню. До этого момента целью было восстановление утерянного или разрушенного. По сравнению с 1914 годом разрыв между СССР и капиталистическими странами, достигшими значительного технического прогресса, весьма увеличился. Советам было крайне нужно новое техническое оснащение как для строительства, так и для промышленности. Теперь, когда можно было двигаться дальше, следовало принять крупномасштабные решения, основанные на общем плане развития всей экономики страны.

На протяжении последних двух лет авторитет и престиж Сталина неуклонно возрастали. В марте 1926 года на I Всесоюзном съезде плановых работников были сформулированы три направления деятельности Госплана: генеральный долгосрочный план, перспективный пятилетний план и ежегодные текущие планы. Месяц спустя Центральный Комитет принял резолюцию по индустриализации, в которой потребовал "укрепления принципа планирования и введения плановой дисциплины". Генеральный план оказался весьма неудачным. Он так и не был завершен, хотя на протяжении некоторого

времени мысли о долгосрочных изменениях в экономике еще занимали умы. Но идея пятилетнего плана пришлась сторонникам планирования по душе, она питала их честолюбие и побуждала строить смутные и отдаленные прожекты на необозримое будущее. С другой стороны, было гораздо легче выдавать оптимистические цифры, реализация которых ожидалась лишь через пять лет, чем ограничиваться конкретными рамками одного года. Госплан и ВСНХ создавали альтернативные планы, противоречащие друг другу в прогнозах дальнейшего промышленного развития и служившие причиной многочисленных споров. Контрольные цифры на 1926–1927 годы были гораздо полнее, чем в 1925 году, и свидетельствовали о некоторой осторожности. Однако интересы Госплана переместились в сферу разработки пятилетнего плана, что сулило гораздо больший успех; установился порядок, согласно которому контрольные цифры должны быть привязаны к этому гипотетическому плану. Было дано распоряжение разрабатывать рабочие планы (их называли производственно-финансовыми) для различных отраслей промышленности на основе контрольных цифр. Постепенно складывалась структура планирования.

В этот момент в Госплане проявились резкие разногласия между двумя группировками, именуемыми "генетической" и "телеологической" школами. Интересно, что к первой в основном принадлежали беспартийные экономисты, многие из них — бывшие меньшевики, ныне служащие Госплана, а ко второй — члены партии и те экономисты, которые чутко реагировали на изменения партийной линии. "Генетики" считали, что плановые цифры должны основываться на "объективных тенденциях" экономической ситуации. "Телеологи" утверждали, что решающий фактор в планировании — цель, которая ставится, и что одна из задач планирования — изменение экономической ситуации и ее тенденций. Основой плана, по их мнению, были директивы, а не прогнозы. Такой подход переводил планирование из экономической плоскости в политическую. Разумеется, во всех видах планирования присутствовали оба аспекта, и принятие решений зависело от достижения какого-то компромисса между ними. На деле "телеологи" склонны были отрицать законы рыночной экономики и уверяли, что их можно преодолеть, принимая практические меры, а это означало, что они обращали гораздо меньше внимания на политику уступок крестьянству. Такая позиция

была прямым вызовом нэпу, хотя это признавалось крайне редко. В дальнейшем суть "телеологического" подхода сводилась к укреплению веры в то, что при достаточной решимости и энтузиазме никакие плановые задания не окажутся недостижимыми. Эти настроения господствовали при подготовке окончательного варианта первого пятилетнего плана.

Отождествление планирования с индустриализацией было явным с самого начала. Подспудным мотивом и движущей силой планирования было стремление развить советскую промышленность, догнать Запад, сделать Советский Союз экономически независимой страной, которая могла бы на равных противостоять капиталистическому миру. Предстояло создать промышленность, не уступающую промышленности Запада. На XIV съезде партии в декабре 1925 года был безоговорочно принят принцип приоритета производства средств производства над производством потребительских товаров. Это означало необходимость крупных капиталовложений в тяжелую промышленность, что не сулило немедленных выгод потребителю. Чтобы создать резервы для капиталовложений внутри самой промышленности, был введен режим экономии на себестоимость продукции, что осуществлялось в рамках планирования. Однако поскольку другие возможности снижения себестоимости были ограничены, режим экономии тяжелее всего сказался на рабочих; производительность труда следовало повышать, в противном случае заработная плата могла понизиться. В то же время делались настойчивые попытки снизить розничные цены с помощью декретов. Но это привело к росту нехватки товаров по государственным ценам, и потребитель, особенно в сельской местности, оказался предоставленным на милость частного торговца, который при нэпе все еще процветал. Тяжести и неудобства, связанные с планированием в промышленности, постепенно становились очевидными.

Вначале никто особо не уделял этим проблемам внимания. Стоимость индустриализации еще не была полностью подсчитана. В июле 1926 года, в самый разгар споров относительно масштабов капиталовложений в промышленность, умер Дзержинский, бывший председатель ВСНХ; его преемник Куйбышев оказался пламенным защитником того, что впоследствии получило название "форсированной индустриализации". Подобные настроения пока сдерживались тем, что объединенная оппозиция Троцкого и Зиновьева постоянно настаивала на ускорении темпов индустриализации: как раз в это время

оба они были осуждены Сталиным и Бухариным как "сверхиндустриализаторы". Во второй половине 1926 года два лагеря разделяли не столько разногласия во взглядах на то, насколько желанной является индустриализация и насколько быстрыми темпами ее следует развивать, сколько оптимистическая уверенность большинства, не разделяемая оппозицией, в том, что этих целей можно добиться без особого напряжения сил, в частности крестьянского сектора. Критические выступления оппозиции приглушались обвинениями в неверии в советскую власть или в мощь рабочего класса. Именно тогда были одобрены два крупнейших проекта: Днепрострой — сооружение громадной плотины на Днестре и Турксиб — строительство железной дороги, которая должна была соединить Среднюю Азию и Сибирь (см. с. 158, 160).

Оптимизм последних месяцев 1926 года сменился серьезным беспокойством, когда следующей весной и летом враждебность Запада могла разразиться блокадой СССР или войной. Но это изменение в настроениях вовсе не затормозило процесса индустриализации. Напротив, решимость сделать Советский Союз независимым государством, способным противостоять враждебному капиталистическому миру, укрепилась. Один за другим подготавливались и распространялись проекты планов, и голоса тех, кто протестовал против не реальности осуществления поставленных целей, потонули в хоре призывающих к более энергичным действиям. За "режимом экономии" последовала кампания за "рационализацию производства" — этим термином охватывался целый ряд мер давления на рабочих и мастеров, чтобы увеличить производительность и снизить себестоимость труда. Рационализация в ее различных формах могла увеличить производительность труда, то есть выпуск продукции на одного рабочего. Это осуществлялось за счет ужесточения организации труда как в управлении, так и в цехах, концентрации производства в наиболее эффективных подразделениях, стандартизации продукции и сокращения ее ассортимента. Этого можно было добиться при более действенном и экономичном использовании существующих заводов и техники. Кроме всего прочего, этого можно было добиться путем модернизации и механизации процесса производства, в чем СССР весьма сильно отставал от крупных промышленных государств. Начиная с 1926 года все эти методы рационализации применялись весьма широко и привели к некоторому снижению себестоимости продукции.

Но в стране, подобной СССР, с ограниченными денежными ресурсами возможности снижения себестоимости были весьма ограниченными. В частности, механизация промышленности — самый главный источник ее рационализации — в этот период зависела в основном от импорта техники, а также и весьма часто от наличия в составе персонала иностранных специалистов, которые обучали советских рабочих, как пользоваться этой техникой.

Все эти условия означали, что в СССР производительность труда зависела от физической силы рабочих гораздо больше, чем на Западе. Производительность труда приходилось поднимать главным образом за счет более тяжелого физического труда, большей отдачи каждого рабочего и более жесткой дисциплины. И чтобы добиться результатов, применялись любые формы убеждения и принуждения.

Планирование с вытекающими из него последствиями в других отраслях экономики также внушало тревогу и принималось с крайней неохотой. На протяжении 1927 года еще оставался в силе культ крестьянина, за который так ратовал Бухарин; влияние Наркомзема, хотя уже ослабло, все еще тормозило сторонников планирования. Наркомфин по-прежнему встречал в штыки идею о предоставлении неограниченных кредитов для расширения индустриализации и вел ожесточенную битву против "диктатуры промышленности", отстаивая свою позицию, именуемую ее противниками "финансовой диктатурой". Соответственно был поднят вопрос о финансовом контроле, осуществляемом через регулирование объема кредитных ресурсов и денежного обращения в противовес *физическому* контролю, проводимому через государственные директивы, например, в отраслях тяжелой промышленности, работавших непосредственно по государственным заказам, и во внешней торговле.

Даже сами сторонники планирования очень постепенно шли к признанию несостоятельности финансовых инструментов контроля, которые были заменены прямым физическим контролем. Эти противоречия в конце концов сказались на отношении к рыночной экономике — фундаменту нэпа. Вначале предполагалось, что планирование будет осуществляться в рамках рыночной экономики. Постепенно и весьма болезненно стала проявляться несовместимость планирования и индустриализации, с одной стороны, нэпа и рыночной экономики — с другой.

Поражение оппозиции

В промежуток между XIV съездом партии (декабрь 1925 г.) и состоявшимся два года спустя XV съездом, после которого началась новая эра всеобъемлющего планирования, были сделаны первые шаги по реализации программы интенсивной индустриализации, нарастал сельскохозяйственный кризис и достиг кульминации острый внутрипартийный конфликт, когда Троцкий так темпераментно и так неудачно бросил обвинение Сталину в том, что он постепенно завладевает монополией на власть. Когда триумvirат распался и на XIV съезде Сталин одержал верх над своими соперниками, Троцкий надменно молчал — ведь в прошлом и Зиновьев, и Каменев не уступали Сталину, а иногда и превосходили его в жестокости нападок на Троцкого. Но когда Зиновьев и Каменев выступили за индустриализацию против крестьянской ориентации Сталина и Бухарина, когда более открыто проявились личные амбиции Сталина, принявшие даже угрожающий характер, далее соблюдать нейтралитет было уже невозможно. Летом 1926 года Троцкий, Зиновьев и Каменев, а также их сторонники как объединенная оппозиция вместе выступили на июльском пленуме Центрального Комитета партии. Последующие события показали, насколько Сталин уже контролировал партийный аппарат. С Троцким вначале поступили очень осторожно, но Зиновьев лишился поста в Политбюро, а Каменев — своих государственных постов. Объединенная оппозиция вызвала значительное сочувствие в партийных рядах. Но среди ее активных сторонников насчитывалось всего несколько тысяч человек, и они под тем или иным предлогом постоянно подвергались гонениям властей.

К тому же в оппозиции не было внутреннего единства и взаимного доверия, у нее не было четкой позитивной программы, она лишь громко обличала партийных руководителей.

То, что Троцкий, Зиновьев и Каменев публично отказались от взаимных обвинений, которыми осыпали друг друга в течение трех предыдущих лет, вызывало насмешки. Нерешительность Зиновьева, его склонность к компромиссам не нравились Троцкому, который, отбросив прошлые антипатии, призывал к твердому союзу против Сталина. Едва только сформировалась объединенная оппозиция, как по неудачному стечению обстоятельств "Нью-Йорк таймс" впервые опубликовала текст "завещания" Ленина. Хотя Троцкий был, конечно, непричастен к этой публикации, не без основания высказывалось предположение, что об этом документе стало известно от него или из кругов, близких к нему. Отношения между двумя соперниками накалились до предела. На пленуме Политбюро, проходившем весьма бурно, Троцкий заклеил Сталина как "могильщика революции", и Центральный Комитет партии в связи с растущим накалом страстей исключил Троцкого из состава Политбюро. На партийной конференции в октябре 1926 года и месяцем спустя на сессии ИККИ Сталин обрушился на Троцкого, не стесняясь в выражениях; он мстительно напомнил Троцкому его флирт с меньшевиками до мировой войны, а также его обмен бесцеремонными репликами с Лениным. Оппозицию осудили не только за *фракционность* — грех, осужденный еще на съезде партии в 1921 году, — но и за "социал-демократический уклон". Сталин, однако, все еще выжидал и не доводил дела до крайности.

Весной 1927 года события в Китае побудили Троцкого вновь заявить протест; в мае оппозиция выступила с документом, в основном подготовленным Троцким и ставшим известным из-за количества подписей под ним как "заявление 83-х", в котором впервые максимально полно были изложены его взгляды. Помимо экскурса в иностранные дела, заявление осуждало проводимую партией аграрную политику за пренебрежение интересами бедного крестьянства в интересах кулака. В общем, заявление обвиняло партийных руководителей в подмене "марксистского анализа реальной ситуации пролетарской диктатуры в СССР... мелкобуржуазной теорией построения социализма в одной стране", а также в поощрении "правых, непролетарских и антипролетарских элементов" внутри партии и вне ее. Заявление требовало полной гласности для оппозиции. Поскольку "заявление 83-х" появилось в момент, когда партийные руководители были ошарашены выходкой Чан Кайши в Китае и разрывом отношений с Велико-

британией, оно нанесло сильнейший удар. Через месяц под каким-то незначительным предлогом Троцкого и Зиновьева пригласили на заседание Центральной контрольной комиссии ВКП(б), органа, на который была возложена обязанность поддерживать партийную дисциплину, и пригрозили исключением из партии. После гневной перепалки вопрос перенесли на рассмотрение в Центральный Комитет, где сражение продолжилось. И Сталин, и Троцкий не один раз брали слово. Единственной новой черточкой в этой дискуссии было то, что Троцкому было предъявлено обвинение в нелояльности по отношению к советскому государству, которая была на руку врагам революции. Троцкого теперь заклеили не только как еретика, но и как предателя ("объединенный фронт от Чемберлена до Троцкого"). В конце концов оппозицию заставили подписать заявление, подтверждающее ее безоговорочную преданность идее защиты национальных интересов СССР и выражающее отказ от намерения расколоть коммунистическую партию или основать новую партию. На этих условиях предложение об исключении из партии Троцкого и Зиновьева было отложено.

Однако эта передышка вовсе не означала прекращения травли оппозиции. Борьба против Троцкого послужила поводом для применения и совершенствования множества из тех инструментов контроля, которые были столь типичны для диктатуры Сталина. Как только началась атака на Троцкого — это было в конце 1924 года, — доступ оппозиции к прессе был резко ограничен. Когда в январе 1926 года "Ленинградская правда" Зиновьева перешла в другие руки, ему фактически заткнули рот. Теперь же запрет стал полным. Статьи о китайском кризисе, которые в апреле 1927 года Троцкий представил в редакции газеты "Правда" и журнала "Большевик", не были приняты. На протяжении целого лета в газетных статьях появлялись все более резкие нападки на него и его сторонников, но опубликовать ответ им не давали возможности. На заседания оппозиции врывались хулиганы и мешали их проводить. Оппозиция представила в Центральный Комитет партии подробную платформу с изложением своих взглядов, которую опять-таки в основном составил Троцкий, и потребовала, чтобы эта платформа была напечатана и распространена во время подготовки к съезду партии, который должен был состояться в декабре 1927 года. В этом ей было отказано. Оппозиция пыталась отпечатать ее нелегально. 12 сентября ОГПУ

На Невском проспекте накануне выборов в Учредительное собрание
Петроград, июнь 1917 г.

Молебен у Никольских ворот в знак протеста
против разгона Учредительного собрания
Москва, 1917 г.

Снятие памятника Александру III на площади у храма Христа Спасителя
Москва, 1918 г.

Колонна демонстрантов на Никольской улице во время празднования
I годовщины Великой Октябрьской социалистической революции
Москва, 1918 г.

Арест за антисоветскую пропаганду
Москва, 1917 г.

Красноармейский субботник. Разборка (имоновского монастыря
Москва, 1923 г.

Заседание комитета бедноты Гжатского уезда Смоленской губернии
1918 г.

Отъезд продовольственного отряда в деревню
Москва, 1919 г.

Доставка зерна по продналогу на станцию Макушкино
1918 г.

Беженцы на станции Желобовка
Украина, 1919—1920 гг.

Голод в Поволжье. На сборном пункте
1921 г.

Голод в Поволжье. На кладбище умерших от голода
Бузулук, 1921 г.

Демонстрация детей Якиманского района Москвы
1 мая 1918 г.

Беспризорные на рынке
Москва, 1922 г.

Вспашка земли деревянным плугом
20-е годы

Крестьянский двор
20-е годы

Сухаревский рынок
Москва, 1920 г.

Смоленский рынок. Торговля с рук
Москва, 1920 г.

У входа в
кооперативный магазин
Астрахань, 20-е годы

Бойкот
частного ларька
20-е годы

Раздача бесплатных обедов в детской столовой
Петроград, 1920 г.

В день Коммунистического субботника
на Александровской железной дороге
Москва, 1 мая 1920 г.

Всесоюзная спартакиада. У Мавзолея В. И. Ленина принимают парад (в первом ряду слева направо): Л. М. Карахан (первый), Е. М. Ярославский (третий), А. С. Енукидзе (четвертый), В. М. Михайлов (пятый)
Москва, 1928 г.

Погрузка зерна на баржу на Нижней Волге
Сталинград, 1929 г.

Комсомольцы агитируют крестьянина-единоличника за вступление в колхоз
1929 г.

Крестьянин Сомов первым записался в колхоз и в безбожники
30-е годы

Выселение кулака Юрченко в селе Мальчевцы
Одесская обл., 30-е годы

Женщины-трактористки
1929 г.

Сотрудники агитпоезда
имени В. И. Ленина
1920 г.

На агитпункте
1929 г.

обнаружило подпольную типографию и арестовало всех, имеющих отношение к печатанию этого документа. 14 человек были исключены из партии; Преображенский, который признал свое участие в этом деле, также был исключен. Этот случай запомнился надолго, поскольку впервые полицейская власть ОГПУ была использована для того, чтобы унять разногласия в партии.

С этого момента события стали неумолимо катиться к своему логическому завершению. Были организованы массовые митинги, на которых осуждалась оппозиция и высказывались требования исключить ее руководителей из партии. Хорошо известные сторонники оппозиции были удалены с арены действий — они получили назначения либо в удаленные районы СССР, либо на дипломатические посты за рубежом. 29 сентября на сессии президиума ИККИ Троцкий произнес двухчасовую речь, клеймя политику Сталина. После этого его исключили из состава ИККИ лишь при двух воздержавшихся. То же самое повторилось месяц спустя, на пленуме Центрального Комитета партии, в очень тяжелой атмосфере. Сталин лично предложил вывести Троцкого и Зиновьева из состава ЦК партии; это предложение было принято, по-видимому, без голосования. 7 ноября, во время празднования 10-й годовщины революции, в то время, когда Троцкий и другие руководители оппозиции ехали по улицам города, московская милиция преследовала их, у них отняли плакаты с лозунгами оппозиции. То же самое случилось с Зиновьевым в Ленинграде. Появление лидеров оппозиции на публике расценивалось как враждебная демонстрация. Через неделю решением ЦК Троцкого и Зиновьева исключили из партии, Каменева и нескольких других вывели из состава ЦК ВКП(б).

Когда после этих событий в декабре 1927 года собрался XV съезд партии, Троцкого и Зиновьева там не было, и обстановка оставалась спокойной. Из состава Центрального Комитета были выведены 12 членов оппозиции, Каменева и Раковского, которые были основными докладчиками от оппозиции, постоянно перебивали; они усугубили свое положение тем, что предпринимали закулисные попытки найти общий язык с другими партийными руководителями, но эти примиренческие маневры были с презрением отвергнуты. Съезд исключил из партии 75 "активных членов троцкистской оппозиции" и 15 других несогласных с линией партии. Место Троцкого и Зиновьева в Политбюро заняли Куйбышев и Рудзутак, оба —

ставленники официального курса. Но Троцкого, хотя и исключенного из партии, не удалось заставить замолчать, и он все еще был опасен. Политбюро приняло решение удалить из Москвы Троцкого и около 30 его ближайших сторонников. Большинство из них были назначены на незначительные должности в городах Сибири и Средней Азии. Троцкий отказался от такого назначения, и тогда его принудительно выслали из Москвы по статье уголовного кодекса о контрреволюционной деятельности. В виде исключения Зиновьев и Каменев, поскольку было решено, что они не представляют опасности, были высланы в Калугу, расположенную в нескольких сотнях километров от Москвы, и даже этот приговор соблюдался нестрого. Троцкий же был сослан в удаленный район Средней Азии, где не было железной дороги, — в город Алма-Ату. Там он оставался еще в течение года до высылки из СССР и изредка вел многословную переписку с членами оппозиции, разбросанными по всей Сибири, время от времени тайно получая известия от своих сторонников, все еще пребывавших на свободе в Москве, и обрушивая на власти потоки протестов как политического, так и личного характера.

Поражение объединенной оппозиции и изгнание из партии единственной личности, которая по своим масштабам могла противостоять Сталину, были исторической вехой. Когда в 1921 году X съезд партии запретил "фракционность" и распространение взглядов, отличных от линии партии, это было сделано с целью сохранить единство партии и преданность ее членов. Несогласие с линией партии влекло за собой применение партийных санкций, но не рассматривалось как неloyальность по отношению к государству. Представители государственных учреждений — члены партии были обязаны следовать партийной линии и выражать единое с ней мнение. Но это не распространялось на тех, кто не состоял в партии. К 1927 году различие между партией и государством постепенно стерлось. Экономические и политические кризисы усилили потребность в твердой и безраздельной власти. "Величайшая историческая задача строительства социалистического общества, — говорилось в резолюции, принятой на партийной конференции в октябре 1926 года, — властно требует сосредоточения всех сил партии, государства и рабочего класса на вопросах хозяйственной политики". Декреты теперь выпускались иногда совместно, от имени Центрального Комитета партии и от Центрального Исполнительного Комитета съезда Советов.

Власть государства использовалась и для того, чтобы навязывать партийные решения и призвать к дисциплине членов партии. Высшая власть в партии и государстве была сосредоточена в одном органе — в Политбюро, и эта власть была абсолютной. Примечательно, что по отношению к оппозиции, возглавляемой Троцким, в последний раз официально применялось слово "оппозиция"; такое обыденное в практике западной демократии, оно подразумевало противостояние правящей партии, что было в СССР несовместимо с сохранением лояльности по отношению к государству. На следующем этапе несогласие расценивалось уже как "уклон" — это был язык не политических разногласий, но ереси, противоречащей доктрине. В конце концов группировки несогласных с линией партии стали просто именовать "антипартийными"; враждебность по отношению к партии безоговорочно отождествлялась с враждебностью по отношению к государству.

Уничтожение официальной оппозиции было частью процесса концентрации и укрепления объединенной власти партии и государства и превращения ее в абсолютную. Результаты часто были непредсказуемы, но тем не менее неоспоримы. То же самое происходило и в других сферах жизни. Ограниченная свобода, которой пользовалась пресса для выражения независимой точки зрения на некоторые второстепенные проблемы (иногда эти публикации сопровождались соответствующим комментарием редакций), теперь была полностью сведена на нет, и молчаливый контроль осуществлялся не прямой цензурой, а изменением состава редакций и заменой главных редакторов. В первые годы после революции в России были популярны самые различные литературные школы: авангардистские, формалистские, пролетарские. Постановление Центрального Комитета партии, принятое в 1925 году, которое, очевидно, было подготовлено или по крайней мере задумано Бухариным, выражало готовность проявлять терпимость ко всем этим разнообразным литературным течениям, поскольку ни одно из них не было направлено против существующего режима, и не делало между ними никакого различия. Одна из этих литературных организаций именовалась Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), которую подмывал под себя некто Авербах, тщеславный политик от литературы, у которого были надежные связи в партии; начиная с 1926 года он начал проводить под знаменем "культурной революции" кампанию, целью которой было взять в руки РАПП контроль

над всей литературной продукцией и помешать появлению публикаций других школ. И только в конце декабря 1928 года после длительного сопротивления Центральный Комитет партии принял резолюцию, по которой все публикации должны были находиться под контролем партии и государства, что на практике осуществлялось через РАПП. Похоже, что так далеко зайти Центральный Комитет не собирался и даже не хотел, и меньше всего об этом думал Сталин. Но рыба гниет с головы. На более низких уровнях власти мелкие диктаторы уничтожали своих соперников, осыпая лестью вышестоящих начальников и перенимая их методы.

Стремление к усилению и централизации власти было особенно заметным в сфере юриспруденции. С самого начала предусматривалась автономия в отправлении закона в отдельных республиках, входящих в состав СССР, где были свои собственные суды и свои собственные народные комиссариаты юстиции. Но по Конституции Советского Союза, принятой в 1923 году, предусматривалось учреждение Верховного суда СССР, полномочного решать вопросы юриспруденции, представляемые на рассмотрение Верховными судами отдельных республик. Президиум ЦИК назначил прокурора, в чьи функции входило осуществлять надзор за исполнением закона по всей территории СССР. Согласно конституции, было учреждено также Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) — наследник чека, как в обыденной речи еще часто называют ОГПУ, — для контроля за работой ГПУ республик, которые теперь превратились в местные отделения могущественного центрального органа. Хотя в каждой республике имелся свой уголовный кодекс (кодекс РСФСР послужил образцом для создания всех остальных), в 1924 году в СССР были опубликованы Основы уголовного законодательства; этот свод законов претендовал на право исключительной компетенции в вопросах "государственных преступлений" в СССР, которые иногда именовались "контрреволюционными преступлениями", а также в вопросах преступлений, направленных на "подрыв существующего порядка". Республики получили указание привести свои уголовные кодексы в соответствие с "Основами". Эта задача выполнялась с явным нежеланием. В РСФСР она была решена только в середине 1927 года, а в других республиках — несколько позднее.

Централизация власти сопровождалась постепенным изменением отношения к закону. От марксистской концепции закона как инструмента классового управления, главным образом нацеленного на разрушение государства и до достижения этой цели предназначенного для бдительной охраны и защиты интересов рабочих и крестьян, молчаливо отказались. Рыночные отношения нэпа требовали развития и строгого применения гражданского права. Основной целью стало поддержание законности и порядка — так называемой "революционной законности". Если вначале в области уголовной практики упор делался скорее на исправительные меры, нежели на карательные, то сейчас дело уже обстояло иначе. Эти изменения отражали растущее напряжение в экономике и политике. Такие факты, как убийство советского представителя в Варшаве в июне 1927 года или взрыв бомбы в Ленинграде несколько дней спустя, вызвали бурную реакцию протеста против монархистов, провокаторов и агентов иностранных держав; требования "мер социальной защиты", как их официально называли, автоматически усилили власть и престиж ОГПУ. 10-я годовщина создания ВЧК торжественно отмечалась в декабре 1927 года, несколько недель спустя после 10-й годовщины революции. В марте 1928 года была выпущена инструкция "О практике применения уголовного законодательства и режиме в местах заключения", которая открыла возможности для расширения сети "концентрационных лагерей" для политических заключенных, находящихся в ведении ОГПУ, до этого их было немного. Инструкция предписывала жесточайшие репрессивные меры для "несогласных с политикой, проводимой партией, профессиональных преступников и рецидивистов". 1928 год после разгрома оппозиции был отмечен множеством событий: нарастали трудности, связанные с индустриализацией, все советское общество оказалось под властью мощной деспотии, насаждалась ортодоксальность взглядов, и возросла суровость наказания тех, кто не разделял их.

Сельское хозяйство: перед выбором

Печальный опыт хлебозаготовок 1925 года наглядно показал, что задачей планирования сельскохозяйственной политики должно стать не только увеличение объема продукции, но и ее доставка на рынок; он также свидетельствовал о зловещей мощи зажиточного крестьянина и кулака. Однако рыночный кризис был преодолен, и оптимизм опять восторжествовал. Надежды на лучшее подкреплялись рекордным урожаем 1926 года. После того как он был собран, многие крестьяне оказались владельцами крупных излишков и потенциальными продавцами зерна. Прошлогодня тяжелая ситуация на рынке не повторилась, и цены были умеренными. Одной из особенностей хлебозаготовки было усиление роли сельскохозяйственных торговых кооперативов, которые, хотя финансировались и контролировались государством, оказались более популярными и более эффективными, чем государственные закупочные организации. Успешное завершение закупок зерна немало способствовало поражению оппозиции на партийной конференции в октябре 1926 года: кризиса, предсказываемого оппозицией, не произошло. Успех вдохновил партийных лидеров на развертывание программ индустриализации, и они пренебрегли ее будущими последствиями для крестьянского рынка.

В 1927 году кризис во внешних делах СССР, а также первый взрыв увлеченности планированием отвлекли внимание от аграрных проблем. Урожай, хотя и менее обильный, чем в 1926 году, был вполне удовлетворительным, и предполагалось, что хлебозаготовка, как и в прошлом году, пройдет спокойно. Эта уверенность была совершенно неоправданной. По сравнению с предыдущим годом настроения изменились. Тревожная международная ситуация, разговоры о войне, об оккупации — все это беспокоило теперь и деревню. После

двух урожайных лет крестьянин впервые с начала революции наконец почувствовал себя уверенно. У зажиточного крестьянина были запасы и зерна, и денег. Промышленные товары, которые ему могли бы понадобиться, купить было почти невозможно. Деньги опять обесценились инфляцией; в такой неопределенной и тревожной ситуации зерно оказывалось самой надежной валютой. Крестьянам, имевшим большие запасы зерна, не было никакого смысла отправлять их на рынок. Поэтому осенью 1927 года зерна сдали государству чуть не вполтину меньше, чем в 1926 году. Но, помимо того что сам крестьянин вел себя настороженно, опасности поджидали и с другой стороны. Объединенная оппозиция начиная с момента своего образования в октябре 1926 года обрушивалась с критикой на терпимость, проявляемую по отношению к кулаку. То, что произошло осенью 1927 года, хотя, кажется, ни одна сторона не поняла вначале этого, было объявлением войны между властями и зажиточным крестьянством, у которого в деревне были большие запасы зерна.

На XV съезде партии в 1927 году царила атмосфера притворного благополучия. В разгар борьбы с оппозицией было совершенно несвоевременным признать, что страну сотрясает жесточайший кризис. Молотов сожалел, что "преимущество более крупного производства лежит фактически на стороне зажиточного мужика и кулака". Но Сталин коротко заметил: "Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения объединить в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли". В резолюции съезда, хотя и было сказано, что в "настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне", уточнялось, что этого можно добиться "только при согласии со стороны трудящихся крестьян". На съезде было много жестких высказываний в адрес кулака. Но резолюция всего лишь рекомендовала ввести более высокий прогрессивный налог для зажиточных крестьян. Не предполагалось никаких чрезвычайных мер. Но не успел закончиться съезд, как целый ряд декретов и заявлений о намеченных чрезвычайных мерах провозгласил, что поставкам продовольствия в город и на заводы грозит смер-

тельная опасность. Были предприняты — правда, слишком поздно — шаги, чтобы ускорить снабжение сельского рынка текстильными изделиями. Ведущие члены партии отправлялись в командировки в основные районы — производители зерна, чтобы заставить местное население сдавать зерно государству и контролировать этот процесс. Сталин три недели провел в крупных районных центрах Западной Сибири, где, как предполагалось, были большие запасы зерна.

Широко практиковались так называемые *чрезвычайные меры*. Стала применяться статья уголовного кодекса, по которой сокрытие зерна каралось его конфискацией. Пропаганда, уговоры перемешались с прямым принуждением. Положение было отчаянным. Тех, у кого было зерно, любой ценой заставляли сдавать его на приемные пункты; пришлось признать, что упорно скрывают зерно не только кулаки, но и многие середняки, которых тоже принуждали отдавать свои запасы. Все это ненамного отличалось от повсеместных реквизиций эпохи военного коммунизма. За период с января по март 1928 года было изъято большое количество зерна, а в марте Рыков заявил, что хлебозаготовительный кризис "снят с повестки дня". Правительство выиграло битву, но в таких условиях, которые свидетельствовали, что война будет продолжаться и схватки будут чрезвычайно острыми. С одной стороны, с зажиточными крестьянами обращались бесцеремонно, иногда даже жестоко. С другой стороны, в городах появились очереди за хлебом, а небольшие запасы валюты, необходимой для финансирования индустриализации, приходилось тратить на закупки зерна за рубежом, чтобы возместить его нехватку. Трудно было сказать, кто именно пострадает от недостатка зерна.

Жестокость чрезвычайных мер потрясла и расколола партийные ряды. У многих рабочих еще сохранялись тесные связи с деревней, и они хорошо знали, что там происходит. Недовольство распространилось на Красную Армию, состоявшую в основном из крестьян. Первым из партийных руководителей, кто выразил беспокойство, был, по-видимому, Рыков; к нему вскоре присоединились Бухарин, который на протяжении всего периода нэпа был главным сторонником уступок крестьянству, а также Томский, озабоченный тем, что индустриализация давит на рабочих и на профсоюзы. В июле 1928 года состоялся пленум ЦК партии, на котором окончательно размежевались сторонники ослабления давления на кре-

стьян даже за счет снижения темпов индустриализации и те, кто безоговорочно ратовал за приоритет индустриализации, какие бы серьезные меры принуждения ни пришлось применять к крестьянству. Бухарин говорил о "волне разочарования" и "вспышках недовольства" в деревне, о "возвращении к военному коммунизму". Сталин предлагал не торопиться, признавал, что допускались перегибы, и выражал надежду, что в следующий раз во время хлебозаготовки этого не случится. Было решено несколько повысить цены на сельскохозяйственную продукцию. Резолюция осуждала "нарушения революционной законности" и "рецидивы продразверстки". Это был бесплодный компромисс. Не оставалось никаких сомнений, что партийный аппарат, руководимый Сталиным, Молотовым и Куйбышевым, твердо нацелен теперь на всестороннюю индустриализацию и что будут приняты любые меры для обеспечения поставок продовольствия городу и рабочим.

В 1928 году во время заготовок зерна повторилось все то же, что и в предыдущем году, но в большем масштабе. Общий объем урожая был таким же, но доля ржи и пшеницы, идущих на питание людей, сократилась. Власти, преисполненные безжалостной решимости, были теперь лучше подготовлены к такой критической ситуации, чем в прошлый раз. Улучшилась организационная сторона дела. Был учрежден новый центральный орган — Союзхлеб — для контроля над поставками зерна. Запасы, которые еще оставались у крестьян с прошлого года, были опустошены рейдами весны 1928 года. И крестьяне лучше подготовились к новому нападению и более умело припрятали все свое добро. Но самое главное, что в городах опять не хватало денег и оживился "черный рынок". В сельской местности повсюду разъезжали частные торговцы, предлагая цены на зерно намного выше тех, которые установило после скромного повышения государство. Борьба ожесточалась с обеих сторон. Опять для оправдания конфискации привлекались статьи уголовного кодекса. За реальные или мнимые нарушения следовали жестокие наказания. На Урале и в Сибири была разработана система хлебозаготовок, которая вынуждала сельский Совет или сельский сход соглашаться с нормами, которые спускались на село, и затем эти нормы должны были в обязательном порядке выполнять под угрозой жестоких наказаний зажиточные крестьяне. Эта система хлебозаготовок, получившая назва-

ние "уральско-сибирского метода", впоследствии была распространена и на другие области и стала мощным орудием расправы и преследований. Появились сообщения о беспорядках и массовых демонстрациях протеста крестьян. Местным властям, заготавливавшим зерно для поставок в города их районов, давались некоторые послабления, поэтому сравнение с данными прошлых лет может ввести в заблуждение. Но все же в 1928/29 году на зернопункты страны было сдано приблизительно лишь 8,3 миллиона тонн зерна, в то время как в 1927/28 году — 10,3 миллиона тонн; на долю пшеницы и ржи приходилось только 5,3 миллиона тонн против 8,2 миллиона в 1927/28 году. Ясно одно: в основном зерно официальным органам сдавали под принуждением и страхом.

Очень быстро положение стало отчаянным. Хлеб был основным продуктом питания как для крестьян, так и для промышленных рабочих; Москва с населением, составлявшим две пятых населения Берлина, потребляла хлеба гораздо больше.

С развитием индустриализации быстро росло городское население. Зимой 1927/28 года в городах очереди за хлебом стали обычным делом, масло, сыр и молоко — редкостью. Государственные запасы зерна истощились. Недостаток покрывался импортом зерна, а также тем, что хлеб пекли из муки грубого помола, при этом к пшеничной и ржаной муке подмешивали ячменную и кукурузную, введением в крупных городах хлебных карточек, процветанием "черного рынка". Те ограничения, которые накладывались на частную торговлю в городах, в деревне не работали. И даже попытки помешать торговцам хранить и транспортировать товар в основном были безуспешными. Из зерна урожая 1928 года, поступившего на рынок, 23% было куплено частными лицами.

Конкуренция на рынке и требования новой, "правой" оппозиции внутри партии в июле 1928 года вынудили Центральный Комитет пойти на повышение официальных закупочных цен на зерно. В 1928/29 году они были примерно на 20% выше, чем в предшествующем. Но цены на "черном рынке" росли гораздо быстрее. Было подсчитано, что цены на сельскохозяйственные продукты в сфере частной торговли, которые в 1927/28 году превышали государственные примерно на 40%, в течение следующего года были выше государственных уже на 50%. Вполне возможно, что эти цифры занижены. Дефицит стал теперь хроническим. В ноябре 1928 года в Ле-

нинграде были введены хлебные карточки, в марте 1929 года их ввели в Москве. Они отоваривались теми продуктами, которые были в наличии. Неработающим карточки не выдавались, их оставляли на милость "черного рынка". Приходилось все туже затягивать пояса. Не было никакой уверенности в будущем. Рухнула вера, на которой покоился нэп, что город можно прокормить, сочетая добровольную сдачу излишков государству и свободную продажу на рынке.

Такое положение высветило основную проблему, которая до этого была скрыта повседневными политическими делами. Мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство (чаще всего крестьяне владели узкими полосками земли) и применение старинной труппольной системы землепользования были явно несовместимы с эффективными методами ведения сельского хозяйства. Даже в примитивной крестьянской экономике необходимо в какой-то мере объединение тех, кто обрабатывает землю, — так говорил здравый смысл, и ему вторила социалистическая доктрина. В дореволюционной России это достигалось на большей части ее территории на двух уровнях. Мельчайшей единицей производства была не личность, а хозяйство — так называемый двор. Двор мог быть различного размера, часто это была семья, состоящая из нескольких поколений, иногда она еще разрасталась за счет приемышей. В большинстве районов России группа дворов образовывала владеющее землей сообщество — *мир*, или *общину*, — которое решало касающиеся всех членов общины проблемы пастбищ, севооборота, осушения почв, строительства оград и дорог, и в большинстве случаев время от времени периодически перераспределяло землю в соответствии с изменяющимся составом дворов.

После революции количество дворов увеличилось, но они стали играть гораздо меньшую роль из-за того, что семейные союзы часто ослабевали или распадались. Это объясняли стремлением представителей молодого поколения к большей независимости. Особенно это касалось женщин, которые после замужества предпочитали заводить свое самостоятельное хозяйство. Но традиционный авторитет мира, укрепившийся после исчезновения помещиков и ослабления роли дворов, возрос; мир часто и успешно соперничал с недавно созданными сельсоветами. Отношение властей к миру было непоследовательным и противоречивым. С одной стороны, мир, как правило, сопротивлялся попыткам изме-

нить старинный троепольный севооборот, или систему чересполосицы. Иногда, по-видимому, преуспевающий крестьянин, или кулак, имел большое влияние среди крестьян мира и использовал это в своих интересах. Иногда он выделялся из мира, забирая с собой свою землю, и создавал самостоятельное хозяйство. Мир развивал традиции прошлого, с которыми революция стремилась покончить. С другой стороны, именно мир самым эффективным образом сплачивал крестьян. Народники типа Герцена рассматривали мир как ступеньку на пути к социализму. Можно сослаться на Маркса (хотя его очень осторожные высказывания относились к отдаленному будущему), который размышлял о том, что в случае пролетарской революции на Западе русский мир сможет стать отправной точкой коммунистического развития. На протяжении 20-х годов проблема мира часто обсуждалась в Москве. Но не делалось никаких попыток вмешиваться в его жизнь на местах, и к моменту начала коллективизации он более или менее сохранился нетронутым. Власть партии и правительства в деревне была крайне слабой.

Различные формы организации труда, предназначенные для коллективного возделывания земли, — изобретение в основном советского периода. Сельскохозяйственные кооперативы, которые до революции процветали, продолжали существовать, но теперь были заняты в основном не коллективным производством, а торговлей, предоставлением кредитов и покупкой техники. Коллективные хозяйства (колхозы) и советские хозяйства (совхозы), которые появились еще во времена военного коммунизма (см. с. 31), при нэпе захирели. По официальным данным, они занимали всего 2% всех земель страны, и в течение нескольких лет власти оказывали им некоторую поддержку. Многие колхозы продолжали существовать как кооперативы, где к принципам коллективного труда относились со все меньшим почтением. Неэффективность многих совхозов стала притчей во языцех. Зерновой кризис середины 20-х годов привел к тому, что интерес к обеим организационным структурам стал возрождаться.

Крупное коллективное подразделение имело больше возможностей обеспечить изобилие на рынке, чем отдельный крестьянин, который в основном работал на себя и свою семью и гораздо меньше поддавался посулам и давлению кампаний по заготовке зерна. Увеличение числа мелких крестьянских хозяйств после революции усугубило нехватку денег в обращении. В то время как Бухарин и его последователи все еще связывали свои надежды со снабженческо-сбытовыми кооперативами и полагали, что они постепенно

приведут к расширению коллективного землепользования, официальная политика постепенно начала склоняться к идее восстановления колхозов. В 1926 году был учрежден Колхозцентр. Началось движение за новые колхозы, и к середине 1927 года их количество стало быстро увеличиваться. Они были меньше, чем колхозы периода военного коммунизма; нельзя сказать, что в них часто практиковался коллективный труд. Но это была серьезная попытка преодолеть и консерватизм крестьянской массы, и сопротивление процветающих кулаков.

Совхозы отставали от колхозов. Их начали вновь создавать только в 1927 году. Появление совхозов часто связывали с процессом, получившим название "индустриализация сельского хозяйства".

В России уже давно осознавали острейшую необходимость заменить примитивные традиционные орудия труда крестьян (например, деревянный плуг, который крестьянин мог смастерить для себя сам) хотя бы простейшими машинами и инструментами. Эту проблему пытались решить через сельскохозяйственные кредитные кооперативы и через финансируемый государством Сельскохозяйственный банк. Идя гораздо дальше, Ленин провозгласил, что понадобится "100 тысяч первоклассных тракторов", для того чтобы вернуть крестьянина к коммунизму. В начале 20-х годов Путиловский завод в Ленинграде выпустил несколько тракторов по американскому образцу; начиная с 1923 года в Соединенных Штатах было закуплено несколько сотен тракторов. В 1925 году обсуждался план строительства большого тракторного завода в Сталинграде; окончательно этот план был одобрен и запущен только через три года. Официальная пропаганда подчеркивала роль совхозов как образцовых хозяйств, которые не только станут примером современных методов землепользования для индивидуальных крестьянских хозяйств, но и будут снабжаться тракторами и другой сельскохозяйственной техникой. Эти идеи были далеки от действительности. Однако становилось ясно, что, если стремиться сделать сельское хозяйство эффективнее с помощью тракторов и другой сложной техники, это надо осуществлять не через мелкие крестьянские дворы, а через более крупные хозяйственные структуры. Но, несмотря на партийные увещевания, ни в области механизации, ни в области коллективизации особых успехов не наблюдалось. Эти задачи предстояло выполнить на следующем этапе.

Растущие проблемы индустриализации

На протяжении 1927 года партия все больше склонялась к необходимости быстрой индустриализации и введения пятилетнего плана, несмотря на то что многие все еще относились к этой идее враждебно или скептически и были учтены и осмыслены отнюдь не все последствия этих далеко идущих планов. Разгром оппозиции на XV съезде партии в декабре 1927 года расчистил дорогу индустриализации, заставив критиков замолчать, а остальных — без малейшего зазрения совести — принять курс, за который в прошлом ратовала оппозиция. Неудача хлебозаготовительной кампании, последовавшая за съездом, только подтолкнула индустриализацию. Успешно развиваться этот процесс мог при условии, что крестьяне будут снабжать города и заводы продовольствием по ценам, доступным горожанам при их уровне заработной платы, и к производству потребительских товаров для крестьянского рынка будет привлечен минимум промышленных ресурсов. Эта задача чрезвычайно осложнила хлебозаготовительную кампанию 1927 года и вначале казалась неразрешимой. Успех, достигнутый в первые месяцы 1928 года, был истолкован как доказательство того, что умелое применение силы и принуждение крестьян не только полезно, но и необходимо. Непокорного крестьянина, сопротивляющегося плановой экономике социализма, укротили. В течение 1928 года препятствия постепенно были преодолены, и индустриализация пошла полным ходом. Путь был расчищен. Чтобы ускорить индустриализацию, требовались лишь железная воля и решимость преодолевать трудности, если понадобится, теми же методами принуждения. Здесь слились воедино героическая целеустремленность и грубая жестокость.

Трудности, возникающие в связи с форсированной индустриализацией, простирались далеко за пределы крестьян-

янского мира. Революция поставила у руля управления государством новых людей. Но она не дала времени, чтобы вырастить и подготовить новое поколение служащих, специалистов, ученых, хозяйственников, инженеров и технологов, необходимых при любой власти; поэтому большевики вынуждены были привлечь тех же самых людей, которые работали и при последнем царе, и при Временном правительстве. Среди служащих и специалистов, работающих в народных комиссариатах и других советских организациях, было немало бывших меньшевиков и эсеров: меньшевики преобладали в Госплане и Наркомфине, а эсеры — в Наркомземе. Большинство из этих беспартийных слуг нового режима, примирившихся в принципах нэпа, с большой антипатией и недоверием относились к новой политике, выступали против нее и вовсе не торопились ее осуществлять, а иногда даже оказывали пассивное сопротивление. Это, естественно, вызывало в партийных кругах подозрение, что существует активный заговор и его цель — саботаж решений партии. Весной 1928 года начались массовые увольнения беспартийных служащих и специалистов с влиятельных постов в Наркомфине и Наркомземе — двух комиссариатах, которые оказывали наибольшее сопротивление форсированной индустриализации. Самое яркое событие произошло в марте, когда по обвинению в саботаже, организованном якобы из-за границы, были арестованы 55 инженеров и служащих, работающих на шахтах Донбасса. После длительного открытого судебного процесса, во время которого многие из обвиняемых признали свою вину, было вынесено 11 смертных приговоров, из них пять приведены в исполнение. Других обвиняемых приговорили к длительному тюремному заключению. Трех немецких инженеров, которым вначале инкриминировали соучастие в заговоре, оправдали. Этот процесс в дальнейшем стал шаблоном для показательных процессов и публичных поношений. Но в тот момент власти пока еще воздерживались открыто проявлять подозрительность и враждебность по отношению к специалистам буржуазного происхождения — они еще были совершенно необходимы для нормального функционирования и развития промышленности — и опубликовали несколько примирительных заявлений. Подготовка квалифицированных специалистов из числа рабочих двигалась крайне медленно; характерной особенностью этого периода было привлечение при сооружении крупных объек-

тов иностранных специалистов, вначале в основном немцев, позднее — американцев.

Индустриализация оказывала все большее давление не только на систему управления производством. Если первым условием индустриализации, хотя и не сформулированным открыто, было требование, чтобы крестьянин поставлял зерно в город по умеренным ценам, то второе условие, о котором заявлялось во всеуслышание, заключалось в том, что производительность труда должна расти быстрее заработной платы; тогда расширение производства можно было хотя бы частично финансировать за счет прибылей самой промышленности, чтобы приостановить безудержную эксплуатацию крестьянства. Это было основной целью кампаний 1926 — 1927 годов за режим экономии и рационализацию производства. В обстановке, когда другие формы рационализации были ограничены скудостью технических и материальных ресурсов, это означало прежде всего, что производительность труда можно поднять исключительно за счет роста интенсивности физического труда (см. с. 124—125). Кампания за повышение производительности труда велась по всем фронтам. Пьянство, прогулы, симуляция — все это, как утверждалось, было типично в основном не для истинных пролетариев, а для крестьян, привлеченных в промышленность из деревни; но, по-видимому, эти явления получили слишком широкое распространение, чтобы с ними можно было эффективно бороться только угрозой немедленного увольнения. Помимо фабрично-заводских училищ, где профессиональное обучение совмещалось с изучением партийной теории, были организованы также училища, где молодые рабочие интенсивно овладевали современными техническими навыками. Этот вид обучения подвергался резкой критике, причем почти в тех же словах, в каких раньше Ленин обличал капитализм за то, что он хочет "отнять у рабочего ночной отдых и превратить его в простой придаток машины". Не игнорировались и другие формы стимулирования труда. Широко пропагандировалось и поощрялось наградами социалистическое соревнование между заводами или коллективами рабочих. Наиболее достойные получали звание Героя Труда, дающее некоторые привилегии; был учрежден орден Трудового Красного Знамени, который вручался заводам, промышленным предприятиям, рабочим коллективам. В честь 10-й годовщины революции на заводах, фабриках и шахтах в раз-

ных районах СССР были проведены коммунистические субботники (бесплатная сверхурочная работа) по образцу ленинских.

Методы обращения с рабочими красноречиво показывают, какому сильнейшему давлению они подвергались. В ноябре 1927 года, в канун 10-й годовщины Октябрьской революции, официально было объявлено о переходе на семичасовой рабочий день. Этот шаг, провозглашенный великим достижением революции, оппозиция подвергла резкой критике как демагогическую попытку убаюкать рабочих нереальными перспективами отдаленного будущего. Но вскоре стало ясно, что за лозунгами семичасового рабочего дня кроется нечто иное. Для того чтобы с максимальной отдачей эксплуатировать заводскую технику, некоторые предприятия уже работали круглосуточно, в две смены. Сейчас же предлагалось перейти на трехсменный режим, по 7 часов смена, оставляя минимальное количество времени — всего 3 часа — на уборку и ремонт оборудования. Идея трехсменной работы не нравилась ни управляющим, ни рабочим, и вначале такой режим был введен только на текстильных фабриках, где работали в основном женщины — самая низкооплачиваемая категория трудящихся. Кстати, это означало полную отмену идеалистических запретов первых дней революции, которые впоследствии чаще нарушались, чем соблюдались, особенно когда речь шла о ночной работе женщин. В течение последующих двух лет время от времени делались заявления о необходимости перевода на трехсменную систему всех отраслей промышленности. Но такой переход чреват был множеством проблем и осложнений. Было замечено, что там, где вводили эту систему, производительность труда к концу смены постепенно снижалась; и, по-видимому, нигде, кроме отраслей легкой промышленности, на трехсменный режим практически так и не перешли.

Однако в отношениях между промышленными рабочими, с одной стороны, и нанимателями и государством — с другой, в центре внимания по-прежнему оставалась зарплата. При нэпе она в принципе устанавливалась по соглашению между рабочим и нанимателем — обычно это был коллективный договор между профсоюзом и предприятием или соответствующим учреждением. Этот принцип оставался незыблемым, хотя обе стороны признавали связь между производительностью и заработками, о чем было записано в договоре.

Ситуация резко изменилась начиная с 1926 года, когда существеннейшим фактором успешного развития экономики стали считать планирование. Размер заработной платы был слишком важным моментом, чтобы исключить его из плановых расчетов или же допустить его колебания в зависимости от внешних обстоятельств. После долгой дискуссии между профсоюзами и ВСНХ, в которой обе стороны фактически отстаивали возможность совмещения планирования с заключением коллективных договоров, определение размера заработной платы стало зависеть, по сути, от двух различных факторов. Прежде всего, орган высшей власти — как правило, само Политбюро — устанавливал общий фонд заработной платы на следующий год (в период инфляции некоторое увеличение зарплаты в денежном исчислении было неизбежно) и решал, каким отраслям промышленности следует увеличить фонды. Таким образом, он не только фиксировал размеры заработной платы, которые следовало учесть в плане, но и определял, какие отрасли промышленности следует расширять. Следующим шагом было подписание коллективных договоров, которые заключались между ВЦСПС и целой отраслью промышленности или же между местными профсоюзными комитетами и отдельными предприятиями. Но, поскольку зарплата все равно не могла выйти за пределы установленных размеров, переговоры можно было вести лишь по поводу второстепенных вопросов, и поэтому обсуждение договоров сводилось скорее к обсуждению условий труда или норм производства.

Первоначальные ограничения на сдельные расценки давно уже исчезли; там, где было невозможно применять сдельные расценки, премии за перевыполнение норм стали постоянной частью оплаты. Эти нововведения были необходимы для того, чтобы увязать зарплату с производительностью труда, и требовали постоянного определения производственных норм. Когда осенью 1926 года была повышена зарплата, ВСНХ начал агитировать за пересмотр норм, что можно было отчасти оправдать мерами по рационализации и механизации, которые увеличивали производительность, не создавая дополнительных нагрузок для рабочего. Но увеличение норм гораздо чаще оказывалось средством уменьшения заработной платы. Между ВСНХ и профсоюзами на протяжении всего 1927 года шли дебаты, но они закончились тем, что была признана необходимость общего пересмотра норм.

Статистические данные по зарплате за этот период не систематизированы, запутаны, а иногда и неверны. В условиях инфляции постоянные, то есть не меняющиеся в объеме или даже увеличивающиеся, денежные выплаты прикрывали падение реальной заработной платы. Совершенно очевидно, что реальная заработная плата рабочего в 1923 – 1927 годах медленно, но неуклонно поднималась, а на протяжении нескольких лет, начиная с 1928 года, падала, и рабочие были защищены от жесткого давления индустриализации ничуть не больше других слоев населения, зажатых железной рукой плановой экономики.

В первые годы советской власти роль профсоюзов была предметом серьезных споров. Нэп с его политикой компромиссов отказался от "милитаризации труда", в то время как все профсоюзы формально не зависели от государства. Однако эта независимость оказалась обманчивой. При нэпе "командные высоты" промышленности государство прочно взяло в свои руки и невозможно было даже помыслить, что профсоюзы, якобы все еще независимые от партии, но на самом деле полностью контролируемые большевиками, встанут в оппозицию интересам и политике рабочего государства. Впервые независимость профсоюзов была поколеблена, когда они стали заниматься проблемой повышения производительности труда. Это обязывало их принять на себя ответственность за соблюдение рабочей дисциплины и за предотвращение таких "анархических методов", как забастовки и стачки. Забастовка считалась доказательством неспособности профсоюзов проявлять бдительность и заниматься нуждами рабочих. Профсоюзы уже не могли выступать в роли безусловных защитников повседневных нужд рабочих; скорее они превратились в посредников в дебатах с партийным руководством; они старались как-то увязать сиюминутные требования рабочих с долгосрочными потребностями государственной промышленности. На фабриках и заводах контроль находился в руках "треугольника", состоящего из представителей профсоюзов, администрации и партии. Но если двое последних всегда находили общий язык, то позиция представителя профсоюза была более уязвимой, и поэтому профсоюзы иногда обвиняли в том, что они идут на поводу у администрации.

Более того, по мере быстрого роста числа рабочих и членов профсоюзов сам характер профсоюзов исподволь менял-

ся. Представление о том, что большинство заводских рабочих — это классово сознательные пролетарии и среди них много деятельных членов партии, очень быстро перестало соответствовать реальному положению дел. Многие политически активные рабочие перешли на управленческие, административные должности. В промышленность влилось много крестьян прямо из деревни, которым еще предстояло познаться и с партийной теорией, и с практикой работы профсоюза. В это время воспитательной роли профсоюзов придавали большое значение. Но следствием этого было усиление власти руководства, представленного ВЦСПС, над рядовыми членами профсоюзов.

На протяжении 1922 — 1928 годов все труднее было проводить компромиссную политику нэпа. Это был период неоспоримого лидерства Томского как профсоюзного деятеля. Это был период экономического выздоровления, и кое-что из его плодов, не без помощи профсоюзов, перепало и рабочим. Полное слияние профсоюзов с государственным аппаратом произошло именно с внедрением планирования. Организация и учет труда стали неотъемлемой частью экономического плана. К этому времени Наркомтруд превратился в придаток профсоюзов. Именно ВЦСПС — а не Наркомтруд — стал принимать участие в обсуждениях дальнейшей политики вместе с органами, отвечающими за экономические аспекты плана. Но все они в равной мере подчинялись высшей власти Политбюро и выполняли его решения; к середине 20-х годов крупные профсоюзные чиновники почти все без исключения были членами партии, обязанными подчиняться ее дисциплине. Однако время шло. Томского и многих из его коллег все больше беспокоило давление плана на рабочих, занятых в промышленности, а также постепенное забвение сложившихся профсоюзных традиций. Противостояния профсоюзов проводимой в стране политике индустриальной экспансии не было. На пленуме Центрального Комитета партии в июле 1928 года Томский присоединился к Бухарину и Рыкову, и они втроем образовали то самое меньшинство в Политбюро, которое намеревалось затормозить ход индустриализации.

Быстрый рост капиталовложений в промышленность привел к резкому повышению спроса на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, которой не хватало. Кризис "ножниц" цен 1923 года продемонстрировал, насколько

выгодно, когда условия обмена диктуются игрой свободно-го рынка. Этот урок не прошел даром, и контроль за ценами стал одним из важнейших вопросов политики. Контроль за сельскохозяйственными ценами теоретически осуществлялся путем закупки зерна государством по твердым ценам. Но начиная с зимы 1927/28 года удавалось по твердым ценам приобрести весьма незначительное количество зерна и в основном методами принуждения, поэтому недостающее зерно восполнялось закупками на рынке по более высоким ценам.

Контроль за ценами в промышленности оказался более эффективным, но и там он создавал целый ряд сложных проблем. Начиная с 1926 года кроме все усиливающегося напора индустриализации постоянные споры вызывала политика цен. Поскольку все основные отрасли промышленности находились теперь в руках государства, оно теперь и осуществляло непосредственный контроль за оптовыми ценами на промышленную продукцию. После кризиса "ножниц" цен политика сдерживания цен на промышленную продукцию для создания смычки с крестьянством стала неотъемлемой частью партийной доктрины. В 1926 — 1927 годах оппозиция неоднократно требовала поднять оптовые цены и таким образом увеличить рентабельность государственной промышленности, но эти призывы с негодованием отвергались, при этом оппозиции приписывалось пренебрежение интересами крестьянства. Варианты пятилетнего плана были основаны на заниженных ценах на промышленные товары.

Однако введение контроля за оптовыми ценами не сопровождалось восстановлением столь же действенного контроля за розничными ценами; и неоднократно указывалось, что сочетание оптовых цен, находящихся под строгим контролем, с плавающими розничными только расширяет, как говорили, "ножницы между оптовыми и розничными ценами" и увеличивает доходы среднего гражданина, что было нежелательно. С 1924 года на все большее число товаров широкого потребления устанавливались твердые розничные цены. Эти цены, весьма неохотно принятые государственными и кооперативными магазинами, были обязательными для частной торговли. Приходилось их навязывать силой. Для ограничения частной торговли использовались полицейские меры и усиленная агитация против и так не пользующихся любовью нэпманов, но в городе это давало гораздо больший эффект,

чем в деревне. Цены устанавливались вне всякой зависимости от наличия и качества товаров. В июле 1926 года вышло постановление, рекомендующее снижать розничные цены на дефицитную продукцию государственных предприятий. В течение 1927 года был опубликован целый ряд постановлений и распоряжений, предписывающих на 10% снизить розничные цены на сырье, установленные с 1 января 1927 г. И хотя эта благородная цель достигнута не была, удалось все же снизить некоторые цены и заодно в течение года вытеснить из промышленного производства значительное число нэпманов.

Практические результаты этого снижения цен оказались обманчивыми. Они не увеличили покупательную способность крестьян и заводских рабочих на промышленные товары, поскольку теперь уже хронически не хватало самих товаров как в городе, так и в деревне. Уровень цен уже перестал играть роль главного индикатора экономической ситуации. В 1927 году начался длительный и все ускоряющийся спад уровня жизни — это объяснялось и давлением индустриализации, и тем, что все имеющиеся ресурсы поглощало плановое развитие тяжелой промышленности. Разница официальных цен и цен "черного рынка" на промышленную продукцию была не столь вопиющей, как на сельскохозяйственную, потребитель от этого едва ли выигрывал, поскольку товаров широкого потребления не хватало так же остро, как и продуктов питания. Всех потребителей, кем бы они ни были, призывали поровну разделить тяжелый груз индустриализации. Бурное развитие промышленности, сконцентрированное в основном на производстве не товаров широкого потребления, а на производстве средств производства, все более тяжким бременем ложилось на плечи крестьян, рабочих, на всю экономику. Апатия и пассивность скорее, нежели активное сопротивление, характерны для оказавшихся под пятой индустриализации. Но стоящие у ее руля по-прежнему пламенно верили в то, что за достижения индустриализации стоит заплатить высокую цену и что народ пойдет на это, а несогласных можно и заставить.

В 1928 году сомнения проникли даже в Политбюро. Столкновение на пленуме ЦК в июле 1928 года (см. с. 148), по всей видимости, возникло из-за сельскохозяйственной политики и давления на крестьянство, но подспудно из-за темпов индустриализации, которые, в сущности, и диктова-

ли эту сельскохозяйственную политику. Важным следствием столкновения на пленуме был открытый разрыв, о котором теперь знал весь Центральный Комитет, между большинством членов Политбюро, приверженных идее форсированной индустриализации, и недовольным меньшинством в лице Рыкова, Бухарина и Томского, стремящихся уменьшить всеохватывающее давление индустриализации за счет сбавления ее темпов. В конце сентября Бухарин изложил свою позицию в большой статье, опубликованной в "Правде", под названием "Записки экономиста". Начав с зернового кризиса, он со всей силой обрушился на планы индустриализации, которые разрушали равновесие между сельским хозяйством и промышленностью и связь, установленную с крестьянством через нэп. Капиталовложения в промышленность, по его мнению, абсурдно и нелепо увеличивались, в то время как в стране не хватало не только зерна, но и любой продукции промышленного производства. Он утверждал, что сельскому хозяйству необходимо позволить развиваться так, чтобы не отставать от промышленности, а промышленность развивать "на базе, создаваемой быстро развивающимся сельским хозяйством". Бухарин предлагал принять тот уровень индустриализации, который был уже достигнут. Но он считал, что напряжение стало уже невыносимым и так наращивать темпы далее невозможно. Он закончил свою статью критикой того "безумного напряжения", которое предусматривалось в составляемых в то время проектах пятилетнего плана.

На "Заметки экономиста" — последнее публичное критическое высказывание оппозиции по поводу целенаправленного курса на индустриализацию и последний арьергардный бой в защиту нэпа — яростно набросились и официальные экономисты, и Троцкий со своими сторонниками. О приоритете сельского хозяйства уже не говорилось. Бухарин, который как раз в это время уехал в отпуск на Кавказ, вернулся в ноябре, накануне решающего пленума Центрального Комитета. ВСНХ под руководством Куйбышева требовал увеличить капиталовложения в промышленность. Сторонники индустриализации уже провозгласили лозунг "догнать и перегнать Запад"; Сталин упомянул об этом в своем докладе на пленуме Центрального Комитета. Он заявил, что в развитых капиталистических странах техника "прямо бежит вперед", "либо мы этого добьемся, либо нас затрут". Он цитировал Петра Великого, который "лихорадочно строил заводы

и фабрики для снабжения армии”, чтобы сделать ”попытку выскочить из рамок отсталости”. Именно из-за отсталости советской экономики, особенно ее сельскохозяйственного сектора, а также изоляции СССР индустриализация страны была ”вопросом жизни и смерти нашего развития”. Центральный Комитет одобрил сумму 1650 миллионов рублей, выделенную для капиталовложений в промышленность на этот год. Бухарин слабо протестовал, подал в отставку, потом забрал свое заявление, при голосовании против не выступил и в конце концов принял участие в подготовке проекта резолюции. Он маскировал свое явное поражение, делая вид, что со всем согласен. Победа индустриализации была окончательно закреплена разработкой первого пятилетнего плана и представлением его в мае 1929 года на V съезде Советов СССР.

Первый пятилетний план

В период, прошедший с опубликования первых контрольных цифр Госплана в августе 1925 года до съезда, на котором в мае 1929 года этот план был одобрен, постепенно утверждались принципы и практика планирования. Примерно в середине этого периода центр внимания переместился с ежегодных контрольных цифр на показатели первого пятилетнего плана, а это, в свою очередь, вызвало необходимость проанализировать в целом советскую экономическую политику и долгосрочные перспективы экономического развития. В заявлениях, с которыми время от времени выступала партия, разъяснялись задачи плана. На XIV съезде партии, состоявшемся в декабре 1925 года, была поставлена задача достижения "экономической самостоятельности" — это означало, что СССР должен превратиться "из страны, ввозящей оборудование, в страну, производящую это оборудование". Осенью следующего года партийная конференция призвала "перестроить экономику на базе новой, более современной техники". Время от времени приоритет производства средств производства перед производством потребительских товаров подвергался сомнениям противниками наращивания темпов индустриализации, и в 1927 — 1928 годах стало производиться больше товаров широкого потребления, чтобы обеспечить потребности крестьянского рынка. Но это была временная мера, вызванная крайней необходимостью. Партийная конференция, состоявшаяся в апреле 1929 года, на которой был принят первый пятилетний план, в качестве первой из задач выдвинула "максимальное развитие средств производства как основу индустриализации страны".

В марте 1926 года Госплан сделал первую попытку разработать пятилетний план. В основном этот проект касался государственной промышленности — пока еще это был единст-

венный сектор экономики, подвластный проектировщикам. В проекте предусматривалось увеличение выпуска промышленной продукции в первый год на 40% и потом с постепенным снижением этого прироста до 15% в течение последнего года пятилетки — так называемая затухающая кривая роста. Предполагалось, что капиталовложения в промышленность в первый год составят 750 миллионов рублей и затем к последнему году возрастут до 1200 миллионов. Этот проект почти не обратил на себя внимания "верхов", поскольку его рассматривали скорее как теоретические упражнения, нежели как набор конкретных предложений. Через год Госплан предложил еще один проект. Это был гораздо более подробный и хорошо продуманный документ, в котором различным секторам экономики были посвящены целые разделы. В нем были намечены значительно более скромные темпы промышленного роста, чем в первом проекте. Доля труда в промышленном производстве планировалась гораздо ниже, чем прежде, предполагалось, что в промышленность придет не миллион рабочих, как в предыдущем проекте, а в два с половиной раза меньше. С другой стороны, в нем указывалось, что капиталовложения в промышленность должны быть несколько больше. Дополнительные средства для расширения промышленности предполагалось получить, сокращая стоимость производства за счет увеличения производительности труда. Многие ожидали от кампании по снижению цен, проводимой правительством. Планирование теперь стало очень важным вопросом, и проект, подготовленный в марте 1927 года, вызвал множество споров. В Госплане большевистскому экономисту Струмилину, главному автору проекта, противостоял бывший меньшевик Громан, весьма осторожный в своих действиях; экономисты Наркомзема и Наркомфина были против проекта, считая его опасной фантазией; Куйбышев и ВСНХ также были недовольны: по их мнению, проект был слишком робким. Оппозиция, застигнутая врасплох резким поворотом официальной линии к скорейшей индустриализации, ограничилась замечаниями, что с планированием слишком запоздали, чтобы оно было эффективным.

С этого момента планируемые цифры, которые должны были неуклонно расти, всегда принимались под давлением сверху. Оппозиция в своей платформе, направленной в ЦК в сентябре 1927 года (см. с. 128), осуждала предложения Гос-

плана как непригодные; всего лишь за год до этого, во время обсуждения контрольных цифр в Коммунистической академии, представители оппозиции куда более ретиво, чем теперь Госплан и ВСНХ, требовали ускорения темпов индустриализации. В октябре 1927 года Госплан предложил третий проект, в котором была сделана попытка примирить и сомневающих, и оптимистов. В нем предлагались *отправные* (минимальные) и *оптимальные* цифры. Оптимальные цифры значительно превышали все расчеты второго проекта как в отношении промышленного производства, так и в отношении капиталовложений. ВСНХ на этот раз проявил прыть и предложил цифры, намного превышающие госплановские. Это заставило Госплан, в свою очередь, пересмотреть свой проект и снова поднять "планируемые показатели". На некоторое время дело застопорилось, поскольку партийные руководители были в нерешительности. В момент обострения борьбы с Троцким и оппозицией было как-то неловко открыто принять их же предложения об ускорении темпов индустриализации. Кроме того, было неуместно слишком сосредоточивать внимание на вопросах, вызывавших скрытые разногласия между руководителями. Когда в конце октября на объединенном пленуме ЦК и ЦКК рассматривались тезисы доклада "О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства", который предстояло зачитать и обсудить на предстоящем XV партийном съезде, в тексте, несмотря на неумеренный энтузиазм в отношении пятилетнего плана, сквозило довольно явное нежелание занять четкую позицию по спорным вопросам. Говорилось о том, что необходимо установить равновесие между "интересами накопления" и "крестьянской экономикой", между тяжелой и легкой промышленностью; "максимальная" перекачка ресурсов из легкой промышленности в тяжелую категорически отрицалась как "нарушение равновесия всей экономической системы". Максимальный прирост накоплений в текущем году не обязательно являлся гарантией наибольших темпов развития в принципе. Не было сделано и попытки подвергнуть сомнению ни вариант Госплана, ни вариант ВСНХ. Это был как раз именно тот пленум, который постановил исключить из состава Центрального Комитета Троцкого и Зиновьева (см. с. 129). Несколько ораторов из числа еще не изгнанных представителей оппозиции пытались критиковать эти расплывчатые ди-

рективы, в которых не приводилось ни одной конкретной цифры. Но им не дали говорить.

Партийный съезд, состоявшийся в декабре 1927 года, придал важное значение пятилетнему плану; это выразилось в том, что дискуссиям на эту тему было посвящено семь специальных заседаний. Один из делегатов одобрительно повторил слова Бухарина о черепашьей скорости индустриализации, которые он высказал два года назад, на предыдущем съезде, но сам Бухарин хранил молчание. Кто-то сделал несколько скептических замечаний, но они потонули в хоре одобрения общих принципов плана. Несколько ярких сторонников индустриализации нападали с критикой на медлительность Госплана и хвалили ВСНХ за его передовые позиции. Однако партийные руководители были сдержанны, особенно когда дело касалось сельского хозяйства (см. с. 135). Съезд ограничился тем, что принял те осторожные директивы, которые несколькими неделями раньше одобрил Центральный Комитет, и не сделал даже попытки направить энтузиазм делегатов от общих слов к обсуждению каких-либо конкретных статистических выкладок. Главной задачей съезда были разгром и изгнание оппозиции, и в этом деле единство партийного большинства не должно было быть запятнано никакими спорами и проблемами. Съезд принял единственное позитивное решение — подготовить план для обсуждения весной 1929 года на следующем, V съезде Советов СССР.

Как только оппозиция была сокрушена, а ее лидеры изгнаны из Москвы и рассеяны по всей стране, исчезли и все препятствия, сдерживавшие партийных руководителей. Новые веяния отразились в жестокости чрезвычайных мер хлебозаготовительной кампании первых месяцев 1928 года. До этого времени основной движущей силой пятилетнего плана, казалось, были второстепенные партийные работники из Госплана и ВСНХ, которые стремились убедить руководителей в осуществимости их честолюбивых проектов; Сталин играл свою излюбленную роль посредника, примиряющего крайние точки зрения. Теперь же стало ясно, что за каждым изменением плана стоит мощь партии; Политбюро и даже сам Сталин были его движущей силой. На протяжении всего 1928 года продолжалось соперничество Госплана и ВСНХ, кто выше поднимет планку, теперь уже с одобрения высших инстанций. В то же время планы становились более конкретными; они стремились охватить все секторы экономики, все

отрасли промышленности и все регионы страны. Расчеты все больше и больше удалялись от "генетической" основы и все больше отражали желания их составителей. В дискуссиях экономические мотивы смешивались с политическими, и принятые в конце концов решения соответственно были не столько экономическими, сколько политическими. После поражения Бухарина и осуждения его "Заметок экономиста" осенью 1929 года стало ясно, что в дальнейшем осторожность будет оцениваться как правый уклон. В марте 1929 года после длительных дебатов между Госпланом и ВСНХ проект плана был завершен. Он предлагал отправные и оптимальные расчеты объема промышленной продукции в течение пяти планируемых лет (с 1928/29 по 1932/33 гг.) и коэффициенты прироста капиталовложений в промышленность. По оптимальному варианту затухающая кривая прироста объема промышленной продукции исчезала; предполагалось, что годовой прирост продукции будет увеличиваться от 21,4% в первом году пятилетки до 23,8% в пятом. Капиталовложения в промышленность на первый год пятилетки планировались в объеме 1650 миллионов рублей и по отправному варианту к концу пятилетки почти удваивались, а по оптимальному — увеличивались более чем в два раза. Экономисты — составители плана, по-видимому, считали, что минимальный вариант был в пределах реальности, а оптимальный рассматривали как отдаленную возможность, но Политбюро весьма решительно приняло резолюцию о том, чтобы финансировать именно оптимальный вариант плана как "полностью соответствующий директивам XV съезда партии".

В конце концов XVI партийная конференция в апреле 1929 года одобрила план. Рыков, хотя его теперь и относили к правым уклонистам, был одним из трех официальных докладчиков, которые информировали конференцию об этом плане. Но осторожность его оценки резко диссонировала с красноречивым энтузиазмом Кржижановского, председателя Госплана, и холодной, безапелляционной решимостью Куйбышева, председателя ВСНХ.

План, составивший три тома, был опубликован через несколько дней после конференции. Несомненно, из-за того, что не хватило времени внести исправления, он по-прежнему включал два варианта, принятых Госпланом в марте этого же года, но его отправной вариант уже устарел. План представлял собой внушительный и всеобъемлющий обзор всей эконо-

мики страны. Некоторые из содержащихся в нем цифр оказались слишком оптимистичными и грубо завышенными, особенно когда через год были вновь повышены плановые показатели и принято решение о выполнении пятилетки за четыре года. Но эти цифры дали мощный толчок сомнительным планам развития тяжелой промышленности; и можно не сомневаться, что без той гигантской волны оптимизма, которую подняли эти цифры, таких результатов достигнуть было бы невозможно. Пятилетний план стал стержнем развития всей экономики страны.

Госплан был наследником ГОЭЛРО — органа, учрежденного для претворения в жизнь ленинского плана электрификации; слово энергетика и для него по-прежнему оставалось ключевым. И поэтому совершенно естественно и не случайно, что самым знаменитым проектом, которому содействовал Госплан и который был воплощен как существенная часть плана первого года пятилетки, оказалось строительство большой плотины и гидроэлектростанции на Днепре, получившее название Днепрострой. Летом 1926 года американский инженер Купер, построивший плотину в долине Теннесси, принял приглашение побывать на строительстве Днепростроя. Перспективы этого строительства вызвали у него большой энтузиазм, и спустя некоторое время он согласился руководить им. Проект финансировался государством. Купер был приглашен в качестве консультанта, а не как подрядчик. Но выполнение задачи, за которую он взялся, требовало максимально использовать американскую технологию и американское оборудование и нанять целую армию американских инженеров. Проект предполагал создание совершенно новых отраслей промышленности, строительство новых заводов и фабрик, которые работали бы на электроэнергии, даваемой этой гидроэлектростанцией. Электроэнергией предполагалось снабжать шахты Донбасса, а также новые металлургические заводы, производящие алюминий, высококачественную сталь и железные сплавы, — таким образом создавался новый промышленный комплекс для производства средств производства. Появились два новых промышленных города — Запорожье и Днепропетровск, но только в 1934 году плотина и заводы, которые должны были потреблять энергию гидроэлектростанции, заработали на полную мощность.

Днепрострой оказался образцом для множества смелых проектов, начатых в соответствии с первым пятилетним

планом. Одна седьмая всех промышленных капиталовложений по этому плану шла на производство железа и стали, хотя часть этих капиталовложений использовалась для переоснащения уже существующих фабрик и заводов. Очень популярной идеей было развитие автомобильной промышленности. До революции Россия автомобилей не производила; первые робкие шаги в этом направлении были сделаны в середине 20-х годов на двух или трех машиностроительных заводах, выпустивших очень небольшое количество автомобилей. В 1927 году под напором энтузиазма, порожденного пятилетним планом, было принято решение строить под Москвой первый советский автомобильный завод с плановой мощностью 10 тысяч автомобилей в год. В 1929 году было подписано соглашение с заводом Форда в Детройте на строительство автомобильного завода в Нижнем Новгороде, который по плану через 10 лет должен был выпускать 200 тысяч автомобилей в год. Вначале больше внимания уделялось производству машин для индивидуального пользования. Позднее предпочтение отдавалось производству грузовиков, предназначенных для нужд промышленности. Естественным следствием роста автомобилестроения было появление программы развития сети автодорог. Параллельно, но независимо развивалось производство тракторов. Планируемый объем выпуска тракторов на Сталинградском заводе (см. с. 141), который во время строительства завода несколько раз менялся в сторону увеличения, в конечном варианте пятилетнего плана был доведен до 50 тысяч тракторов в год. К 1930 году, когда завод уже начал работать, был одобрен план строительства еще двух заводов. Начиная с 1928 года трактору отводилась ведущая роль в модернизации и коллективизации крестьянской экономики. Это был основной вклад первого пятилетнего плана в развитие сельского хозяйства.

В публичных обсуждениях пятилетнего плана редко упоминалась оборонная промышленность. После гражданской войны на протяжении нескольких лет на Красную Армию как-то не обращали внимания. Но в 1926 году были приняты меры, чтобы укрепить и переоснастить ее, а после того как весной 1927 года над страной нависла реальная военная угроза, создание индустриальной основы для вооруженных сил придало пятилетнему плану, с его упором на тяжелую промышленность, особую важность с военной точки зрения.

Возможно, побудительной причиной был тайный военный сговор с Германией. Говорили, что в военных отраслях промышленности существовал свой отдельный, секретный пятилетний план. На первом месте стояла авиационная промышленность, на втором — производство танков. Большое значение придавалось развитию современной химической промышленности, которая служила и обороне, и сельскому хозяйству. Ее значение в модернизации экономики, как утверждали ее поборники, было сопоставимо по масштабам лишь с электрификацией.

Еще до принятия первого пятилетнего плана уже шло строительство Турксиба — железной дороги, связывающей Среднюю Азию и Казахстан с Западной Сибирью. В отличие от других крупных проектов, для его осуществления не нужны были импортные материалы, оборудование или помощь иностранных инженеров. Средняя Азия была крупным хлопководческим регионом с неразвитой инфраструктурой. Поэтому открытие новой дороги для вывоза среднеазиатского хлопка давало СССР независимость от импорта хлопка. С другой стороны, в Средней Азии производилось недостаточно продовольствия и совсем не было строевого леса. Новая железная дорога позволила бы поставлять зерно и лес непосредственно из Сибири и тем самым уменьшить объем поставок из европейской части России. У русских инженеров был более чем достаточный опыт строительства железных дорог. Средства из бюджета были предоставлены, и строительство 1500 километров железнодорожного пути, несмотря на сложные геологические условия, шло без особых задержек. 1 января 1931 г. на линии открылось регулярное движение поездов.

Важным вопросом планирования было местоположение будущих промышленных предприятий. Эта проблема обсуждалась постоянно и иногда даже тормозила принятие жизненно важных решений. Отчасти это происходило из-за того, что следовало сравнить и взвесить все преимущества намечаемых мест строительства, однако главная беда проистекала от соперничества различных районов. Особенно заметно это проявлялось в металлургической промышленности, поскольку именно она поглощала большую долю общего объема плановых капиталовложений, а также из-за упорного стремления Украины сохранить главенствующие позиции в металлургии, которые она завоевала еще в 80-х годах прошлого

Принятие присяги в одной из воинских частей
1917 г.

Первая мировая война. Встреча Николая II и наследника Алексея
с генералом А. А. Брусиловым — командующим Юго-Западным фронтом
1917 г.

Вручение знамени женскому батальону, уходящему на фронт
Москва, 1917 г.

Л. Г. Корнилов
1917 г.

Интервенция на Украине. Смена караула
Киев, 1918 г.

Интервенция на Дальнем Востоке.
Выгрузка войск во Владивостокском порту
1918 г.

А. В. Колчак, 1919 г.

П. Н. Врангель

Гетман Скоропадский принимает
парад гайдамацких частей
Киев, 1918 г.

Л. Д. Троцкий беседует с командирами и красноармейцами 14-й дивизии
Восточный фронт, 1919 г.

Смотр воинских частей, отличившихся в боях на Восточном фронте,
комиссаром агитпоезда имени В. И. Ленина П. И. Воеводиным, предсе-
дателем ВЦИК М. И. Калининым и наркомом военных и морских дел
Л. Д. Троцким
1919 г.

И. Т. Смилга,
М. Н. Тухачевский,
Г. К. Орджоникидзе
Кавказский фронт, 1919 г.

С. М. Киров,
М. К. Левандовский,
К. А. Мехоношин —
члены Реввоенсовета
11-й армии
Кавказский фронт, 1920 г.

**М. В. Фрунзе, И. С. Уншлихт на XIV партийной конференции
Москва, 1925 г.**

**Члены Реввоенсовета Особой группы Южного фронта В. А. Трифонов,
И. Т. Смилга, В. И. Шорин над картой военных действий
Южный фронт, 1919 г.**

II конгресс Коминтерна. В президиуме: Г. Я. Сокольников, Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, К. Б. Радек и др.

Москва, 1920 г.

Выступление К. Б. Радека на съезде народов Востока. В президиуме: Н. Н. Нариманов (четвертый слева), Г. Е. Зиновьев (в центре) и др.

Баку, 1920 г.

Л. Б. Каменев (в центре) среди представителей английских профсоюзов
Москва, 1923—1925 гг.

Немецкая делегация на приеме у Г. Е. Зиновьева;
присутствует М. Е. Кольцов
Москва, 1924 г.

Г. В. Чичерин (в центре), министр иностранных дел Германии Штресеман
Н. Н. Крестинский (сидит справа) и др.
Берлин, 1926 г.

Подписание советско-турецкого договора: Л. М. Карахан (справа),
Г. В. Чичерин, Д. Т. Флоринский и др.
Москва, 1921 г.

М. М. Литвинов, Ф. Э. Дзержинский, посол Японии в СССР Танака
во время подписания договора
Москва, 1925 г.

Ю. Пилсудский (в центре) в группе участников
Женевской конференции
1927 г.

Г. В. Чичерин, Д. Т. Флоринский,
М. И. Калинин во время приема
посла Японии Танаки
Москва, 1926 г.

В. К. Блюхер — командующий
Особой Дальневосточной армией
1928 г.

Чан Кайши

Обвиняемый командующий Особым Донским корпусом 2-й Конной армии **Ф. К. Миронов** с защитником во время судебного процесса 1919 г.

Член коллегии ВЧК, защитник на процессе правых эсеров **Н. И. Бухарин** в группе обвиняемых Москва, 1922 г.

Обвиняемые по «шахтинскому делу» на скамье подсудимых
Москва, 1928 г.

А. Я. Вышинский зачитывает приговор по «шахтинскому делу»
Москва, 1928 г.

Прокладка
железнодорожной
ветки
от пристани на Оке
до места будущего
автомобильного
завода в Нижнем
Новгороде
1930 г.

А. М. Горький беседует
с рабочими
на Днепрострое
1928 г.

Агитбригада
школьников
перед отъездом
в деревню
Вологда, 1930 г.

На конвейере
автопоезда
г. Горький, 1932 г.

столетия, главным образом благодаря обширным неглубоким залежам угля. Ее притязания оспаривала крупная школа "восточников", которые хотели возродить некогда процветавшую металлургическую промышленность Урала и создать новые промышленные центры в Сибири. В 1927 году было представлено для обсуждения большое количество соперничающих проектов: огромного металлургического комплекса в Кривом Роге на Украине — это был наиболее разработанный проект; не уступал ему по масштабам проект Магнитогорского металлургического комбината на Урале, для его работы требовалось возить коксующийся уголь по железной дороге за 2 тысячи километров из Кузнецкого бассейна, где предполагалось строительство третьего крупного металлургического комплекса. Кроме того, были проекты строительства машиностроительного завода на Урале, в Свердловске, и еще одного металлургического комплекса в Запорожье, неподалеку от Днепрогэса. Однако криворожский проект был отложен до конца первой пятилетки, а все увеличивающиеся плановые капиталовложения на протяжении всего 1928 года в целом говорили о победе "восточников", которые стремились распространить советскую власть и промышленность на незанятые просторы Сибири, развить и заселить эти малоиспользуемые регионы. Военная опасность 1927 года сыграла роль мощного катализатора и заставила составителей планов расположить будущие центры жизненно важных отраслей советской промышленности в районах менее уязвимых, чем Украина.

Хотя сердцевиной пятилетнего плана была индустриализация, он охватывал все народное хозяйство и меньшим по масштабам просто не мог быть. Главным и очевидным камнем преткновения для плановиков было сельское хозяйство. Как заметил однажды Рыков, план зависел "от дождика", сам выбор для планирования именно пятилетнего срока оправдывался тем, что за этот период плохие и хорошие урожаи, чередуясь, уравниваются друг друга и расчеты, сделанные на основании усредненных цифр, будут справедливыми. Правда, еще большим препятствием оказывалось непредсказуемое поведение крестьян. Крестьянская семья, обрабатывающая небольшой участок земли и ведущая натуральное хозяйство, которое всегда позволяло лишь сводить концы с концами, могла изолироваться от народного хозяйства и расстроить все расчеты плановиков. Так что в середине

20-х годов власти занимал вопрос не только о том, как собрать зерно и привезти его в города, на заводы и фабрики, но и как произвести его. Поэтому в отношении крестьянства план, по замыслу его создателей, преследовал двойную цель: поставить крестьянское хозяйство в рамки прогнозов и директив и заменить примитивные методы обработки земли более прогрессивными, внедрив современные машины и орудия труда. Именно тракторы представляли собой единственные современные орудия, которые могла выпускать промышленность для повышения эффективности обработки земли, поэтому на них возлагались большие надежды. Производство средств производства для сельского хозяйства могло показаться незначительным на фоне общей программы индустриализации, но производство сельхозпродукции составляло основу всего плана. На съезде партии в декабре 1927 года один из руководящих деятелей призвал к увеличению в следующие пять лет производства зерна на 30–40%, а за 10 лет — на 100%. В пятилетнем плане в конце концов появилась цифра 35%.

Потребности индустриализации отняли у государственных финансов роль проводника экономической политики. С момента стабилизации в 1924 году денежного курса Наркомфин стал отвечать не только за разработку ежегодного бюджета, контролировавшего государственные расходы, но и за ежеквартальный план кредитования, который регулировал через банки предложение кредитных ресурсов, а также размеры эмиссии. Как только плановая индустриализация стала долговременной целью, эти жизненно важные элементы хозяйствования также попали в поле зрения плановиков. Стало ясно, что ограничение кредита, необходимое для поддержания курса стабильной международной валюты, обеспеченной золотом, несовместимо с расширением промышленного производства. В выборе сомневаться не приходилось. Уже в 1925 году, когда госбюджет был строго сбалансирован, расширение кредитов промышленности и соответствующее увеличение выпуска денег ослабили доверие к червонцу, чей золотой паритет не мог больше поддерживаться на международных рынках. Летом 1926 года экспорт червонцев и операции с ними за границей были запрещены. Таким образом, советская валюта превратилась в средство исключительно внутреннего обмена, которым можно было манипулировать в зависимости от интересов экономики. Отказ от золотого

стандарта меньше чем через два года после его введения нанес удар по репутации Советского Союза, а признаки растущей инфляции вызвали обеспокоенность. В течение еще одного года Наркомфину удавалось сохранять контроль над кредитованием, однако давление сверху, вынуждавшее ускорять поступь индустриализации, постоянно нарастало; сдерживать эти темпы ограничением кредитов — это было своего рода смиренной рубашкой Наркомфина — было просто невозможно.

К концу 1927 года плановики выиграли сражение, а традиционную политику финансового контроля сдали в архив. Было провозглашено, что государственный бюджет должен привязываться к контрольным цифрам Госплана. Таким образом, бюджет вместе с объемом кредитования и денежной эмиссии стал частью пятилетнего плана. Финансовые операции подчинялись плану, а кредит, несмотря на предсказания Наркомфина о его инфляционных последствиях, выдавался для финансирования промышленных строек, одобренных ВСНХ и Госпланом. Уверенность в правильности этого пути была безграничной. Казалось, что превзойдены самые смелые ожидания. Под контролем ВСНХ капиталовложения в крупную промышленность на 1927/28 год достигли 1300 миллионов рублей — на 20% больше по сравнению с предыдущим годом, а планируемое ВСНХ увеличение производства составило, по некоторым оценкам, более 25%. Когда осенью 1928 года стали вырисовываться окончательные контуры первого пятилетнего плана, на 1928/29 год были запланированы капиталовложения в размере 1650 миллионов рублей. В октябре 1928 года заместителем председателя Государственного банка был назначен Пятаков — бывший член оппозиции, впоследствии раскаявшийся, который имел репутацию "сверхиндустриализатора". В 1929 году он стал председателем Государственного банка. Назначение Пятакова на эту должность свидетельствовало о решимости неограниченно расширять кредит, если того потребует промышленное производство. Общий объем капиталовложений в промышленность определялся в результате совместных обсуждений Госпланом, ВСНХ и партийным руководством. Вопрос об ассигновании средств, необходимых для покрытия этих объемов, был вопросом административным, и хотя план был облечен в одежды государственного финансирования, Наркомфин, по сути дела, превратился в уже не контролирующий расходы отдел по сбору доходов.

Сразу же были задействованы традиционные источники финансирования промышленного развития. За период с 1926 по 1929 год прямое налогообложение — промышленный налог на частный сектор, сельскохозяйственный налог и подоходный налог — в денежном выражении выросло почти в два раза. Однако еще более важным было косвенное налогообложение. Акцизный сбор, размер которого за этот период почти удвоился, составлял треть всех налоговых поступлений. Акцизный сбор с товаров широкого потребления был, по сути дела, налогом на самые бедные слои населения; поступление крупных денежных средств от продажи водки тревожило совесть некоторых партийных деятелей. Но другие источники финансирования найти было трудно. Начиная с 1927 года стали выпускаться государственные займы, подписка на которые, несмотря на все официальные опровержения, вскоре приобрела почти принудительный характер. Таким образом, используя эти средства, Наркомфину каждый год удавалось составлять сбалансированный бюджет. Несбалансированное финансирование считалось недопустимым. Несмотря на столь традиционный фасад, финансы лишились своей роли экономического регулятора, и Госбанк стал качать в экономику дополнительные кредиты. Постепенно деньги превратились в средство обмена и единицу отчетности — как предвестник времен, когда деньги совсем исчезнут из жизни будущего коммунистического общества. Предполагалось, однако, что кроме бюджетных ассигнований и кредитов Госбанка средства для вложения в промышленность можно получать от доходов самой промышленности. Поскольку задачей первостепенной важности провозглашалось понижение цен, то достигнуть этой цели можно было лишь за счет снижения себестоимости продукции. Кампании за режим экономии, рационализацию и повышение производительности труда велись во имя снижения себестоимости (см. с. 124—125). В каждом последующем варианте пятилетнего плана нормы производительности труда все увеличивались и увеличивались, причем в отраслях производства средств производства намечавшийся прирост был выше, чем по всей промышленности в целом. В конце концов был принят оптимальный вариант плана, в котором предусматривался рост производительности труда за пятилетку на 110% при снижении себестоимости продукции на 35%. Это обещало рабочим увеличение реальной зарплаты на 47% и снижение розничных

цен на 23%. Однако плановые цифры, по-видимому, опирались не на соответствующие действительности расчеты, а лишь на стремление придать плану связность и ясность с точки зрения статистики и скорее свидетельствовали о мощном давлении плана на рабочих, занятых в промышленности, нежели о каких-либо реальных перспективах его выполнения.

Принятие первого пятилетнего плана — веха в советской истории. Нэп — и в этом заключалась его суть — предоставил крестьянскому хозяйству определенную свободу, и отречься от нэпа было бы политически неверным. Сталин заявлял, что нэп, обеспечивая "некоторую свободу частной торговли", также гарантировал "контролирующую роль государства над рынком". Целью нэпа, по его словам, было "достижение победы социализма". То, что от нэпа отказались, официально отрицалось. Все еще сохранялся свободный рынок изделий мелкотоварной частной промышленности и прежде всего сельскохозяйственной продукции. Но подчинение всех важнейших сфер экономической деятельности диктату плана и все усиливающееся давление на крестьянство делали эти пережитки нэпа неестественными и бессмысленными. Их терпели, пока это было удобно, но всерьез, кажется, никто не воспринимал. К концу пятилетки доля частного сектора в национальном доходе, которая в 1926/27 году превышала 50%, упала до незначительной величины. Экономический кризис, разразившийся в капиталистическом мире осенью 1929 года, укрепил и авторитет плана, и авторитет Союза Советских Социалистических Республик как поборника планирования. Получило широкое распространение мнение, и не только в Советском Союзе, что сбылось предсказание марксистов о крахе капиталистической системы, неизбежном из-за присущих ей противоречий. Невосприимчивость Советов к некоторым жестоким недугам, сопровождающим кризис, главным образом к массовой безработице, наглядно подтверждала все настойчивее овладевавшую умами мысль о том, что ни одна национальная экономика не должна оставаться игрушкой железных законов рынка. И вот советский пятилетний план, условия принятия и осуществления которого были явно недостаточно изучены и проанализированы, показался многим новаторским эталоном. То, что экономика капиталистических стран испытывала потребность в элементах планирования, оказало значительное влияние на отношение западных стран к СССР.

Коллективизация крестьянства

Весной 1929 года острая озабоченность из-за зернового кризиса прикрывалась убаюкивающей верой в будущее.

Размах посевной сулил хороший урожай. Колхозы и совхозы обещали добиться высоких результатов, и на рынок должно было поступить больше зерна, чем в прошлом году. Были разработаны новые методы проведения хлебозаготовительной кампании. Каждый производитель обязан был теперь в соответствии с заранее установленными нормами сдать на хлебозаготовительные приемные пункты гораздо больше зерна, чем раньше. Новые нормы разослали по всем районам и деревням; основное бремя норм ложилось на кулака. Во время сбора урожая 1929 года из Москвы, Ленинграда и областных центров в деревню хлынули бригады партийных чиновников, рядовых членов партии, рабочих и профсоюзных деятелей для руководства хлебозаготовительной кампанией. Можно только догадываться, сколько людей принимало в этом участие. Но территория России громадная, поэтому кажется вполне вероятным, что в деревню отправилось от 100 до 200 тысяч человек. Кулаки и крестьяне, имевшие в запасе зерно, которое можно было рассматривать как излишки, реагировали на эту кампанию одинаково: либо старались припрятать зерно, либо прилагали отчаянные усилия, чтобы продать его на рынке. Соккрытие зерна считалось уголовно наказуемым, а разница между легальной торговлей и нелегальной спекуляцией была весьма расплывчатой.

Репрессии и произвол приняли широчайший размах. Нехватка зерна для покрытия установленной нормы уже сама по себе считалась наказуемым проступком. Кулаков и всех, кого к ним причисляли, штрафовали, подвергали тюремному заключению или просто выслали из деревни. Стали частыми вспышки насилия и жестокости. Из-за таких мер установ-

ленные нормы выполнялись и иногда даже перевыполнялись. Но эти результаты были достигнуты в условиях открытой вражды между властями и крестьянством, между городом и деревней. По сообщениям, бывали случаи, когда бедняки одобряли меры, направленные против кулаков. Но по большей части крестьянство проявляло солидарность; и кулаки, и бедняки вступали в сговор, чтобы помешать сбору зерна. Надежды партии на то, что в деревне удастся разжечь классовую войну, не оправдались.

Именно в этих неблагоприятных условиях все настойчивее раздавались призывы к коллективизации сельского хозяйства, но уже не в отдаленном будущем, а немедленно, поскольку она казалась панацеей от всех тогдашних бед. Успехи коллективизации связывались с трактором. Осенью 1927 года крупному украинскому совхозу имени Шевченко удалось приобрести 60 или 70 тракторов, из которых были сформированы тракторные колонны для обработки полей как совхозов, так и соседних колхозов, а также крестьянских наделов. Эту инициативу подхватили и в других местах; в 1928 году в совхозе имени Шевченко была образована первая машинно-тракторная станция (МТС) с парком тракторов, которые сдавались в аренду колхозам и совхозам района. В июне 1929 года в Москве было образовано центральное учреждение — Трактороцентр для организации и контроля работы уже целой сети государственных МТС. Было очень трудно преодолевать предубеждение крестьян против нововведений такого рода, а возможно, и против того, что они влекли за собой все большее вмешательство государства в крестьянские дела. Поговаривали, что трактор — это порождение Антихриста. Успех механизации, однако, был ограничен главным образом нехваткой самих тракторов: осенью 1929 года на весь Советский Союз приходилось только 35 тысяч тракторов, в основном американского производства. Трактор превратился в своего рода символ индустриализации.

Возрождение колхозов, начавшееся в 1927 году, на первых порах проявилось в быстром распространении небольших малоэффективных колхозов со слабой организационной структурой. В середине 1928 года началось движение за укрупнение колхозов. Крупным считался колхоз с посевной площадью до 2 тысяч гектаров. Такие поля удобно было обрабатывать тракторами. Но в это время большую популярность приобрели не колхозы, а совхозы. На пленуме Центрального

Комитета в июле 1928 года Сталин призвал создавать крупные зерносовхозы, или, как говорили, "фабрики зерна", работающие как промышленное производство. Прототипом новых совхозов стал совхоз, очень уместно названный "Гигантом", которому отвели 41 тысячу гектаров целинных земель на Северном Кавказе. Аналогичные зерносовхозы затем были созданы на Волге, на Урале, в Сибири. Предпосылкой создания "фабрик зерна", которые впоследствии критиковали как проявление гигантомании, было наличие тракторов и МТС. Когда коллективизация началась всерьез и восторги по поводу совхозов несколько угасли, на первые роли вновь стали выдвигаться колхозы.

Что делать с кулаком — это была одна из важнейших проблем, горячо обсуждаемых в партийных кругах. Кулаком власти заклеили крестьянина, который обычно обрабатывал самые большие и самые лучшие земельные участки, у которого были наилучший в деревне скот и самая лучшая техника, который выращивал и собирал наибольшее количество зерна и представлял собой самую сильную оппозицию советской политике, в том числе и политике коллективизации. Мнения в партии резко разделились. Если кулака вместе со всей его землей и инвентарем включить в колхоз, то, как утверждали некоторые члены партии, именно он сделает хозяйство эффективным. Но он также, вполне резонно предполагали другие, будет иметь в колхозе решающий голос, будет ориентировать колхоз в направлении, враждебном целям партии и государства. Однако если его не допускать в колхозы, что с ним станет? Ему нельзя позволить сохранить землю и собственность, ибо нельзя допустить, чтобы бок о бок с колхозом существовала независимая единица производства. Его придется изгнать из этого района, но о подобных суровых мерах вначале многие даже не хотели и думать. Невозможно было найти приемлемое решение.

Летом и осенью 1929 года в центре решимость вести коллективизацию все более интенсивными темпами нарастала. Но даже самые отчаянные энтузиасты этого дела были убеждены, что, во-первых, какое бы давление ни оказывали на крестьянина местные власти, коллективизация должна быть добровольной и, что, во-вторых, какой бы срочной ни казалась необходимость коллективизации, для ее осуществления в любом случае понадобится несколько лет. К концу года руководители уговорили сами себя, что нет никакой нуж-

ды придерживаться этих принципов, и неожиданно оказались готовыми решительно и немедленно форсировать коллективизацию всего сельского хозяйства страны. Эта крутая перемена была, по-видимому, вызвана следующими факторами. Первый — отчаяние, порождаемое ежегодным кошмаром хлебозаготовительной кампании; помимо связанных с колхозами ожиданий на большие урожаи, их было гораздо легче, чем отдельных крестьян, заставить сдавать зерно официальным органам. Второй фактор — воодушевление, порожденное успехами индустриализации и перспективами пятилетнего плана. В конце концов, сельское хозяйство — это всего лишь один из видов промышленного производства. Ускорение темпов индустриализации превзошло даже самые оптимистичные прогнозы. Отказаться от перспектив форсированной коллективизации значило проявить неверие. Нужна была лишь негибкая решимость, чтобы взять приступом намеченные позиции.

По обыкновению Сталин оставался в стороне, выжидая, пока в ходе дебатов вопрос окончательно утрясется и настанет время принять решение. Он молчал с апреля по ноябрь 1929 года, затем к годовщине революции в "Правде" вышла его приуроченная к торжествам статья под названием "Год великого перелома". В ней Сталин пел дифирамбы успехам индустриализации и развитию тяжелой промышленности. Затем он переключил внимание на сельское хозяйство, в котором произошел "коренной перелом в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию, к совместной обработке земли". Сталин заявил, что середняк "пошел в колхозы". О кулаке в статье едва упоминалось. Заглядывал он и в будущее: "Если развитие колхозов и совхозов пойдет усиленным темпом, то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через какие-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире".

Статья содержала прогноз на будущее и анализ настоящего, но не призывала к немедленным действиям. Поскольку она была написана по поводу праздника, ее тон был осторожным и сдержанным. Партия все еще колебалась, не рискуя принять решение.

Несколько дней спустя состоялся пленум Центрального Комитета партии, и на нем тон уже был резким. Сталин вос-

полнил допущенный в статье пробел, заявив о "решительном наступлении на кулака". Из всех выступающих, которые настаивали на ускорении темпов коллективизации, самым бескомпромиссным был Молотов. Он не согласился с цифрами пятилетнего плана, который скромно предполагал за пять лет провести коллективизацию на 20% посевных площадей. Молотов считал эти сроки слишком растянутыми; по его мнению, в большинстве районов можно было провести полную коллективизацию к 1931 году, а в некоторых — уже к осени 1930 года. Кулак был объявлен "непобежденным врагом", которому нельзя позволить проникнуть в колхозы. Но ни одно из выступлений не было опубликовано, пока коллективизация не пошла полным ходом, так что напряженный тон речей, требования срочных мер остались неизвестными рядовым членам партии и народу. В резолюции пленума не указывались точные сроки, как в речи Молотова, — в этом, возможно, отразился скептицизм некоторых членов Центрального Комитета. Но резолюция призывала к решительным действиям против кулака, к пресечению всех попыток кулаков проникнуть в колхозы. Вопрос, что делать с кулаком, все еще оставался открытым. Несколько последующих недель шел поток полных энтузиазма отчетов об успехах коллективизации от всех партийных органов основных зерновых областей. 5 декабря 1929 г. Политбюро назначило специальную комиссию, которой поручило через две недели представить проект постановления о темпах коллективизации в различных областях страны. В комиссию входили представители всех этих областей, но в ней не было ни одного члена Политбюро, и это совершенно явно свидетельствовало о сугубо техническом, а не политическом предназначении комиссии.

Отрывки стенограмм заседаний этой комиссии, опубликованные много лет спустя, могут дать представление о царящей на них неразберихе. Комиссия была разбита на подкомиссии, которые вчерне подготовили множество смелых предложений; одна из этих подкомиссий, по-видимому, отчеканила фразу "ликвидация кулачества как класса". Однако проект, представленный комиссией на рассмотрение Политбюро 22 декабря, был гораздо более осторожным. В нем предлагалось провести коллективизацию основных зерновых областей страны в два или три года (отмечалось, что в некоторых районах ее темпы могут быть гораздо более быстрыми), а коллективизацию других областей — за три-четыре года;

прозвучало также предостережение против "экстаза диктатора".

Было решено, что кулаков в колхозы принимать нельзя, их средства производства, то есть технику и скот, следует передать в колхозы, а им отрезать дальние и менее плодородные земли. Непокорных выселить из района; тех, кто подчиняется властям, можно оставить в колхозе на неопределенных правах и использовать на разнообразных работах.

Накануне, когда Политбюро должно было рассмотреть этот отчет комиссии, в Москве собралась конференция марксистов-аграрников. Сталин воспользовался случаем, чтобы впервые за много месяцев публично произнести речь. Он обрушился на кулачество с небывалой яростью. "Раскулачивание", или "ликвидацию кулачества как класса", он характеризовал как "один из самых решительных поворотов во всей нашей политике". В то же самое время один из членов комиссии Рыскулов, активный партийный деятель, калмык по происхождению, обратился к Политбюро с запиской, в которой критиковал результаты работы комиссии. Это был странный жест, на который он вряд ли пошел бы без одобрения сверху. Рыскулов настаивал на ускорении темпов коллективизации, требовал включить в этот процесс хлопководческие и животноводческие сблоки, о чем в проекте совсем не говорилось, передать колхозам весь скот, включая дойных коров и птицу, которые по проекту оставались в личном пользовании крестьян. Проект был пересмотрен с учетом предложений Рыскулова, и пленум Центрального Комитета, состоявшийся 5 января 1930 г., одобрил исправленный текст.

Постановление, принятое 5 января 1930 г., "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству" было ключевым для развития коллективизации. Оно провозглашало "замену крупного кулацкого производства крупным производством колхозов", а также "политику ликвидации кулачества как класса". Коллективизацию основных зерновых областей — Нижнего и Среднего Поволжья и Северного Кавказа — предполагалось завершить, "может быть, в основном" осенью 1930 года или весной 1931 года, а коллективизацию других зерновых районов — осенью 1931 года или весной 1932 года. Необходимо было ускорить поставки деревне тракторов и другой техники, но это не должно было рассматриваться как условие коллективизации. В одном из параграфов довольно косноязычно говорилось о том, что

в переходный период основные средства производства (домашний скот и инвентарь, сельскохозяйственные постройки и скот, предназначенный на продажу) должны принадлежать сельскохозяйственным кооперативам внутри колхозов. Судьба кулаков — по-видимому, это все еще оставалось спорным вопросом — пока так и не была решена. Чтобы прийти к окончательному решению, создали еще одну комиссию под руководством Молотова, и 30 января 1930 г. Политбюро приняло постановление, текст которого так и не был опубликован, но суть его достаточно ясна из названия — "О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством".

События зимы 1929/30 года определялись не столько постановлениями, сколько характером действий, предпринимаемых для их выполнения. Той зимой на постоянную работу в деревню были посланы 25 тысяч промышленных рабочих (говорили, что их отобрали из 70 тысяч добровольцев). И это было только ядро громадной армии партийных активистов, чиновников, агрономов, механиков и красноармейцев, разосланных по всей стране, чтобы загнать крестьян в создаваемые колхозы. Серьезное внимание уделялось организационным проблемам; в ходу были такие военные термины, как "бригада", "штаб-квартира", "штаб". Всех занятых в этой операции регулярно собирали на инструктаж. В некоторых местах учреждались специальные курсы для крестьян. Но мало кто из тех, на ком лежала ответственность за это дело, имел какой-либо опыт жизни в деревне, знал крестьянскую жизнь и крестьянское мышление. Сами по себе инструкции были путанными и противоречивыми, и чрезмерное усердствование в их интерпретации не считалось непростительным грехом. О провозглашенном вначале намерении не принуждать середняков и бедняков вскоре пришлось забыть. Поскольку не могло быть и речи о жалости по отношению к кулаку, с которым обращались как с врагом советской власти, то и любому крестьянину, сопротивлявшемуся коллективизации, можно было приклеить ярлык кулака или пособника кулачества и на него распространялись те же самые карательные меры. Десятки тысяч кулаков были изгнаны из своих хозяйств и домов и предоставлены на волю судьбы или же высланы в отдаленные районы; их скот, техника и хозяйственный инвентарь были переданы колхозам.

Мало кто из крестьян вообще, независимо от уровня благосостояния, шел в колхоз по собственной воле. Больше всего крестьянам не нравилось требование обобществить

скот. Многие предпочитали скорее резать скот, чем отдавать его в колхоз. Во время коллективизации грань между убеждением и принуждением почти стерлась.

Одной из особенностей всей кампании было стремление укрупнять колхозы — проявление той же гигантомании, что и в случае с совхозами. Гигантские колхозы были образованы в основных зерновых областях. Посевная площадь, принадлежащая самому крупному из них, составила 80 тысяч гектаров. Но основной целью создания колхозов, в отличие от совхозов, была не столько обработка целинных земель, сколько объединение уже существующих небольших колхозов и единоличных крестьянских хозяйств в более крупные хозяйственные единицы. Колхозы, охватывающие несколько деревень и несколько тысяч единоличных крестьянских хозяйств, были теми самыми кирпичами, из которых возводился фундамент коллективизации; их создание означало, что вся земля в каком-либо определенном районе сливается в один или несколько крупных колхозов; такие территории объявлялись "районами сплошной коллективизации". Много шуму в печати вызвало обращение Хоперского района в Нижнем Поволжье. Этот район заявил о своем намерении стать районом сплошной коллективизации в течение первой пятилетки. Это решение приводилось всем в пример. Но на пути распространения колхозов стояли два крупных препятствия: их непопулярность среди большинства крестьян, которые цепко держались за свои собственные клочки земли и скот, и нехватка тракторов и другой сельскохозяйственной техники, наличие которых, собственно, и придавало смысл и цель политике коллективизации. Еще одним серьезным затруднением была нехватка людей — членов партии и советских чиновников, поддерживающих связи с деревней либо хорошо знакомых с ее проблемами, а также агрономов, ветеринаров и квалифицированных механиков, совершенно необходимых для осуществления крупномасштабных преобразований.

Неразбериха, порожденная всем этим, а также волнения, время от времени вспыхивающие среди крестьян, поставили под угрозу весеннюю посевную кампанию и напугали власти. 2 марта 1930 г. в газетах появилась статья Сталина "Головокружение от успехов", которая призывала притормозить дальнейшую коллективизацию. Давление было ослаблено: на протяжении той весны многим крестьянам, которых насильно заставили вступить в колхозы, позволили выйти из них. Опять стали терпимо относиться к мелкому единоличному хозяйству, разрешили держать небольшое количество скота. Команда к отступлению, по-видимому, поступила

очень вовремя: весенняя посевная прошла более или менее нормально. Этот удачный шаг в сочетании с удивительно благоприятной погодой привел к тому, что осенью 1930 года был получен рекордный урожай зерна за все послереволюционные годы. Но резкое уменьшение поголовья скота сыграло в будущем зловещую роль. Передышка поэтому оказалась короткой. Удары, нанесенные крестьянству в первые месяцы года, уже переломили хребет крестьянского сопротивления и невосполнимо разрушили старый крестьянский уклад. Кулак был изгнан или сломлен. В районах сплошной коллективизации специальный декрет от 30 июля 1930 г. официально упразднял крестьянский мир, или общину. Когда в конце года коллективизация возобновилась, сопротивление было уже гораздо менее активным и процесс пошел гораздо быстрее. К середине 1931 года уже две трети всех хозяйств в основных зерновых областях страны вошли в состав колхозов, а в течение нескольких последующих лет к ним присоединились и все остальные хозяйства.

За эти преобразования пришлось немедленно и в полной мере расплачиваться. Производство было дезорганизовано. Самых умелых и крепких производителей вышвырнули вон. Хотя поставки тракторов и другой сельскохозяйственной техники постепенно увеличивались, колхозы еще не имели достаточного количества техники, чтобы удовлетворить свои потребности. Однако хлебозаготовительная кампания стала более эффективной; из колхозов удалось извлечь гораздо больше зерна, чем из единоличных хозяйств. Крестьяне начали голодать. Забивали все больше скота, поскольку его нечем было кормить. Катастрофу увенчали плохие урожаи 1931 и 1932 годов. Государство безжалостно требовало зерна, даже с районов, сильнее всего пострадавших от неурожая; и в течение последующей зимы на самые зерновые области обрушился голод, по масштабам превосходящий тот, который стране довелось испытать 11 лет назад, сразу после гражданской войны (см. с. 44). Невозможно подсчитать, сколько людей умерло от голода. Цифры колеблются от 1 до 5 миллионов.

Коллективизация завершила революцию в деревне, которая началась в 1917 году с захвата земель помещиков крестьянами, но которая не изменила традиционных методов обработки земли и не тронула старого крестьянского уклада. Конечная ступень революции, в отличие от первой, не имела ничего общего со стихийным крестьянским бунтом. Сталин метко назвал ее "революцией сверху", но неправомерно добавил, что она "была поддержана снизу". В течение преды-

дущих 12 лет сельское хозяйство оставалось почти независимым образованием в экономике, действующим по своим законам, сопротивляющимся всем попыткам извне изменить направление его развития. В этом была суть нэпа. Это был нелегкий компромисс, который не продлился долго. Как только могущественная центральная власть в Москве взяла в свои руки планирование и реорганизацию экономики и вступила на путь индустриализации, как только стала очевидной неспособность существующей системы сельского хозяйства обеспечить нужды быстро растущего городского населения, неизбежно последовал разрыв отношений. Обе стороны сражались с одинаковой яростью и ожесточением.

Те, кто занимался планированием, ставили своей задачей применить к развитию сельского хозяйства два основных принципа индустриализации и модернизации. Совхозы были задуманы как механизированные зернофабрики. Крестьянские массы предстояло организовать в колхозы по аналогичной модели. Но нелепые надежды на то, что удастся обеспечить достаточное количество тракторов и другой техники для осуществления этих проектов, потерпели крах. У партии никогда не было твердых позиций в деревне. Ни руководители, принимающие решения в Москве, ни армия рядовых членов партии и их последователей, которые отправились в деревню, чтобы претворить эти решения в жизнь, не имели представления о том, что такое крестьянское мышление, не питали ни малейшего сочувствия к тем древним традициям и предрассудкам, которые лежали в основе крестьянского сопротивления. Взаимное непонимание было полным. Крестьяне видели в московских эмиссарах захватчиков, которые прибыли к ним не только для того, чтобы уничтожить тот образ жизни, которым они дорожили, но и для того, чтобы восстановить те рабские условия жизни, от которых их освободила первая стадия революции. Сила была на стороне властей, и она применялась жестоко и безжалостно. Крестьянин — и не только кулак — стал жертвой почти неприкрытой агрессии. То, что планировалось как великое достижение, обернулось величайшей трагедией, которая запятнала историю Советов. Тех, кто трудился на земле, коллективизировали. Но советскому сельскому хозяйству понадобилось много лет, чтобы оправиться от ужасов, сопровождавших коллективизацию. Только в самом конце 30-х годов удалось поднять производство зерна до уровня, достигнутого до начала форсированной коллективизации, а потери в поголовье скота упорно напоминали о себе гораздо дольше.

Модели диктатуры

Разгром объединенной оппозиции на партийном съезде в декабре 1927 года устранил последнее труднопреодолимое препятствие на пути Сталина к абсолютной власти. Внутри самой оппозиции очень скоро обнаружился раскол. Уже на съезде поведение Каменева походило на капитуляцию. А спустя месяц Зиновьев и Каменев заявили, что порвали с группировкой Троцкого, отвергают ее политику и теперь их девиз — "назад к партии, назад к Коминтерну". За ними на сторону победителей перебежали и другие, в том числе некоторые ближайшие сторонники Троцкого. Этот поток хлынул с большей силой, когда стало ясно, что предстоит новый поворот официальной политики. Троцкий перед этим в частных разговорах выражал уверенность, что победа Сталина и Бухарина станет преддверием резкого поворота вправо. Однако произошло совершенно обратное. Уже первые месяцы хлебозаготовительной кампании 1928 года показали, что Сталин отказался от политики уступок крестьянству, против которой так выступала оппозиция.

Едва Троцкий был изгнан из партии и из Москвы, Сталин немедленно стал проводить форсированную индустриализацию с такой скоростью и нанося такие удары по другим областям экономики, о которых никогда бы не додумался ни Троцкий, ни кто-либо другой. Изгнанники, томившиеся в Сибири, могли теперь убеждать себя, что Сталин принял политику оппозиции и что отныне они должны оказывать поддержку тем, кто проводит эту политику. Таким образом они готовили себе почву для почетной капитуляции. На отступников воздействовали и кнутом, и пряником. В июне 1928 года Зиновьев, Каменев и еще примерно около сорока раскаявшихся были восстановлены в партии.

В течение всего этого года Троцкий из Алма-Аты вел переписку с изгнанниками, разбросанными по всей Сибири; и стремился со все ослабевающим успехом усилить их сопротивление. Он был особенно уязвлен, когда Преображенский и Радек, которых он до этого считал своими самыми надежными сторонниками, объявили о несогласии с ним и начали вести переговоры с Москвой. Из всех выдающихся лидеров оппозиции только Раковский по-прежнему разделял убеждение Троцкого, что личная диктатура Сталина и деградация партии являются важнейшими вопросами, по которым компромисс просто невозможен. Сам Троцкий был неутомим. Летом 1928 года он отправил в секретариат Коминтерна обширный критический материал относительно проекта программы Коминтерна, представляемого на обсуждение конгресса; этот материал невозможно было утаить от иностранных делегатов. Троцкий резко нападал на теорию построения социализма в одной стране, которую считал первопричиной всех бед в политике Коминтерна. Для Сталина Троцкий, даже находящийся в изоляции в отдаленном уголке Советского Союза, по-прежнему был символом раскола и организационного сопротивления его власти; и Сталин решил избавиться от него. Засадить одного из героев революции за решетку тогда было совершенно немыслимо — время "великих чисток" не наступило. Задача состояла в том, чтобы найти место, куда его можно было бы отправить. Ни в Германии, ни в любой другой европейской стране столь знаменитого революционера не приняли бы. Однако оказалось, что против этого не возражает Турция, и в январе 1929 года Троцкого под конвоем препроводили в Одессу и посадили на корабль, направляющийся в Стамбул. Примерно года на четыре он обрел убежище на острове Принкипо.

Не известно, переоценил Сталин вред, который ему нанес Троцкий, неустанно ведя кампанию против него за рубежом, но ясно было, что внутри СССР он избавился от последнего серьезного соперника. Группировки внутри партии, которые еще пытались противостоять ему, не представляли для монополии его власти никакой опасности. Они не могли сплотить своих единомышленников и, как и объединенная оппозиция, не выработали свою собственную позитивную программу. Но и объединенная оппозиция, и более поздние внутрипартийные группировки, обличая бюрократию и подавление независимого мнения, пользовались тра-

диционным набором формулировок. "Наши разногласия со Сталиным, — заявил Бухарин Каменеву в июне 1928 года, — гораздо серьезнее, чем те, что были у нас с вами". Но, строго говоря, это было не совсем так. Между разногласиями Бухарина со Сталиным и Каменева со Сталиным было существенное различие, отчасти связанное с изменением линии поведения Сталина после его победы в конце 1927 года. Троцкий, Зиновьев и Каменев критиковали Сталина за предательство революционных целей, за компромисс с кулаками внутри страны, националистами и социал-демократами за границей — это была атака слева. Бухарин, Рыков и Томский были недовольны той поспешностью и жестокостью, с которой Сталин осуществлял революционные цели, и искали способ умерить его размах — можно сказать, используя терминологию того времени, что это была атака справа. Кроме того, более поздние критики сталинской политики, как и оппозиция задолго до них, вовсе не отделяли себя от партии. Обычно их обвиняли не в оппозиционности, а в "уклоне".

Через несколько недель после разгрома объединенной оппозиции начала формироваться новая группировка "правого уклона". Это было задолго до изгнания Троцкого из СССР. Рыков, который в течение долгого времени имел в партии репутацию правого, открыто выразил свое недовольство, разделяемое многими членами партии, методами принуждения хлебозаготовительной кампании января — февраля 1928 года. Бухарин же не торопился открыто объявить свою позицию. Он рука об руку со Сталиным боролся против Троцкого. Но когда с оппозицией было покончено и Бухарин уже был больше не нужен, Сталин начал подрывать его влияние. Уже на декабрьском съезде, на котором из партии исключили оппозиционеров, делались тонкие намеки на то, что Бухарин пренебрегает так называемой "правой опасностью". Формально эти слова относились к делам Коминтерна, но за этим стояло нечто большее. В мае 1928 года Сталин выступил с речью в Институте красной профессуры, директором которого был Бухарин, и набросился на предложения сбавить темпы индустриализации. Сталин говорил о необходимости крепить колхозы и совхозы и исправить ошибки, допущенные в кампании по сбору зерна. Хотя имя Бухарина не упоминалось, намек был достаточно ясным. Примерно в это же время Бухарин направил в Политбюро две записки, в которых высказывал сомнение в необходимости быстрых темпов

индустриализации, давления, которому в результате подвергалось крестьянство, а также в целесообразности коллективного ведения сельского хозяйства. Томскому тоже не нравилось, как индустриализация сказывалась на жизни рабочих, он ощущал неловкость от роли, которую ему отвели в профсоюзах. Бухарин, помимо всего прочего, занимал пост ответственного редактора газеты партии "Правда", а также был членом редакционной коллегии журнала "Большевик". Состав редколлегии обоих печатных органов был значительно изменен с совершенно откровенным намерением подорвать авторитет Бухарина. На решающем пленуме Центрального Комитета, состоявшемся в июле, лишь трое — Рыков, Бухарин и Томский, которые были членами Политбюро, противостояли текущей политике партии. Бухарин благодаря своей репутации ведущего партийного теоретика и выдающегося оратора выступил как лидер группы.

Момент для открытого разрыва еще не созрел. Пленум чисто внешне закончился компромиссом, была сохранена видимость единства взглядов всех членов Политбюро. Но Бухарин уже понял, в чем дело. Пока шел пленум, он с ведома Рыкова и Томского тайно посетил Каменева и предложил ему, объединившись с остатками оппозиции, выступить против Сталина. Он отозвался о Сталине как о Чингисхане, который "подождет, пока мы все начнем дискуссию, а затем перережет нам всем глотки". Это был жест запоздалый и тщетный: объединенная оппозиция была уже напрочь разбита, Каменев сломлен, сам же Бухарин был плохим тактиком. Но когда Сталин узнал о демарше Бухарина, он наверняка укрепился в своем намерении сокрушить и унижить Бухарина. Спустя некоторое время, в июле, Бухарин председательствовал на VI конгрессе Коминтерна. Сталин публично унижил Бухарина, настаивая на поправках к тезисам, которые он представил на конгресс, и нарочито пренебрежительным тоном в обращении к нему. Многие делегаты конгресса поняли, что звезда Бухарина закатывается. В конце сентября он пошел ва-банк — опубликовал свою статью "Записки экономиста" — и уехал в отпуск. Но не сделал никакой попытки организовать себе поддержку и оставил поле боя не защищенным от мощной пропагандистской кампании против своих взглядов, хотя никто из тех, против кого была направлена критика, не был назван по имени. Пленум ЦК, состоявшийся в ноябре, опять внешне закончился compro-

миссом (см. с. 151). Но на этот раз компромисс был уже делом рук Бухарина, которому пришлось отступить, потерпев сокрушительное поражение, чтобы сохранить видимость формального единства.

Томский оказался менее гибким и первым из троицы стал жертвой публичного шельмования. В декабре 1928 года, спустя месяц после поражения на пленуме Центрального Комитета, Томский открыл VIII съезд профсоюзов СССР, даже не попытавшись согласовать спорные вопросы. Однако было совершенно очевидно, что ни он сам, ни другие профсоюзные лидеры не проявляют особого желания обсуждать проблему индустриализации. "Правда" обвинила профсоюзы в аполитичности проводимой ими линии, то есть в том, что они сосредоточивают свое внимание на повседневных интересах рабочих и пренебрегают "новыми задачами периода реконструкции". Политбюро выразило свое решительное намерение поставить Томского на место, назначив Кагановича, одного из самых рьяных приспешников Сталина, представителем ЦК партии в ВЦСПС. Томский позволил себе мужественный, но бесполезный жест, за который и был жестоко наказан: покинул свой пост председателя ВЦСПС и не присутствовал на заключительном заседании съезда. Хотя три месяца спустя он был восстановлен в качестве члена ВЦСПС, но уже больше никогда не появлялся на профсоюзной арене.

Бухарину удалось продержаться ненамного дольше. В январе 1929 года, доведенный до отчаяния, он еще два раза встретился с Каменевым, но безуспешно; во внутренних партийных кругах от самого Каменева уже знали об их предыдущей встрече. Разрыва было уже не избежать. И он произошел в конце января, на объединенном заседании Политбюро ЦК и президиума ЦКК. Трое несогласных подали в отставку; Бухарин открыто выступил против Сталина, хотя и не называя его имени, протестовал против деспотической власти партии и против того, что руководство партией осуществляется одним человеком. Сталин в ответ язвительно напомнил Бухарину о зигзагах его биографии, о его юношеских спорах с Лениным и осудил "правооппортунистическую и капитулянтскую" платформу отступников. В решении, принятом на этом заседании 9 февраля, повторялся перечень грехов Бухарина; он обвинялся в нелояльности по отношению к партии. Но это решение не было ни опубликовано, ни официально доведено до сведения Центрального Комитета пар-

тии, поэтому положение Бухарина внешне оставалось таким же, как и прежде. И только в апреле, когда состоялся объединенный пленум Центрального Комитета и ЦКК, Сталин еще раз выступил с широким набором огульных обвинений в адрес Бухарина за все его прошлые прегрешения; решение от 9 февраля было подтверждено, и Бухарина освободили от поста ответственного редактора "Правды" и от дальнейшей работы в Коминтерне, а Томского — от работы в ВЦСПС. Но это было только чисто официальное оформление уже существующей ситуации. После пленума Молотов довел его решения до сведения собравшихся на партийную конференцию, чтобы обсудить и одобрить первый пятилетний план. Но ни выступление Молотова, ни резолюция, одобряющая принятие решения, опубликованы не были. Ни в прессу, ни в широкую публику не просочилось ни единого слова о падении Бухарина.

Такая чрезмерная осторожность была характерной для Сталина, который не считал Бухарина опасным соперником и не видел нужды в нагнетании обстановки. Но это была также дань популярности Бухарина среди рядовых членов партии, многие из которых, особенно в деревне, разделяли его умеренные взгляды. Впервые об этом заговорили в июле 1929 года на X пленуме ИККИ. Вначале никто не обратил внимания на отсутствие Бухарина, во всяком случае, вслух об этом не говорилось. Но в середине заседания Молотов выступил с обвинением в адрес трех отступников, особенно в адрес Бухарина, который оказался "правым уклонистом" и нападал "на нашу социалистическую экономику". После этого к Молотову присоединился дружный хор множества делегатов, как советских, так и иностранных; в конце пленума была принята резолюция, осуждающая Бухарина и поддерживающая решение Центрального Комитета отстранить его от дальнейшего участия в работе Коминтерна и его органов. Но опять-таки эта резолюция не была опубликована вместе с остальными и появилась в "Правде" только спустя несколько недель. К этому времени, однако, в прессе развернулась шумная кампания осуждения. На пленуме Центрального Комитета в ноябре 1929 года эта кампания достигла пика. Трое отступников были вынуждены подписать отречение от своих убеждений, и оно было опубликовано в "Правде". Бухарина вывели из состава Политбюро, Томского и Рыкова только пожурили и предупредили, чтобы впредь вели

себя достойно. Так постепенно этих людей дискредитировали, а сами они становились беспомощными и безобидными...

Спустя месяц, 21 декабря 1929 г., Сталин праздновал свое 50-летие. Это событие сфокусировало и высветило те тенденции, которые постепенно сложились в результате его борьбы с соперниками и восхождения к высшей власти. С первого момента назначения Сталина на пост генерального секретаря партии в последний год активной жизни Ленина его сила крылась в жестком, неослабном и тонком управлении партийным аппаратом, который контролировал назначения на ключевые посты в партии и в государстве. Личное одобрение Сталина открывало прямой путь к продвижению. Он собрал вокруг себя группу преданных приспешников — по большей части второразрядных партийных руководителей, чья политическая карьера была тесно связана с его собственной и которые были бесконечно обязаны ему лично. Благодаря политике набора в партию, начатой в 1924 году под названием "ленинский призыв", удалось выстроить партийные ряды из надежных работников, известных своей готовностью беспрекословно подчиниться партийной линии.

В области партийной теории, где он был слабее, Сталин из всех сил старался представить себя не как новатора, а как преданного ученика Ленина, хранителя партийного вероучения. Приписывание теории построения социализма в одной стране Ленину было ложью — Сталин стремился укрепить свой авторитет за счет авторитета учителя. Аналогичным образом, но уже по отношению к нему поступало его окружение. Слова Сталина, как и слова Ленина, часто цитировались в прессе и в речах его последователей, к ним прибегали как к высшему авторитету. Повсюду в общественных местах появились портреты Сталина, часто они висели рядом с портретами Ленина. Это достигло апогея в чествованиях по случаю 50-летия Сталина, которые были отмечены беспрецедентным до того времени проявлением низкопоклонства и восхвалением лично Сталина.

Характер правления Сталина по множеству признаков отличался от всего, что можно было только представить возможным при Ленине. Сталин обладал тщеславием, вовсе чуждым Ленину: ему было недостаточно просто занимать должность со всеми ее официальными атрибутами — он требовал абсолютного повиновения и признания собственной непогрешимости. Ни в прессе, ни даже в специальных журналах не мог промелькнуть даже намек на открытую критику или недовольство. Дискуссии по текущим вопросам,

которые все еще продолжались, сводились к безвкучному и однообразному восхвалению вождя и ликованию по случаю достижений, чаще всего мифических. Сталин стал фигурой, удаленной от всех, изолированной, возвышенной над обыкновенными смертными и даже над своими ближайшими коллегами. Судя по всему, он был начисто лишен теплых чувств к своим товарищам; он был жестоким и мстительным по отношению к тем, кто шел против его воли, вызывал его недовольство или антипатию. Преданность Сталина марксизму и социализму была весьма поверхностной. Социализм, по его представлению, не произрастал из объективной экономической ситуации и из восстания классово сознательных рабочих против давящего господства капитализма. Это было нечто, насаждаемое сверху, произвольно и насильно. Сталин презирал народ; ему были безразличны понятия свободы и равенства; он не верил в перспективу революции в любой другой стране за пределами СССР. Сталин был единственным членом Центрального Комитета, который еще в январе 1918 года утверждал, споря с Лениным, что "революционного движения на Западе нет".

Приверженность теории построения социализма в одной стране — хотя те идеи, которые выкристаллизовались в новую доктрину, и не принадлежали целиком Сталину — была очень выгодна ему. Это позволяло ему сочетать исповедование социализма с русским национализмом — единственным политическим течением, которое по-настоящему задевало его душу.

В отношении Сталина к национальным меньшинствам и малым народам национализм легко перерастал в шовинизм. Вновь стали слышны нотки застарелого русского антисемитизма, против которого так резко выступали Ленин и первые большевики. Хотя официально антисемитизм настойчиво осуждался, тон этих осуждений становился все менее убедительным. В искусстве и литературе новаторство и тяга к эксперименту первых лет революции уступили дорогу традиционным русским образам и стилям, навязываемым все более строгой цензурой. Марксистские школы истории и юриспруденции были в опале. Видеть в настоящем преемственность с русским прошлым уже больше не считалось зазорным. Идея построения социализма в одной стране перекликалась со старой идеей исключительности русского народа, отрицавшейся в свое время как Марксом, так и Лениным. Сталинский режим не так уж нелепо смотрелся в контексте русской истории.

Втискивание революции в прокрустово ложе национализ-

ма имело и обратную сторону. Было бы несправедливо изображать Сталина как человека, которым двигало лишь стремление к личной власти. Он направлял всю свою неутомимую энергию на превращение примитивной крестьянской России в современную индустриальную державу, способную выступать на равных с крупными капиталистическими государствами. Необходимость "догнать и перегнать" капиталистические страны стала навязчивой идеей Сталина, именно она вдохновила его на яркие пассажи, столь редкие в его бесцветной прозе. Это она водила его пером, когда в ноябре 1929 года он писал патетическую концовку своей юбилейной статьи "Год великого перелома": "Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую "расейскую" отсталость."

Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации.

И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, — пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей "цивилизацией". Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда "определить" в отсталые и какие в передовые".

Дальше, уже более трезво, он рисует картину России, которую "непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны". И заключает: "Мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут".

Удивительное сочетание преданности идее индустриализации и модернизации экономики, которая пришлась по сердцу убежденным марксистам, видевшим в этом жизненно важный шаг на дороге к социализму, и идее возрождения мощи и престижа русского народа, которая была по душе армии, бюрократической и технократической верхушке, всем поступившим на службу к новому строю, уцелевшим представителям старого режима, дало Сталину несокрушимую власть над партией, правительством и другими органами управления страной. Было бы ошибкой приписывать все это только политической мудрости Сталина или же умению его аппарата, или же жесткости, с которой подавлялось инакомыслие. Не только те, кто в 1928—1929 годах отрекся от оппозиции, считали, что несгибаемая решимость Сталина в достижении издавна намеченных целей оправдывала жесткие методы, которые он использовал, чтобы силой навязать

проведение своей политики. Некоторые утверждали, что иным путем достичь намеченных целей нельзя; другие считали, что для этого необходима сильная власть Сталина и поэтому нужно терпеть неприятные стороны его характера. Тот факт, что это была революция сверху и что она обрушила самую тяжелую ношу на плечи именно тех классов, ради которых, как громогласно заявлялось, она и была совершена, мало кого смущал. Нужно совершить большой скачок — этой грандиозной задачей были захвачены многие члены партии и те, кто так или иначе был занят осуществлением великого плана. Ко всему остальному эти люди были равнодушны. Это было общество, которое привыкло отождествлять правительство с угнетением и считать его неизбежным злом.

К своему 50-летию Сталин достиг вершины честолюбивых мечтаний. Уже многое подтвердило опасения Ленина в том, что власть в руках Сталина обернется грубым произволом. Он уже показал необыкновенную безжалостность, навязывая свою волю и подавляя сопротивление этой воле. Но полный расцвет его диктатуры был еще впереди. Ужасы коллективизации, концентрационных лагерей, знаменитых показательных судов, массовые убийства, с судом или без суда, не только прошлых соперников, но и многих, кто помог ему прийти к власти, жесткое подчинение прессы, искусства и литературы, истории и науки единообразной ортодоксии, подавление любой критической мысли покрыли советский режим таким позором, который невозможно было смыть победой в войне и ее последствиями. После смерти Сталина у его соотечественников не сложились устойчивые оценки в отношении его роли и личности, что, по-видимому, отражает смешанное и противоречивое чувство восхищения и стыда. Эту двойственность будут, по-видимому, испытывать еще довольно долго. Говоря о Сталине, часто вспоминают о Петре Великом, и эта аналогия удивительно уместна. Петр тоже был человеком необыкновенной энергии и крайне бурного темперамента. Своей жестокостью он превзошел всех русских царей; его поступки вызывали отвращение у историков, которые впоследствии изучали его биографию. Тем не менее его успехи в насаждении западных норм, во внедрении в примитивную Россию материальных достижений современной цивилизации, то, что он ввел Россию в круг европейских государств, — все это вынудило историков, хотя и неохотно, признать его право на величие.

Сталин был жесточайшим деспотом, которого Россия не знала со времен Петра, и так же, как и Петр I, он ориентировался на Запад.

СССР и страны мира (1927-1929)

В течение двух лет после разрыва с Великобританией в мае 1927 года, после падения китайского революционного правительства и прекращения советского участия в делах Китая во внешней политике Советского Союза наступило затишье. Москва несколько раз делала попытки наладить отношения с правительством Великобритании, но встречала враждебный отпор. Переговоры с Францией о долгах и кредитах были прерваны, а французское правительство, хотя и не прекратило дипломатических отношений с Советским Союзом, нашло предлог, чтобы потребовать отзыва советского посла Раковского. Отношения с Германией на некоторое время также ухудшились, поскольку она подписала Локарнские договоры и вошла в состав Лиги Наций; вспышки неприязни время от времени осложняли неровное течение советско-германских отношений. Но, поскольку в их основе лежали тайные военные договоры, поскольку Германия стремилась избежать исключительно западной ориентации, поскольку обе страны были враждебно настроены к Польше, отношения между СССР и Германией продолжали оставаться более тесными и более плодотворными, чем со всеми другими странами. Отношения с Польшей постоянно ухудшались с тех пор, как в мае 1926 года Пилсудский совершил переворот: Советы боялись, что Пилсудский станет послушным исполнителем антисоветских замыслов западных держав; затем они еще более осложнились настойчивой, хотя и безуспешной, попыткой Польши сколотить и возглавить союз с другими западными соседями СССР — Финляндией, Прибалтийскими государствами и Румынией. Непростые отношения сложились и с Японией — и потому, что Япония вела непонятную игру в Китае, и потому, что она через своего став-

ленника китайского военачальника Чжан Цзолиня ревностно осуществляла контроль над Маньчжурией.

Как ни странно, самым важным для советской дипломатии в то время было участие в международной жизни в Женеве. До этого отношения Советов с Лигой Наций ограничивались слабой связью с ее организацией по здравоохранению. Лига Наций всегда осуждалась в Москве как неотъемлемая часть и детище грабительского Версальского мира, заключенного в 1919 году, и как ширма для военных приготовлений входящих в нее союзных стран. Лигу Наций предавали анафеме, но теперь, когда в нее вошла и Германия, нельзя было стоять в стороне от международных событий, иначе СССР остался бы в одиночестве. В мае 1927 года в Женеву на международную экономическую конференцию впервые прибыла представительная советская делегация. Советская делегация принимала активное участие и в пленарных заседаниях, и в работе комиссий. Она бичевала пороки капитализма и защищала монополию внешней торговли, но призывала к "мирному сосуществованию двух экономических систем". Несмотря на отсутствие конкретных результатов, у обеих сторон сложилось впечатление, что установлены контакты, которые в дальнейшем можно будет развивать.

Гораздо больше шума наделало появление в Женеве спустя полгода советской делегации во главе с Литвиновым, заместителем наркома по иностранным делам, которая прибыла для участия в сессии подготовительной комиссии по разоружению. Литвинов приковал к себе всеобщее внимание, выдвинув предложение о полном и всеобщем запрещении всех видов военно-морских и военно-воздушных вооружений. Это был сенсационный шаг, вызвавший всеобщее смещение. Комиссия поспешила отложить дискуссию до следующей сессии, которая должна была состояться в марте 1928 года. На ней неутомимый Литвинов выступил с переработанным предложением поэтапного разоружения. Когда рассмотрение и этого предложения было отложено, он представил альтернативный проект ограничения вооружений, менее утопичный, чем два предшествующих, который шел гораздо дальше того, о чем помышляли западные державы. К проекту с некоторым сочувствием отнеслась лишь Германия, чьи вооруженные силы были жестко ограничены Версальским договором, а также Турция, только недавно вошедшая в состав комиссии. Такое развитие событий привело в замешательство большин-

ство делегатов, которые видели выход только в том, чтобы продолжать откладывать рассмотрение этих вопросов. С другой стороны, СССР и Литвинов как его представитель приобрели значительную популярность в радикально настроенных кругах западных стран, которые были заинтересованы в разоружении и недовольны бесплодной работой комиссии.

Следующий важный шаг в отношениях Советов с Западом был сделан летом 1928 года. Государственный секретарь США Келлог предложил подписать международный пакт, осуждающий войну "как средство национальной политики". Советский Союз не входил в число 15 стран, которые первоначально были приглашены принять участие в подписании пакта. Но когда 27 августа 1928 г., в день его подписания, СССР в числе других стран, не принимавших участия в подписании пакта, получил предложение присоединиться к нему, оно было немедленно и благосклонно принято. Более того, когда ратификация пакта западными державами была отложена, Советский Союз выступил с предложением, адресованным своим непосредственным соседям, подписать протокол о досрочном введении в действие "пакта Келлога". Этот протокол был с большой помпой подписан в Москве 9 февраля 1929 г. СССР, Польшей, Латвией, Эстонией и Румынией, позднее к нему присоединились Литва, Турция и Иран.

Во всех этих маневрах явственно проступает почерк Литвинова. Литвинов теперь фактически заменил Чичерина на посту народного комиссара по иностранным делам, хотя официально занял этот пост только в 1930 году. Чичерин, эксцентричный отпрыск старинного рода, вступивший в партию, в свое время завоевал доверие Ленина. Но между ним и Сталиным существовала сильная взаимная неприязнь. Сталин предпочитал Литвинова с его более жестким и решительным характером. В 1928 году Чичерин, который был к тому времени серьезно болен, удалился от дел. Эта перемена имела важное значение, потому что Чичерин не доверял западным странам, особенно Великобритании, откуда его с позором выдворили в 1918 году, и чувствовал себя уютно только в Германии. Литвинов же провел в Англии много лет, свободно говорил по-английски и был женат на англичанке. В течение нескольких лет Литвинов небезуспешно трудился, насколько это позволяли жесткие рамки советской политики, над тем, чтобы сблизить Советский Союз с западным миром.

Еще со времен всеобщей забастовки 1926 года из-за нелестных высказываний известных политических деятелей Великобритании в Москве сложилось представление о Великобритании как о самом непримиримом враге СССР. Отношение правительства консерваторов к Советам в этот период основывалось на глубоком недоверии и желании как можно меньше иметь с Москвой дел. Однако к концу 1928 года оказалось, что такая враждебная политика не приносит никаких результатов, и постепенно наступило потепление. В то время как Америка и Германия начинали уже обгонять Великобританию по уровню современной индустриальной технологии, Великобритания к тому же теряла свои рынки в СССР, что было для нее катастрофой, причину которой видели в разрыве отношений между двумя государствами. В конце марта 1929 года группа из 80 английских бизнесменов отправилась с визитом в Москву. Они получили теплый прием и несколько заказов. В Великобритании близились выборы. И консерваторы, и либералы включили в свою избирательную платформу пункт о возобновлении отношений с Советами. Самой сильной оказалась лейбористская партия. Она сформировала правительство, которое и выполнило ее наказ. После некоторого промедления к концу года отношения между двумя странами были полностью восстановлены. Но примирение это было весьма поверхностным, оно не сняло подспудного напряжения в отношениях между СССР и западным миром.

Отношения с Соединенными Штатами были двусмысленными и весьма специфическими. Советские лидеры понимали, что США быстро вытесняют Великобританию с позиций крупнейшей капиталистической державы; некоторые полагали, что это приведет к возникновению острой неприязни между двумя англоязычными странами. Однако, несмотря на враждебность, которую единодушно проявляли к СССР и американское правительство, и Американская федерация труда, и американская пресса, реакция в Москве была на удивление спокойной, в ее отношении к США сквозили восхищение и зависть к достижениям американской промышленности. Соединенные Штаты были самой передовой страной мира в области индустриальной техники, массового производства и стандартизации; СССР стремился к созданию крупных производственных единиц, что уже было достигнуто в США, в этом смысле американский путь развития очень импони-

ровал Советам, это сближало СССР с Америкой, как ни с одной другой страной. Опора на американскую технику и оборудование — важный фактор советской политики индустриализации. Начиная с 1927 года Соединенные Штаты стали соперничать с Германией как с главным поставщиком в СССР промышленных товаров.

Еще более примечательным было широкое использование в СССР американских инженеров. В Советском Союзе с самого начала возникла проблема обеспечения заводов и шахт квалифицированными инженерами и техниками. Многих из тех, кто выполнял эти функции до революции, уже не было. Лояльность оставшихся была сомнительной. Подготовить им замену фактически не было возможности. В первые годы советской власти в советской промышленности работало много инженеров из Германии. Но с принятием первого пятилетнего плана и по мере развития советской промышленности возникла потребность в более квалифицированных кадрах, и этот пробел в основном стал заполняться американскими инженерами. Днепрострой — лишь один из нескольких крупных строительных проектов, спланированных и осуществленных американскими главными инженерами, которые привезли свой рабочий персонал. Советские власти ограждали их от возможных взрывов ревности со стороны русских коллег и доверяли умению и лояльности американцев гораздо больше, чем старорежимным русским инженерам. К 1929 году в СССР работало несколько тысяч высококвалифицированных американских инженеров. Считалось, что этого количества явно недостаточно, и предполагалось пригласить еще больше американцев. Враждебность официальных кругов США к Москве не таяла, однако в области промышленности и коммерции в отношениях между двумя странами были достигнуты серьезные успехи.

Деятельность Коминтерна, которую направляли во всех серьезных вопросах те же самые люди, что руководили советской политикой в целом, отражала трудности и двусмысленность внешней политики Советского Союза того периода. В 1927 году в директивах Коминтерна все еще с успехом фигурировал "единый фронт", то есть сотрудничество коммунистов с другими левыми партиями и группировками в капиталистических странах. Но в это время с позором потерпели неудачу два самых широко известных экспе-

римента в области тактики единого фронта — союз Коммунистической партии Китая с Гоминьданом и Англо-русский комитет профсоюзного единства (см. с. 105, 109). Бывшие партнеры, с которыми в рамках этих экспериментов искали сотрудничества, теперь были объявлены предателями, и от идеи единого фронта в прежнем значении молчаливо отказались. Раскол произошел в момент резкого ухудшения отношений СССР с западными державами, когда советские лидеры очень боялись, что начнется война; поворот Коминтерна влево был, по-видимому, естественным результатом отказа советской дипломатии от тактики примиренчества, а также результатом того, как складывались отношения коммунистических партий с другими левыми партиями капиталистических стран. То, что Сталин, разбив объединенную оппозицию, теперь во внутренних делах страны занял более левую позицию и собирался начать атаку на Бухарина и правых уклонистов, было всего лишь совпадением, которое хорошо укладывалось в общую картину.

Начиная с 1928 года в деятельности Коминтерна четко прослеживалась новая линия. Официальные признания того, что капиталистические страны достигли стабилизации, пусть "временной", "относительной" и "нестабильной", звучали все реже, но недоброжелательнее. Классовый антагонизм усугублялся, "класс против класса" — лозунг того периода. Появилась новая концепция единого фронта: теперь это понятие подразумевало сотрудничество рядовых членов социалистических и социал-демократических партий с целью сбросить морально разложившихся лидеров, предающих их интересы. На VI конгрессе Коминтерна, который собрался в июле 1928 года, — это был первый конгресс за четыре года и самый длинный из всех предыдущих — были выделены три важных этапа в истории Коминтерна. Первый, 1917 — 1921 годы, — время острой революционной борьбы; второй, 1921 — 1927 годы, — возрождение капитализма. В третьем периоде, выделенном конгрессом, растущие противоречия капитализма свидетельствовали о его неминуемом грядущем крахе, что откроет новые перспективы развития революции. Злейшим врагом коммунизма были теперь занявшие выжидательную позицию социал-демократы. Немецкие делегаты без обиняков называли их "социал-фашистами", в резолюции конгресса отмечалось, что в их программе есть кое-что от фашистской идеологии; новая программа

Коминтерна, принятая на конгрессе, заклеила социал-демократию и фашизм как близких по духу агентов буржуазии. Пока шел конгресс, Литвинов осторожно подталкивал советское правительство принять решение по "пакту Келлога", о котором было объявлено еще до завершения конгресса. Ни один делегат конгресса от ВКП(б) не упомянул об этом пакте. Но ряд других партий, а также коммунистическая пресса Запада набросились на него — пакт, по их словам, лицемерно скрывает империалистическую агрессию; в резолюции конгресса, без упоминания "пакта Келлога", была ироническая реплика об "отмене войн" как примере "официального пацифизма, которым капиталистические правительства маскируют свои маневры". Совершенно явные расхождения между политикой правительства СССР и политикой Коминтерна объяснялись, вероятно, неопределенностью, различиями взглядов советских лидеров, которые так и не пришли к единому мнению. Но так или иначе, две политические линии развивались бок о бок: Наркоминдел и Коминтерн делали свое дело параллельно, не мешая друг другу.

В том, что в 1928 году был провозглашен "третий этап", падение Бухарина играло второстепенную роль. Его ссора со Сталиным касалась в основном экономических вопросов. Но его пребывание на официальном посту в Коминтерне ассоциировалось с примиренческой политикой единого фронта; поэтому после падения Бухарина линия резко повернула в противоположном направлении. Основным капиталистическим странам был поставлен диагноз "объективной революционной ситуации"; это было сделано до того, как начало мирового экономического кризиса могло дать хоть какие-то основания для подобного утверждения. Революционная классовая война была главной задачей всех коммунистических партий. Термин "социал-фашисты", придуманный в Германии, теперь применялся ко всем "реформистским" левым партиям; искать с ними компромисса или поддерживать их означало быть обвиненным в оппортунизме и правом уклоне. Эти указания привели в смущение коммунистические партии Западной Европы. В Англии и Франции они не помешали, однако, некоторым коммунистам выступить на выборах с поддержкой кандидатов от лейбористской и социалистической партий. В Германии этим указаниям следовали наиболее рьяно, и именно там они вызвали самые катастрофические последствия. Поддержка немецкими социал-демократами.

Локарнских договоров и западной ориентации в политике Германии вызвала непримиримую враждебность к ним и Советского Союза, и Коминтерна. Раскол между германскими коммунистами и социал-демократами углублялся, в дальнейшем он оказался настолько серьезным, что они не смогли его преодолеть даже перед неминуемой опасностью захвата власти Гитлером.

Разрыв отношений с другими левыми партиями нанес сокрушительный удар по практике организации интернациональных фронтов, в которых левые прокоммунистические партии приглашались сотрудничать с коммунистами в вопросах, представляющих общий интерес для всех (см. с. 101). Мюнценберг, активный и неутомимый немецкий коммунист, который был инициатором и руководителем всех этих совместных начинаний, считал необходимым выступить на VI конгрессе Коминтерна с заявлением о том, что такого рода деятельность не имеет ничего общего с оппортунистической политикой или правым уклоном. Но это трудно было совместить с теми разнузданными обвинениями в адрес социал-демократов, которые стали обычными для коммунистических партий. Все, кроме следования линии Коминтерна, было неприемлемым. В этой новой атмосфере захирела даже некогда пользующаяся большой популярностью Лига против империализма, и оказалось просто невозможным вдохнуть в нее тот живой энтузиазм, который бурлил при ее создании в 1927 году. Когда два года спустя во Франкфурте собрался второй (и последний) конгресс этой лиги, там уже полностью хозяйничала советская делегация, и те, кто сочувствовал ей, но не сочувствовал коммунистам, либо не появились на конгрессе, либо постепенно отошли в сторону. Международная Лига друзей Советской России, основанная в Москве в ноябре 1927 года во время празднования 10-й годовщины победы революции, тоже долго не просуществовала, хотя в Англии она продержалась дольше, чем в других странах. Последним из непартийных мероприятий, проведенных под эгидой Коминтерна, был конгресс антифашистов (Берлин, март 1929 г.).

Непосредственным следствием новой линии Коминтерна было ужесточение дисциплины в коммунистических партиях. Начиная с 1924 года, когда большевизация зарубежных партий была провозглашена целью Коминтерна, он время от времени пытался повлиять на выбор лидеров этих партий.

После 1928 года вмешательство Коминтерна стало прямым и постоянным. Осенью того же года ЦК Коммунистической партии Германии после финансового скандала принял решение сместить своего лидера Тельмана, который был обязан политической карьерой в основном поддержке из Москвы. Руководители Коминтерна отменили это решение. В начале 1929 года Коминтерн навязал польской партии в качестве руководителей наиболее покорных ему людей; вмешательство Коминтерна привело к расколу польских коммунистов. Тогда же лидеры американской компартии после личного вмешательства Сталина были просто исключены из ее рядов. Аналогичные перемены, более или менее явные, происходили и во французской, и в английской коммунистических партиях. Особенностью всех этих перемен было то, что на руководящие посты партий избирались люди исключительно рабочего происхождения: в Германии — Тельман, во Франции — Торез, в Великобритании — Поллит; все это, по-видимому, вполне согласовывалось с левым уклоном, теперь преобладавшим в Коминтерне, и было реакцией на неприятности прошлого, связанные с отступниками-интеллектуалами. Рабочие в этом отношении оказывались более податливыми. Новых лидеров приветствовали как левых; те, кого они сменили, осуждались как правые, однако пробным камнем соответствия кандидатуры новому посту было немедленное и безоговорочное подчинение Москве.

Это, однако, создало новую проблему. Решения Коминтерна были, по существу, решениями ВКП(б). Их можно было навязать партиям других стран (так оно и было), но в результате все больше и больше рабочих в этих странах отходили от Коминтерна, поскольку они не могли согласиться с насильственным и неуместным диктатом чужой и далекой от них силы. В конце 20-х годов коммунистическое движение в западных странах стало ослабевать, у него становилось все меньше сторонников, и оно теряло свое влияние. В Великобритании и США массы не поддерживали компартии. В Германии, Франции и Чехословакии коммунистическим партиям удалось лишь расколоть рабочее движение, но не подчинить его партии. Везде, где укреплялись связи партийных лидеров с Москвой, ослабевало их влияние на трудящихся. Эти потери были восполнены только в середине 30-х годов, когда политика Москвы радикально изменилась.

Самое важное событие в советской внешней политике произошло во второй половине 1929 года на Дальнем Востоке. В течение двух лет после катастрофы 1927 года советское правительство не имело никакого доступа к делам Китая. Компартия Китая состояла из нескольких подпольных групп, разбросанных по крупным городам. В декабре 1927 года уцелевшие остатки партии при поддержке Москвы совершили в Кантоне отчаянную попытку переворота, потерпевшую ужасающий провал. Это привело к дальнейшему уничтожению коммунистов и их сторонников. Примерно в это время лидер крестьянских коммунистов Мао Цзэдун и генерал-коммунист Чжу Дэ собрали в удаленном и труднодоступном горном районе на юго-западе Китая группу беженцев и безземельных крестьян, насчитывавшую несколько тысяч человек. Год спустя они начали устанавливать свою власть в округе, учреждая в сельской местности крестьянские советы. Мао во всеуслышание заявлял о своей преданности партии и Коминтерну. Но он поступал по-своему и не поддерживал связи с партийными лидерами, которые не доверяли движению, связывающему революционные надежды с крестьянами, а не с городскими рабочими. Тем временем Чан Кайши, чья враждебность к китайским коммунистам и к СССР несколько не ослабла, распространил власть националистического правительства Нанкина на большую часть территории Китая. Чжан Цзолинь, военачальник Маньчжурии, был убит летом 1928 года, а в конце того же года Чан Кайши договорился с сыном и преемником Чжан Цзолиня о воссоединении Китая под флагом Гоминьдана, при этом сохранялась автономия северных территорий.

Северные провинции, граничащие с советской территорией, уже давно служили источником беспокойства для Москвы. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), построенная царским правительством таким образом, что она проходила по китайской территории, была для обеих стран яблоком раздора (см. с. 109).

Дипломатические договоренности о китайских представителях в составе обслуживающего КВЖД персонала не помогли предотвратить целый ряд кризисов, возникших в связи с вопросом о контроле над железной дорогой. Относительное спокойствие, которое длилось примерно три года, нарушилось после того, как весной 1929 года китайцы осуществили ряд небольших набегов на железную дорогу.

27 мая китайцы напали на советское консульство в Харбине, где находилась штаб-квартира КВЖД; были арестованы служащие, захвачены документы, то есть в миниатюре повторилось все то же, что произошло с советским посольством в Пекине за два года до того. Заявления, сделанные в Нанкине, не оставляли никакого сомнения в том, что это нападение инспирировано Чан Кайши и является первым шагом к захвату железной дороги. В конце концов 10 июля китайская администрация захватила железную дорогу со всеми постройками, закрыла советскую торговую миссию и другие советские учреждения, находящиеся в Маньчжурии, арестовала советского генерального управляющего железной дорогой и выслала его вместе с 60 советскими служащими с китайской территории. Советское правительство после тщетных протестов наконец отозвало весь свой персонал КВЖД, прекратило железнодорожную связь с Китаем и потребовало отрыва из Советского Союза китайских чиновников.

Чан Кайши предполагал, что Советский Союз, как это было в 1927 году, будет громко протестовать, но сделать ничего не сможет. Это была серьезная ошибка, имевшая тяжелые последствия. Советский Союз не имел особых интересов в Центральном Китае, и ничего нельзя было сделать, чтобы их защитить. Поражение 1927 года было унижительным, но не влекло за собой материальных потерь. Лишиться же своего исторического положения в Маньчжурии, потерять дорогу, построенную силами русских инженеров на русском капитале, дорогу, которая служила прямой связью с Владивостоком, единственным советским портом на Тихом океане, — все это было бы сокрушительным ударом. Более того, Красная Армия к этому времени превратилась в действенную военную силу. Она не была экипирована для серьезной войны. Но, поскольку Япония в этой ссоре заняла позицию нейтралитета, советская армия вполне могла справиться с отрядами плохо вооруженных, необученных, недисциплинированных рекрутов, которые сражались друг против друга на китайской территории.

Чан Кайши предполагал, что западные державы отнесутся к его действиям против СССР так же благожелательно, как и два года назад. Это был второй его просчет. Страх перед коммунизмом ослаб, и английское лейбористское правительство как раз собиралось возобновить отношения с Советским Союзом. Агрессивность Чан Кайши напомнила

западным державам нечто очень им знакомое — нарушение китайскими военачальниками прав иностранных держав, обеспеченных договорами, и впервые западные страны сделали крутой вираж и поддержали советскую сторону.

Советское правительство решительно отказывалось вести какие-либо переговоры; оно требовало полного возвращения всего того, что было захвачено 10 июля, и восстановления советских прав на КВЖД. В августе Блюхер был назначен командующим Особой Дальневосточной армией, которая была значительно усилена. Единичные набеги через границу свидетельствовали о нетерпении Советов; в ноябре, когда стало ясно, что эти мелкие уколы не производят на китайские власти никакого впечатления, Красная Армия совершила внезапное вторжение на территорию Китая, разметав местные военные силы китайцев и захватив два небольших городка. На этот раз предупреждение было принято к сведению, и переговоры начались всерьез. 22 декабря был подписан протокол, по которому восстанавливались на своих постах советский генеральный управляющий КВЖД и другие советские служащие, восстанавливался прежний статус-кво, а спорные вопросы передавались для решения на предстоящую конференцию. В столкновении с Красной Армией китайские военачальники продемонстрировали свое бессилие. Советский Союз доказал, что является серьезной военной и дипломатической силой на Дальнем Востоке; кроме того, у него появились некоторые интересы, общие с интересами западных держав. Это был поворотный пункт во внешней политике Советского Союза.

Коммунистическая партия Китая, разбросанная по всей стране, загнанная в подполье и потерявшая боевой дух, не принимала никакого участия в этих событиях. Проинструктированный Коминтерном, ее Центральный Комитет выдвинул лозунг "защиты Советского Союза" и громче стал осуждать правительство Нанкина. Однако то, что в Москве рассматривали как чудовищную угрозу советской безопасности, в глазах некоторых патриотически настроенных китайцев выглядело как шаг к освобождению китайской территории от иностранного, то есть советского, контроля. Чэнь Танцю, которого вывели из партийного руководства после катастрофы 1927 года, сейчас был вообще исключен из партии за то, что громко заявлял об этих настроениях и затем провозгласил себя последователем Троцкого. Здесь, как и везде,

Коминтерн мог навязать дисциплину, но не мог вдохнуть жизнь в ослабевавшие партийные ряды, чье бессилие в городских центрах скрыть было уже невозможно.

Только рекруты Мао Цзэдуна и местные Советы, которым они оказывали помощь, могли похвастать хоть каким-то успешным революционным достижением. Но все эти события проходили в отдаленном районе Китая, и их лидеры в лучшем случае делали лицемерные заявления о повиновении директивам партии и Коминтерна. Несмотря на то, что китайское коммунистическое движение так много почерпнуло у русских и вдохновлялось их примером, ему удалось выжить, а впоследствии и восторжествовать, принимая такие формы, которые были для Москвы неожиданными и которым она не доверяла.

Революция в перспективе

Ленин в своих "Апрельских тезисах" провозгласил, что Февральская революция 1917 года была не просто буржуазной революцией, но переходом под руководством рабочих и беднейшего крестьянства к долгожданной социалистической революции будущего; это говорит о его тонкой реакции на ту бурную обстановку, которая предшествовала его возвращению в Петроград. Русская буржуазия, слабая и отсталая по сравнению со своими западными собратьями, не обладала ни экономической мощью, ни политической зрелостью, ни достаточной независимостью, ни внутренним единством, необходимыми для того, чтобы удержать власть. С другой стороны, союз пролетариата и буржуазии, сплотившихся для свершения буржуазной революции, был совершенным мифом. Пролетариат, как только стал действенной силой, не мог поставить у власти буржуазию, которая эксплуатировала его труд. И буржуазия не могла принять союз с пролетариатом, конечной целью которого было ее уничтожение. Когда Ленин сделал попытку выбраться из этого тупика, возложив на пролетариат, поддерживаемый беднейшим крестьянством, бремя ответственности и за свершение буржуазной революции, и за начало социалистической революции, он, несомненно, верил в то, что не только не отрекается от учения Маркса о двух отдельных и последовательных этапах революции, но приспособливает это учение к новым условиям. Однако у этого решения, которое стало программой Октябрьской революции, была своя ахиллсова пята. Маркс представлял себе, что социалистическая революция будет развиваться в недрах капитализма и буржуазной демократии, установленной предшествующей революцией. В России же такого фундамента практически не существовало. Ленин мечтал о построении социализма в экономически и полити-

чески отсталой стране. Этого противоречия можно было избежать, только если предполагать, что революция вот-вот станет интернациональной, что европейский пролетариат поднимется против своих капиталистических хозяев и обеспечит условия для продвижения к социализму, которых Россия, находясь в изоляции, не имела. Социализм, установленный путем революции в стране, где пролетариат был экономически слаб и немногочислен, не был и не мог быть социализмом, который, как предсказывали Маркс и Ленин, является результатом революции объединенного пролетариата экономически развитых стран.

Поэтому с самого начала русская революция носила смешанный и двусмысленный характер. Маркс отметил, что зародыш буржуазного общества формировался в рамках феодального строя и уже вполне развился, когда буржуазия утвердила свою власть. Предполагалось, что нечто аналогичное произойдет и с социалистическим обществом, прежде чем наступит победа социалистической революции. В одном — и только в одном! — отношении это ожидание оправдалось. Индустриализация и техническая модернизация, которые занимали одно из важнейших мест среди достижений капиталистического общества, не менее высоко оценивались и в социалистическом обществе. Задолго до 1914 года в экономике западного мира начался переход от мелкого индивидуального производства отдельных предпринимателей к крупному промышленному производству, которое постепенно стало в экономике доминирующим и волей-неволей влияло на политику. Сам капитализм уже размыл границу, отделяющую экономику от политики, расчищая тем самым дорогу для какой-то новой формы централизованного контроля и закладывая фундамент, на котором можно было бы строить социализм.

Эти процессы достигли апогея во время первой мировой войны. Изучение немецкой военной экономики побудило Ленина заметить летом 1917 года, что "государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма"; а несколько недель спустя он заметил довольно эксцентрично, что материальная, экономическая база социализма уже создана в Германии в форме "государственно-монополистического капитализма". Противоречия капитализма уже заложили внутри капиталистического строя основу плановой экономики. Этот факт выну-

дил некоторых критиков характеризовать достижения советского планирования как "государственный капитализм". Такая точка зрения кажется мне вряд ли уместной. Капитализм без предпринимателей, без безработицы и свободного рынка, где прибавочная стоимость, созданная рабочими, не присваивается никаким классом, а прибыль играет чисто подчиненную роль, где цены и заработная плата не подчиняются закону предложения и спроса, — все это просто уже не может быть капитализмом в полном смысле этого слова. Советская плановая экономика повсюду признавалась вызовом капитализму. Это "материальное осуществление экономических условий" социализма было основным последствием революции.

Однако если было бы глупо отказывать этим достижениям в названии "социализм", то одинаково нелепо делать вид, что это и есть осуществление задуманной Марксом "ассоциации свободных предпринимателей", или диктатуры пролетариата, или же ленинской переходной "демократической диктатуры рабочих и крестьян". Это построение не удовлетворяло и идее Маркса о том, что освобождение рабочего класса есть дело рук самого рабочего класса. Советская промышленная и аграрная революции, очевидно, попадают в категорию "революций сверху", навязанных властью партии и государства. Стала совершенно явной ограниченность идеи построения социализма в одной стране. Представление о том, что в буржуазном обществе набирает силы образованный пролетариат, подобно тому как созрела буржуазия в недрах феодального общества, оказалось не соответствующим действительности — меньше всего это было возможно в отсталой России, где рабочий класс был немногочисленным, угнетенным, не имел никакой организации и не усвоил ни одной из даже самых традиционных свобод буржуазной демократии. В победе революции решающую роль сыграло небольшое ядро классово сознательных рабочих. Но необходимость управления громадными территориями, входящими в Советскую республику, требовала более сложных и более изощренных организационных форм. Партия Сталина, которая представляла собой дисциплинированный отряд, ведомый небольшой и преданной делу группой революционеров-интеллектуалов, вступила в совершенно неизведанную область и стала проводить политику новой власти методами, которые после смерти Ленина становились все более и более диктаторскими,

при этом все меньше опираясь на пролетариат. Приемы, вначале изредка и с оглядкой применяемые в пылу гражданской войны с ее ужасами, постепенно переросли в широчайшую систему чисток и концентрационных лагерей. Если провозглашенной целью был социализм, то средства, которыми ее стремились достичь, были часто полным отрицанием социализма.

Это не означает, что не было никакого продвижения по пути к возвышенным идеалам социализма — освобождению рабочих от гнета прошлого и признанию их ведущей роли в новом обществе. Но шествие по этому пути было чрезвычайно замедленным и часто тормозилось всякого рода отступлениями и бедствиями, которых иногда просто невозможно было избежать. После разрушений и тягот гражданской войны последовала короткая передышка, за время которой уровень жизни и рабочих, и крестьян стал немного подниматься по сравнению с тяжелейшими условиями жизни в царской России. За 10 лет, начиная с 1928 года, этот уровень опять снизился под давлением высоких темпов индустриализации, а крестьянство за это время прошло через ужасы насильственной коллективизации. Едва только страна перевела дух, как на нее обрушилась мировая война, в которой СССР стал жертвой нападения Германии, самого обширного и самого опустошительного, какое только знала Европа. Эти испытания оставили свой след, моральный и материальный, на жизни советских людей и на образе мышления и народа, и его руководителей. Вовсе не все страдания, выпавшие на долю этой страны в первой половине века, после революции, следует приписывать внутренним причинам или железному кулаку сталинской диктатуры.

Однако в 50–60-х годах плоды индустриализации, механизации и долгосрочного планирования стали уже созреть. По западным меркам многое оставалось еще примитивным и отсталым, но уровень жизни существенно повысился. Социальные услуги, включая здравоохранение и начальное, среднее и высшее образование, стали более эффективными и, выйдя за пределы крупных городов, распространились на большую часть советской территории. Самые печально известные сталинские инструменты угнетения были уничтожены. Образ жизни рядовых граждан изменился к лучшему. Когда в 1967 году отмечалось 50-летие революции, можно было говорить о серьезных успехах. За первую половину столетия население в СССР увеличилось со 145 миллионов до более

чем 250 миллионов, количество городских жителей по отношению ко всему населению страны — с 20 до 50% и более. Это был громадный рост городского населения, причем большинство из новых горожан были детьми крестьян, внуками и правнуками крепостных. Советские рабочие и даже советские крестьяне 1967 года очень сильно отличались от своих отцов и дедов эпохи 1917 года. Они не могли не осознавать того, что сделала для них революция; и это перевешивало отсутствие свободы, которой они никогда и не знали и о которой даже не мечтали. Суровость и жестокость режима были реальностью, но точно такой же реальностью были и достижения.

На Западе непосредственным результатом русской революции была резкая поляризация левых и правых. Революция стала пугалом для консерваторов и путеводной звездой для радикалов. Вера в то, что человеческое общество по своей сути делится на две половины, вдохновило создание Коминтерна. Но никто из марксистов и не помышлял, что слабые русские силы станут претендовать на ведущую роль в международной революции, которую Маркс и Ленин представляли как массовое движение объединенного европейского пролетариата. Когда стало ясно, что революции в Европе не будет, и когда идея построения социализма в одной стране стала официальной идеологией ВКП(б), все более настойчивые требования рассматривать достижения социализма в СССР как образец для подражания, а Коминтерн — как хранилище социалистического вероучения опять привели к поляризации, на этот раз между приверженцами Востока и Запада внутри группировок левых. Коммунисты и западные социал-демократы вступили в конфронтацию вначале как не очень доверяющие друг другу союзники, а затем уже и как явные враги — это в Москве совершенно неправильно истолковали как предательство лидеров-ренегатов. Невозможность найти общий язык оказалась симптомом раскола. Мировая революция, как ее представляли в Москве в 1924 году и позже, была движением, направляемым сверху институтом, утверждающим свое право действовать от имени того пролетариата, которому удалось осуществить в своей стране победоносную революцию. Такая переориентация подразумевала не только монополию советских руководителей на опыт и знание того, как следует осуществлять революцию, но и

то, что первостепенной задачей мировой революции является защита единственной страны, где победила революция. Но эти притязания, а также политика и мероприятия, которые ими диктовались, оказались полностью неприемлемыми для большинства рабочих Западной Европы, считавших себя гораздо более развитыми во всех смыслах — и в экономическом, и культурном, и политическом, — чем их отсталые русские товарищи, тем более что они не могли не видеть негативных сторон советского общества. Упорство в проведении такой политики дискредитировало в глазах западных рабочих и власть Москвы, и национальные коммунистические партии, которые ей рабски подчинялись, и даже саму революцию.

Отношения с отсталыми некапиталистическими государствами складывались, однако, иным образом. Ленин был первым, кто обнаружил связь между революционным движением за освобождение рабочих от гнета капитализма в развитых странах и освобождением отсталых и зависимых государств от власти империалистов. отождествление капитализма с империализмом было излюбленной темой советской пропаганды в Азии; наивысшим ее достижением была китайская национальная революция середины 20-х годов, которую она подтолкнула. По мере того как СССР укреплял свои позиции, его престиж попечителя и лидера "колониальных" народов стремительно возрастал. Идя по пути революции и индустриализации, он достиг впечатляющего роста экономической независимости и политической мощи, достойного зависти и подражания. За пределами Европы даже преувеличенные притязания Коминтерна выглядели значимыми. Дело защиты СССР вовсе не казалось излишним в революционной программе; напротив, оно означало защиту самого могущественного союзника всех слаборазвитых стран в их борьбе с развитыми капиталистическими государствами.

Методы, вызывавшие отвращение в странах, где буржуазная революция была неотъемлемой частью их истории, где в гибких рамках либеральной демократии выросло сильное рабочее движение, иначе воспринимались в государствах, где еще фактически не существовало пролетариата, где буржуазная революция еще только намечалась, а буржуазная демократия была лишь призрачной мечтой. Там, где голодные и безграмотные массы еще не достигли уровня революционной сознательности, "революция сверху" была пред-

почтительнее, чем отсутствие революции вообще. В то время как в развитых капиталистических странах мира массовые волнения, вызванные русской революцией, носили в основном разрушительный характер и не могли создать никакой конструктивной модели для революционных действий, в отсталых некапиталистических странах влияние русской революции широко распространилось и оказалось более плодотворным. Естественно, что благодаря престижу революционного режима, который собственными усилиями поднял страну до уровня крупной индустриальной державы, СССР возглавил движение отсталых стран против мирового господства капитализма, до 1914 года буквально ни в чем не встречавшего противодействия. И в этом контексте казались несущественными пятна на его репутации. Благодаря революционному движению отсталых стран, не достигших капиталистического уровня развития, революция стала представлять новую угрозу для капиталистических держав, чьи потенции еще далеко не исчерпаны. Русская революция 1917 года не смогла выполнить те задачи, которые она сама перед собой поставила, и осуществить те надежды, которые породила. Ее история полна ошибок и неясностей. Но она еще долго оказывала такое сильное воздействие на весь мир, как ни одно историческое событие нашей эпохи.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авербах Л. 131
Андреев А. 62
Бисмарк О. фон 97
Блюхер В. (Галин) 1, 197
Болдуин С. 104
Бородин М. 107, 108, 110, 111, 112, 114
Брандлер Г. 95
Бриан А. 97
Бухарин Н. 15, 18, 34, 37, 41, 70, 75, 83, 85, 87, 88, 91–93, 124–126, 131, 136, 137, 140, 149, 152, 156, 157, 178–181, 191, 192
Ван Цзинвэй 108
Витте С. 117
Ворошилов К. 93
Врангель П. 26
Гарриман У. 104
Гендерсон А. 24, 101
Герцен А. 140
Гитлер А. 141
Громан В. 154
Дауэс Ч. 96
Деникин А. 21, 35
Дзержинский Ф. 67, 71, 123
Зиновьев Г. 12, 23, 34, 53, 67, 70, 72, 73, 75, 77, 81, 82, 85, 86, 91–93, 95, 99, 100, 102, 120, 121, 123, 126–130, 155, 176, 178
Иоффе А. 107
Истмен М. 89, 90
Каганович Л. 180
Калинин М. 93
Каменев Л. 10, 12, 14, 68, 70, 72, 73, 75, 81, 82, 85, 91–93, 120, 121, 126, 127, 129, 130, 176, 178–180
Карахан Л. 109
Келлог Ф. 188
Кемаль Ататюрк 56
Керенский А. 13
Керзон Д. 26, 57, 94
Киров С. 93
Колларов В. 99
Коллонтай А. 39
Колчак А. 21, 35
Копп В. 53
Корнилов Л. 12
Красин Л. 51, 53, 54, 60, 68
Кржижановский Г. 157
Крупская Н. 71, 81, 93
Куйбышев В. 70, 123, 129, 137, 151, 154, 157
Купер Д. 158
Ленин В. 9–14, 18, 19, 22, 24, 26, 29, 30, 31, 33, 35–37, 40–43, 45, 50, 51, 53–55, 57, 60, 67, 69–73, 76–84, 86, 90, 91, 101, 105, 106, 117, 118, 126, 144, 180, 182, 183, 185, 188, 199–201, 203
Литвинов М. 51, 54, 187, 188, 192
Ллойд Джордж Д. 24, 54, 94
Лозовский А. 115
Макдональд Д. 101
Мао Цзедун 112, 195, 198

Маркс К. 10, 12, 83, 87, 105, 118,
140, 183, 199–201, 203

Мартов Ю. 9

Маслов А. 99

Микоян А. 93

Молотов В. 70, 77, 79, 93, 135,
137, 170, 172, 181

Муссолини Б. 95

Мюнценберг В. 193

Орджоникидзе С. 71

Петр I 77, 151, 185, 188

Пилсудский Ю. 24, 26, 104, 189

Плеханов Г. 9

Поллит Г. 197

Преображенский Е. 70, 75, 86–
88, 129, 177

Пуанкаре Р. 94

Пятаков Ю. 75, 163

Радек К. 23, 26, 34, 52, 75, 79, 177

Раковский К. 129, 179, 189

Ратенау В. 55

Рудзутак Я. 129

Рыков Т. 93, 136, 148, 152, 157
161, 178, 179, 181

Рыскулов Т. 172

Сект Г. фон 53, 95

Сноуден Р. 24

Сокольников Г. 120

Сталин И. 10, 26, 49, 70–73, 75,
77, 89, 91–93, 99, 100, 120,
121, 124, 126–130, 132, 135–
137, 151, 165, 168, 169, 171
173, 176–185, 188, 191,
192, 194, 201

Столыпин П. 15

Струмилин С. 154

Сунь Чуаньфан 113

Сунь Ятсен 106–108

Тельман Э. 194

Томский М. 62, 93, 102, 136, 148,
178–181

Торез М. 197

Троцкий Л. 13, 17–19, 22, 26, 36,
41, 53, 55, 62, 64–67, 70–77,
81–85, 89, 90, 93, 99, 100, 104,
118, 120, 123, 126–130, 151,
155, 176–178, 197

Тухачевский М. 26

У Пэйфу 110, 111

Устрялов Н. 91

Фишер Р. 99

Фрунзе М. 83

Фын Цзолинь

Фын Юйсян 110, 114

Цеткин К. 99

Чан Кайши 107–114, 127, 195,
197

Чемберлен О. 96, 97

Черчилль У. 24

Чжан Цзолинь 110, 113, 187, 195

Чжу Дэ 195

Чингизхан 179

Чичерин Г. 54, 57, 106, 188

Чэнь Танцю 197

Шляпников А. 39

Штресман Г. 95, 97

Энвер-паша 106

Эррио Е. 95

Юденич Н. 21

Монография

Э.Х. Карр

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ОТ ЛЕНИНА ДО СТАЛИНА 1917–1929

Фотографии разысканы, отобраны и аннотированы
сотрудниками ЦГА КФД Г.В. Васильевой, А.И. Крупко, Л.И. Упит.

Редактор Е.Б. Аузан

Оформление художника Ю.С. Саевича

Художественный редактор Н.Д. Смольникова

Технический редактор З.Д. Гусева

Корректор А.В. Федина

ИБ № н/к

Сдано в набор 6.03.90. Подписано в печать 8.05.90. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Пресс-Роман». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92 + 2,52 вкл. Усл. кр.-отт. 16,40. Уч.-изд. л. 15,58. Изд. № 6 Интер-Версо. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1046. Цена 4 руб.

Издательство "Интер-Версо"
107078, Москва, Садовая - Спасская, 20

Издательство "Международные отношения"
107078, Москва, Садовая - Спасская, 20

Отпечатано с готового оригинал-макета
издательства "Международные отношения"
на Ярославском полиграфкомбинате Госкомпечати СССР
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97

Э. Х. Карр (1892—1982 гг.) — известный английский историк, профессор Тринити Колледжа в Кембридже.

Среди его книг: "Международные отношения в период между двумя войнами (1919—1939)", "Двадцатилетний кризис (1919—1939)", "Национализм и его последствия", "Новое общество. Что такое история?", "1917 год. До и после", "Михаил Бакунин".

Наиболее известный труд Э. Х. Карра — четырнадцатитомная "История советской России".

В книге "Русская революция: от Ленина до Сталина (1917—1929)" — первой книге Э. Х. Карра, издающейся в СССР, — автор знакомит и ученых, и рядовых читателей с результатами труда, которому он посвятил всю свою жизнь. Историческая наука по праву считает это произведение классическим очерком по истории Октябрьской революции. Западные рецензенты писали: "Не так уж много книг о прошлом дают нам представление о настоящем, но это именно такая книга, и ее должны прочитать как можно больше людей"... "Каждое утверждение, нет, даже каждая фраза основана на точном, тщательном документальном анализе".